

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

МГПУ

Международное научное издание
№3/2019

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Международное научное издание
2019 г. Том 10. № 3

International scientific journal
2019. Vol. 10. No. 3

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

Международный научный журнал

Включен в перечень ВАК. Включен в РИНЦ.

Включен в базу Web of Science

Главный редактор

Наталия Толстых

Ответственный секретарь

Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.А. Гулевич, Е.М. Дубовская, Ю.М. Забродин, В.А. Ильин,

В.А. Лабунская, Н.К. Радина, О.Е. Хухлаев,

Л.А. Цветкова, Н.М. Швалева, Т.И. Шульга (Россия),

Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель

Александр Донцов

Заместитель председателя

Наталия Толстых

Заместитель председателя

Вера Лабунская

Члены редакционного совета

Ю.М. Забродин, Л.А. Цветкова, Т.И. Шульга (Россия),

Ф. Зимбардо (США), И. Маркова (Великобритания),

Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия),

А.А. Файзуллаев (Узбекистан), К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический
университет»

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Тираж 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эксперимент С. Милгрэма сквозь призму исторической психологии
В.Н. Павленко 5

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Особенности межпоколенных различий в жизненной
позиции подростков
В.С. Собкин, Е.А. Калашникова 19

Отношение к глобальным рискам студентов православных
и светских вузов
Т.П. Емельянова, Т.В. Бельх 40

Отношение к внешнему облику, его ценность и значимость
как факторы субъективного благополучия молодых людей
В.А. Лабунская 51

Особенности национального самосознания армян,
проживающих в России и в Армении
Г.И. Морева, Г.М. Курдогян 67

Становление нравственного отношения к «чужим» у сельских
и городских детей 3–11 лет
И.И. Знаменская, Ю.И. Александров 85

Деньги как фактор возникновения психологических проблем
у богатых людей
Е.Б. Филинкова 100

Взаимосвязь взрослой и детской бедности с психологическими
характеристиками личности
М.В. Ефремова, О.В. Полуэктова 118

Социальная идентичность и ценностные ориентации у приемных
родителей с разным количеством детей
А.А. Алдашева, М.Е. Зеленова, О.Н. Сиваш 137

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Альтруистическое инвестирование как нетворкинг-стратегия личности:
разработка шкалы и проверка конструктивной валидности
Л.В. Марарица, Т.В. Казанцева, Л.Г. Почебут, А.Л. Свеницкий 157

Тест эмоционального интеллекта — русскоязычная методика
Е.А. Сергиенко, Е.А. Хлевная, И.И. Ветрова, А.А. Никитина 177

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Второй международный симпозиум по проблемам психологии дорожного
движения и транспортной психологии
(Ноттингем, Великобритания, 11–12 апреля 2019 года)
Т.В. Кочетова 193

Распалась ли связь времен в социальной психологии?

К 95-летию юбилею Г.М. Андреевой
Д.А. Хорошилов 196

Светлой памяти О.В. Хухлаевой 202

CONTENTS

THEORETICAL RESEARCH

- S. Milgram's experiment through the lens of historical psychology
V.N. Pavlenko 5

EMPIRICAL RESEARCH

- Features of intergenerational differences in the life position of adolescents
V.S. Sobkin, E.A. Kalashnikova 19
- Attitudes to global risks students of orthodox and secular universities
T.P. Emelyanova, T.V. Belykh 40
- Attitude to appearance, its value and significance as factors
of subjective well-being of young people
V.A. Labunskaya 51
- Peculiarities of national identity of Armenians living in Russia and Armenia
G.I. Moreva, G.M. Kurdoglyan 67
- Development of moral attitudes toward out-group members
in 3–11-year-old urban and rural children
I.I. Znamenskaya, Yu.I. Alexandrov 85
- Money as a source of psychological problems of wealthy people
E.B. Filinkova 100
- The relationship of adult and childhood poverty
with the individual psychological characteristics
M.V. Efremova, O.V. Poluektova 118
- Social identity and value orientations of adoptive parents
with different numbers of children
A.A. Aldasheva, M.E. Zelenova, O.N. Sivash 137

METHODOLOGICAL TOOLS

- Altruistic investment as a personal networking strategy:
The development of scale and testing its constructive validity
L.V. Mararitsa, T.V. Kazantseva, L.G. Pochebut, A.L. Sventsitski 157
- The test of emotional intelligence – a russian-speaking method
E.A. Sergienko, E.A. Khlevnaya, I.I. Vetrova, A.A. Nikitina 177

SCIENTIFIC LIFE

- The 2-nd Traffic and Transport Psychology Symposium
(Nottingham, Great Britain, 11–12 April, 2019)
T.V. Kochetova 193

The continuity of the knowledge in Social Psychology, could it be possible?

- Commemoration to the 95th anniversary of G.M. Andreeva
D.A. Khoroshilov 196

- In memory of O.V. Khukhlaeva 202

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Эксперимент С. Милгрэма сквозь призму исторической психологии

В.Н. ПАВЛЕНКО*,
ХНУ им. В.Н. Каразина, Харьков, Украина,
vnp49@ukr.net

В статье представлен взгляд на результаты классического эксперимента С. Милгрэма с точки зрения теорий Б.Ф. Поршинева и Д. Джейнса. Дан обзор тех положений обеих теорий, которые имеют значение для анализа эксперимента С. Милгрэма. Проведен их сравнительный анализ. Показано, что обе теории постулируют наличие такого периода в истории человечества, когда наши предки руководствовались в своем поведении не собственными мотивами, целями и задачами, а чужими речевыми командами — то ли подаваемыми реальными лидерами (Б.Ф. Поршнев), то ли их «двойниками» — голосами-галлюцинациями (Д. Джейнс). Если согласиться с авторами этих теорий, то беспрекословное подчинение «авторитету», демонстрируемое большинством испытуемых в эксперименте С. Милгрэма, является в определенном смысле рецидивом тех психологических механизмов и поведения, которые существовали у человека в историческую эпоху тотальной суггестии (по Б.Ф. Поршиневу) или «бикамерального разума» (по Д. Джейнсу).

Ключевые слова: историческая психология, эксперимент С. Милгрэма, подчинение, суггестия, слуховые галлюцинации, бикамеральный разум.

Классический эксперимент Стэнли Милгрэма, впервые описанный им в 1963 году [7], со времени своего проведения неоднократно воспроизводился в разных странах и разных модификациях. Т. Бласс в свое время дал полный

Для цитаты:

Павленко В.Н. Эксперимент С. Милгрэма сквозь призму исторической психологии // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 3. С. 5–18. doi:10.17759/sps.2019100301

* Павленко Валентина Николаевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры прикладной психологии, факультет психологии, Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Харьков, Украина, vnp49@ukr.net

обзор этих репродукций [4]. В 2017 году эксперимент повторили польские психологи [5], в 2018 году он был повторен в Украине. Как и при предыдущих его воспроизведениях, оказалось, что по-прежнему очень высок процент испытуемых, которые готовы, следуя указаниям присутствовавшего рядом «авторитета», вопреки своей совести, часто совершенно искренне мучаясь, тем не менее причинять боль и страдания другому человеку. При этом, как и в оригинальном варианте, по отношению к ним не применялось физическое воздействие, не существовало даже его угрозы, просто бесстрастная команда-напоминание: начиная от «Пожалуйста, продолжайте» и заканчивая «У Вас нет другого выбора, Вы должны продолжать». В эти результаты невозможно поверить, их тяжело понять и еще труднее принять. Но факт остается фактом. Люди бравируют своей способностью противостоять воздействию других людей, лидеров, рекламы или пропаганды, очевидно, недооценивая степень своей податливости. Откуда она в нас? Почему мы так реагируем? До сих пор на это нет однозначного ответа. Однако знакомство с некоторыми теориями позволяет высказать предположение, что предпосылки такого поведения могут скрываться в нашей истории. Попробуем в этом разобраться.

В контексте поднятой проблемы хотелось бы обратить внимание на две теории, возникшие независимо друг от друга практически одновременно на разных континентах и с разных позиций бросившие вызов бытующим представлениям о психологических особенностях Человека на заре его истории. Речь идет о достаточно хорошо известной теории Б.Ф. Поршнева и малознакомой для русскоязычных читателей теории Д. Джейнса. Несмотря

на то, что со времени их появления прошло почти полвека, и каждая из теорий за это время обросла как критиками, так и сторонниками, их основные идеи, как и в момент их появления, входят в диссонанс с существующими на сегодняшний день представлениями о той исторической эпохе, взывая к их анализу, попыткам осмысления и сопоставления.

Теория Б.Ф. Поршнева

Теория Б.Ф. Поршнева столь междисциплинарна и многоаспектна, что трудно в рамках небольшой статьи изложить даже основные ее идеи, поэтому здесь будут упомянуты только те ее положения, которые имеют непосредственное отношение к теме. В своем основном труде «О начале человеческой истории», впервые увидевшем свет еще в 1974 году [2] и впоследствии неоднократно переиздававшемся [3], исследователь представил свое видение антропогенеза и тех психологических трансформаций, которые его сопровождали.

С точки зрения Б.Ф. Поршнева, в свое время от антропоморфных обезьян ответвилось семейство троглодитид, ставшее промежуточным звеном между обезьянами и семейством гоминид, представленным лишь видом *Homo sapiens*, или «неоантропов». Последние, в свою очередь, подразделялись на «ископаемых» и «современных». Обосновывая введение этого промежуточного звена, Б.Ф. Поршнева подчеркивал, что оно должно быть противоположным и предшественникам, и последователям, поэтому Человек «рождается в обособлении преимущественно от этого посредствующего, а вовсе не от “обезьяньего”» [2, с. 59]. Диагностическим признаком, от-

личающим троглодитид от филогенетически предшествующего ему семейства человекообразных обезьян, служит прямохождение, при этом специально подчеркивается, что орудийность, т.е. использование или даже изготовление орудий, принципиального значения не имеет. В отличие от обезьян, троглодитиды были плотоядными, но не были хищниками, для них была характерна некрофагия (трупоядение). В силу такого нового образа питания троглодитиды освоили раскалывание и расчленение органических покровов посредством крепких и острых камней, впоследствии тот же механизм раскалывания был перенесен ими непосредственно на камни для получения более совершенных рубящих и режущих свойств. Иными словами, по автору, орудия их «труда» были чисто природными новообразованиями.

Семейство троглодитид Б.Ф. Поршнева называет «высшими ортоградными неговорящими приматами» [2, с. 126], тем самым подчеркивая, что «речь» появляется только у Человека. Соответственно, «проблема возникновения Homo sapiens — это проблема возникновения второй сигнальной системы, т.е. речи» [2, с. 118]. В процессе возникновения речи исследователь выделяет 2 уровня: наиболее древний — «инфлюативный» и более поздний — информативный. Иными словами, прежде чем перейти к обмену информацией, наши предки использовали речь для управления поведением других индивидов. В рамках инфлюативного уровня также выделяются 2 фазы: самая древняя, первичная — «интердиктивная», в рамках которой на физиологическом уровне происходит обширное торможение, а значит и запрет на действия индивида, которые диктуются его сенсорной сферой. Вторая, более позд-

няя стадия инфлюативного уровня — «суггестивная», в рамках которой вместо запрещенных собственных побуждений и поступков индивиду навязываются, внушаются какие-то иные, не имеющие ничего общего с тем, что требует его сенсорики и биологический смысл. Таким образом, ядром речевого общения для Б.Ф. Поршнева является функция внушения, суггестии, и это для него принципиальный момент, т.к. это означает, что «ядро находится не внутри индивида, а в сфере взаимодействия между индивидами» [2, с. 187].

В своей работе Б.Ф. Поршнева предлагает рабочую модель трансформации интердикции в суггестию, которая строится по принципу «отрицание отрицания». Интердикция I — это «генерализованный тормоз, т.е. некий единственный сигнал (не обязательно... звуковой: вероятнее, что это движение руки), тормозящий у другой особи, вернее, у других особей, любое иное поведение, кроме имитации этого сигнала» (соответствует смыслу термина «нельзя»). Интердикция II — некий сигнал, специально тормозящий этот генерализованный тормоз (соответствует смыслу «можно»). Интердикция III или суггестия — это предписание, навязывание партнеру («противнику») уже определенного действия или способа реагирования (соответствует смыслу термина «должно»). Соотнося эту рабочую модель непосредственно с антропогенезом, Б.Ф. Поршнева предлагает рассматривать фазу «интердикции I» как высший предел взаимодействий между особями в мире палеоантропов, «интердикцию II» — как взаимодействие между Homo sapiens и представителями троглодитид, а суггестию — как перенесение отношений, характерных для дивергенции двух этих семейств, в мир самих неан-

тропов — в плоскость взаимоотношений между особями и группами Homo sapiens.

Прямым следствием такой тотальной суггестии в первобытном обществе было, по Б.Ф. Поршневу, совершенно «противоестественное», воспринимаемое как навязываемое, поведение людей — стремление к максимальному безвозмездному отчуждению благ. «Коллективизм первобытной экономики состоял не в расстановке охотников при облаве, не в правилах раздела охотничьей добычи и т.п., а в максимальном угощении и одарении каждым другого» [2, с. 405], чего никогда не было ни до этой эпохи, ни после.

Для Б.Ф. Поршнева суггестия, т.е. вербальное внушение, являлась исходным субстратом любых социально-психологических отношений. Согласно представлениям исследователя, человечество начало свое развитие, уже имея внушение как продукт предыдущего видообразования, но специфические человеческие характеристики оно начало обретать только после возникновения механизмов, которые делали возможным торможение процесса суггестии, активно противодействовали ему.

Б.Ф. Поршневу считал, что наши предки вначале препятствовали суггестивным механизмам с помощью наиболее элементарных способов, например, избегая контактов. Когда скопление людей в первобытных поселениях достигало критической величины, наши предшественники испытывали чувство сильного психологического дискомфорта из-за появления у них «груза межиндивидуального давления». Они пытались искать спасения в избегании контактов, что способствовало постепенному их расселению на новых, никем не занятых территориях. Невиданная ранее скорость расселения людей той эпохи по всему

земному шару была для ученого очередным подтверждением его гипотезы о непереносимости для первобытных людей груза давления суггестии и поиска разнообразных способов борьбы с ним.

Среди различных форм противодействия суггестии — контрсуггестии, в терминологии автора, — Б.Ф. Поршневу выделял в качестве одного из первичных защитных механизмов феномен формирования недоверия. Согласно исследователю, разделение группы на авторитетных и неавторитетных членов является одним из способов, предоставляющих реальную возможность сокращения числа тех, кто может «запускать» процесс суггестии. Критическое отношение, априори существовавшее ко всем членам общности, не обладающим авторитетом, активно препятствовало или существенно ослабляло возможность вербального внушения с их стороны. В этом же ключе можно рассматривать, согласно Б.Ф. Поршневу, и принцип выдвижения лидеров — общепризнанных авторитетов в обществе (вождей, президентов, пап и др.). По автору, за подобными действиями всегда стоит такая бессознательная логика общества: пусть слово кого-либо одного будет иметь огромную силу, это не самая большая плата за возможность не подвергаться воздействию со стороны всех остальных.

В качестве еще одного способа ограничения суггестии Б.Ф. Поршневу также рассматривал разделение человечества на этносы. Вопрос здесь не только в том, что дифференцировка людей на тех, кто принадлежит к определенной этнической группе («наших»), и тех, кто не принадлежит («чужих»), существенно ограничивает количество потенциальных суггесторов. Процесс внушения в этом случае осложняется также тем, что такое разделение способствует и качественной

несовместимости — непониманию друг друга из-за разных языков, культурных норм, традиций, обычаев и т.п.

Б.Ф. Поршнев утверждал, что при всем многообразии форм общностей они всегда и везде конституируются через противопоставление «Мы» и «Они». Для исследователя данное социально-психологическое противопоставление выступает как первичное по отношению к индивидуально-психологическому. При этом в исходной оппозиции «Мы» — «Они» более ранним, первичным является полюс «Они». Именно возникновение представлений о «них» Б.Ф. Поршнев называл первым актом социальной психологии. Представление же о своей общности всегда вторично, оно формируется посредством механизма контрсуггестии через противопоставление «чужих» и «своих». И именно в таком порядке. То есть начальный образ «Мы» возникает как представление, что «Мы», «наши», не такие, как «Они», «чужие». Впоследствии образ «Мы» все более кристаллизуется, наполняясь конкретным содержанием и смыслом.

Важную роль в процессе кристаллизации образа «Мы» играет механизм контр-контрсуггестии. Из предложенного Б.Ф. Поршневым термина непосредственно вытекает то, что контр-контрсуггестия направлена против контрсуггестии. С точки зрения автора, контр-контрсуггестия — это возвращение к механизмам суггестии, внушения, но на более высоком уровне. Если контрсуггестия способствовала этнодифференцирующим процессам, то процессы внутриэтнической консолидации, согласно Б.Ф. Поршневу, непосредственно связаны с вербальным внушением и контр-контрсуггестией. Поскольку суггестия всегда интенсифицируется в ус-

ловиях активизации внутригрупповых контактов, именно поэтому во всех этносах важная роль всегда отводилась общезнаменным мероприятиям — общей племенной трапезе, гуляниям, общему пению, общим народным праздникам и т.п. В результате наблюдалось повышение доверия к общности, снижение критики, возрастание чувства принадлежности к «Мы» (т.е. этническая идентификация), ускорение формирования внутриэтнической консолидации.

Повышению суггестии благоприятствовали также изоляционистские настроения, так как они увеличивали вероятность контактов членов данной, изолированной от иных общностей, этнической группы. Поэтому использование природных факторов, благоприятствующих отгороженности общности, или создание искусственных «стен» (в буквальном смысле этого слова, скажем, «Великой китайской стены» или в переносном — возведение «железного занавеса») вместе с увеличением замкнутости способствовали, по Б.Ф. Поршневу, развитию суггестивных процессов.

Теория «бикамерального разума» Д. Джейнса

Американский психолог Джулиан Джейнс получил широкую известность благодаря своей книге «Происхождение сознания в процессе краха бикамерального разума», впервые изданной в 1976 году [7]. В 1978 году эта работа была номинирована на престижную Национальную Книжную Премию, получила позитивные отзывы и впоследствии неоднократно переиздавалась. На русский язык, насколько нам известно, книга никогда не переводилась.

Основную идею Д. Джейнса, если выражать ее максимально лаконично, можно сформулировать следующим образом: согласно автору, на заре человеческой истории люди не обладали сознанием, и их психическая деятельность была совершенно не похожа на психику современного человека. Предшественником сознания был в этот период (приблизительно 10-е—2-е тысячелетия до нашей эры) так называемый «бикамеральный разум», вариант психики, состоящей как бы из двух частей («камер»). Одна из этих «камер», за работу которой отвечало преимущественно левое полушарие головного мозга, обеспечивала осуществление человеком своих повседневных исполнительских функций. Вторая же «камера», за работу которой отвечало в основном правое полушарие, была инициатором любой деятельности и выполняла функцию контроля. Эта «камера» управляла человеком посредством вербальных галлюцинаций. В определенном смысле, по автору, нечто подобное можно наблюдать в наше время в клинике у больных шизофренией, страдающих слуховыми галлюцинациями. Голоса, которые слышали люди в древности (и которые слышат больные шизофренией сейчас), инициировали и полностью регулировали их деятельность. И в том, и в другом случае они воспринимались как не свои, а внешние, навязывающие индивиду мысли, чувства, поведение. Для наших предков, по Д. Джейнсу, это были, как правило, голоса богов или других представителей потустороннего мира. Крах эпохи «бикамерального разума» открыл возможность возникновения сознания.

Попытаемся развернуть эту общую идею и рассмотреть наиболее важные ее составляющие. Сам автор в послесловии, написанном им к очередному пере-

изданию его работы в 1990 году, четко указывает на то, что в его труде есть 4 основные гипотезы, которые он и пытался доказать.

Одна из гипотез касается собственно «бикамерального разума». Д. Джейнс, обращаясь к поэме Гомера «Иллиада» и предлагая рассматривать ее как психологический документ, анализирует ее текст и приходит к выводу, что герои, описанные в поэме, никогда не иницируют собственных действий, никогда не планируют их, они только выполняют то, что советуют или приказывают им боги. Сторонним наблюдателям может показаться, что именно герои выступают инициаторами, но сами герои знают, что это не так. Один из характерных примеров, приводимый в этом плане исследователем, касается слов одного из героев — Агамемнона, которому Ахилл в конце войны напоминает о ситуации, когда тот ограбил его, на что последний отвечает: «Не я был причиной этого действия, а Зевс» [7, с. 72].

«Что же это за боги, которые манипулировали людьми как роботами?» — ставит вопрос Д. Джейнс и отвечает на него следующим образом: «Это были голоса, чья речь и указания были так же отчетливо слышны героям Иллиады, как слышны голоса определенным эпилептикам и шизофреникам или как слышала голоса Жанна Д'арк» [7, с. 73]. Иными словами, уточняет автор: «Боги это то, что сейчас мы называем галлюцинациями». Иногда это только голоса, иногда — более целостные образы, не только слышимые, но и видимые. Это могут быть образы известных богов, правителей, родственников, иногда живых, но чаще — уже умерших, и люди подчиняются их голосам, потому что «сами они просто не знают, что им делать» [7, с. 75]. Наличие подобных го-

лосов, которым надо беспрекословно повиноваться, согласно Д. Джейнсу, было абсолютно необходимой предпосылкой появления в будущем сознания, при котором уже сам человек ответственен за свои действия, может сам себе приказывать и собой управлять. В этом последнем случае, по образному выражению исследователя, «мы сами становимся своими собственными богами» [7, с. 79].

Пусковым механизмом для возникновения галлюцинаций были стрессовые ситуации, например, ситуации принятия решения. Именно они и провоцировали запуск галлюцинаторного процесса. С точки зрения Д. Джейнса, то, что это были преимущественно слуховые галлюцинации, отнюдь не случайно, потому что слух — это наименее контролируемая из модальностей, поэтому «слышать — означало подчиняться» [7, с. 99]. В подтверждение автор, помимо прочих доказательств, приводит анализ слова «послушание», значение которого — подчинение чьей-то воле, чьим-то правилам или приказам — лингвистически столь очевидно и однозначно увязывается именно с данной модальностью, со слушанием.

Возникновение эпохи «бикамерального разума» Д. Джейнс увязывает с необходимостью социального контроля в новых условиях — при переходе от жизни в малых группах охотников-собирателей к жизни в больших сельскохозяйственных сообществах. Этот новый тип социального контроля, характерный для резко возросших по численности групп людей, как раз и обеспечивался, по автору, таким специфическим устройством психики. Данное устройство, в свою очередь, стало возможным благодаря развитию языка.

Согласно Д. Джейнсу, в развитии языка можно выделить ряд стадий:

— первой стадией Д. Джейнс называет появление намеренных звуковых сигналов, которые повторяются отправителем до тех пор, пока поведение реципиента сигнала не изменится. Ранее сигналы были не звуковыми, а преимущественно визуальными (например, определенная поза). Но изменение условий жизни, в частности, переход от жизни в светлых африканских саваннах к жизни в хуже освещенных регионах (в том числе в темных пещерах) и, соответственно, ухудшение возможности использования визуальных образов, способствовали и освоению новых модальностей;

— следующим шагом, согласно Д. Джейнсу, была дифференциация сигналов по интенсивности их последних звуков, которая несла какую-то конкретную информацию (например, чем ближе опасность, тем интенсивнее звучит окончание сигнала). Впоследствии это дало возможность вычленить данный сегмент и использовать его для обозначения разных видов опасности;

— следующую стадию Д. Джейнс называет «эпохой команд», когда этот вычлененный сегмент-окончание уже изолированно, сам по себе мог быть использован для управления поведением;

— последующее развитие языка, согласно автору, шло по пути возникновения существительных, вначале тесно связанных с жизненно важными командами (например, при приближении потенциальной опасности сигнала о том, кто конкретно приближается), а позже — для обозначения любых предметов.

Согласно Д. Джейнсу, «вербальные галлюцинации были побочным эффектом усложнения языка, который эволюционировал с помощью естественного отбора как метод контроля за поведением» [7, с. 134]. С точки зрения автора,

человеку той эпохи, не обладающему сознанием, а значит и не способному самостоятельно управлять своим поведением, для осуществления любой деятельности требовались внешние команды. Поскольку в условиях увеличения численности общины лидер уже не мог осуществлять непосредственный контроль, его функцию начали выполнять слуховые галлюцинации. Вначале «голоса» были анонимными, но впоследствии, согласно автору, в связи с возникновением имен, люди той эпохи научились их идентифицировать. Вначале это были голоса правящих вождей или королей, но со временем голоса стали функционировать и после смерти реальных лидеров: «Умерший король становился живым богом. Его гробница — домом бога» [7, с. 143]. А это значит, согласно Д. Джеймсу, что со временем гробницы были заменены храмами, а останки лидеров — идолами или статуями богов, которые тем не менее продолжали выполнять ту же функцию, что и прежде.

Эпоха «бикамерального разума» продолжалась ориентировочно «с девятого по второе тысячелетия до нашей эры» [7, с. 202], и датирование этого периода было второй гипотезой, которую Д. Джейнс пытался обосновать. Исследователь анализирует два вида теократий того периода: вариант, в котором верховный правитель воспринимался как представитель бога (Месопотамия), и вариант, в котором верховный правитель воспринимался как собственно бог (Египет).

На основании изучения клинописи тех времен Д. Джейнс делает вывод о том, что в Месопотамии «богом была статуя. Это была не статуя бога (как мы бы сказали), а собственно сам бог» [7, с. 178]. У него был свой дом, называемый «великий дом», трон, на котором он вос-

седал, его лицо было инкрустировано драгоценными металлами и камнями, он был облачен в специальные одеяния. Его повседневная жизнь была строго расписана и ритуализирована: умывание, одевание, кормление, прогулки (ношение статуи на плечах у специальных служителей) и, конечно же, управление страной, которое осуществлялось с помощью провоцируемых им слуховых галлюцинаций. Доказательства своим взглядам автор находит в описаниях множества ритуалов, предназначенных для облегчения статуям выражения своей воли. Например, ритуалы «омовения рта» статуи и ритуалы «открытия рта», которые первоначально выполнялись только после создания статуй и перед начальным водружением их на трон, однако впоследствии приобрели более регулярный характер.

Верховный бог в Месопотамии диктовал свою волю (провоцировал у населения галлюцинации) не ежедневно, а только в наиболее важных для страны ситуациях. Для повседневного же управления существовали боги-посредники, которые устанавливались в каждом доме и требовали тех же ритуалов, что и верховный бог, но в более простых формах и масштабах.

Теократия в Египте была более архаичной формой, здесь богами были правители. Свои заключения об этой форме Д. Джейнс также делает на основе анализа письменных свидетельств той эпохи, в том числе «Памятника мемфисской теологии» (в русской историографии также известном под названием «Мемфисский богословский трактат») — начертанном на камне тексте, посвященном Птаху, богу-демиургу, покровителю ремесел и «городскому богу» Мемфиса. Фигурирующее в этом

документе выражение (Птах творил мир «языком и сердцем»), которое традиционно интерпретируется иносказательно, Д. Джейнс предлагает трактовать буквально, поскольку для той эпохи характерно конкретное мышление. Более того, он считает, что более адекватным переводом было бы не слово «творил», а слово «командовал», а значит «то, чем Птах действительно командовал, это бикамеральные голоса, которые положили начало, контролировали и направляли Египетскую цивилизацию» [7, с. 186].

Анализируя образ Осириса, который традиционно трактуется как «умирающий» и/или «воскресающий бог», Д. Джейнс придает этому образу несколько иной смысл. Он считает, что на самом деле Осирис «был вызывающим галлюцинации голосом умершего короля» [7, с. 186], который продолжал функционировать, т.е. вызывать слуховые галлюцинации у своих подданных, и после своей смерти (в этом смысле одновременно и мертвый, и воскресающий). Исходя из такой логики, уже не выглядели парадоксальными ни практика мумификации, ни практика построения гробниц-пирамид с обеспечением их всеми необходимыми для жизни атрибутами. Поскольку продолжали существовать голоса, т.е. реальное влияние умершего короля, он продолжал считаться живым, хоть и перестал дышать и двигаться. При любой из рассматриваемых форм теократии, заключает Д. Джейнс, «боги не были плодами воображения кого-либо. Они были человеческой волей» [7, с. 202].

Гипотеза исследователя, увязывающая «голоса» с работой правого полушария, анализироваться здесь не будет, поскольку и критики, и сам Д. Джейнс считали ее наиболее слабо доказанной и наиболее увязимой. Однако обратимся к

последней базовой гипотезе, касающейся трактовки им понятия «сознание». Она звучит так: «Сознание базируется на языке» [7, с. 447]. При этом исследователь отмечает, что сознание не есть язык, но без языка сознания не существует. При этом самое главное, по Д. Джейнсу, правило порождения сознания таково: «Нет операций в сознании, которые первоначально не существовали бы в поведении» [7, с. 449], иными словами, сознание всегда вторично по отношению к реальному миру.

Базовой характеристикой сознания исследователь считает его «пространственный характер», что по сути близко к понятию психосемантического пространства, хоть этого термина Д. Джейнс и не употребляет. Исследователь обращает внимание на метафорический характер образов сознания. Для него понять что-либо означает найти для малопонятного обозначаемого, которое он называет «метафранд» (*metaphrand*), некое обозначающее, которое он именует «метафиер» (*metaphier*) — понятный и знакомый образ, подобранный по аналогии и, конечно, разный в разные эпохи. Например, гром и молнии, воспринимаемые сейчас как природные явления, электрические разряды и их световые и звуковые последствия, тысячелетия назад могли мыслиться как рев и грохот во время битвы всемогущих богов. Большинство метафор, которые используются для обозначения ментальных процессов, визуально-пространственны: мы «видим» решение проблемы, мы можем быть «глубокими», «открытыми», что-то может быть «в» сознании и «вне» его. Возвращаясь к введенной им терминологии, Д. Джейнс подчеркивает, что пространство сознания — это пространство метафор, у ко-

торых в качестве метафiera выступает реальный внешний мир.

В основе каждой метафоры, согласно исследователю, лежат определенные ассоциации или атрибуты, связанные с метафиейром. Д. Джейнс предлагает называть их «парафиейрами». Когда мы начинаем пользоваться тем или иным метафиейром, его парафиейры актуализируются и начинают проецироваться на метафранд (обозначаемое), превращая последний в то, что автор предлагает называть парафрандом метафранда. За этой сложновато звучащей терминологией скрывается достаточно простой и понятный смысл. Д. Джейнс проясняет его с помощью следующего примера: использование метафоры «снег одеялом укрыл землю» предполагает в качестве метафранда то, что земля покрывается слоем какого-то белого и достаточно плотного вещества. Но использование в качестве метафiera образа укрывания одеялом вызывает дополнительные ассоциации, связанные с чем-то теплым, уютным, защищающим, состоянием расслабления или сна до определенного момента пробуждения и т.п. Эти дополнительные ассоциации — парафиейры — начинают накладывать свой отпечаток и на исходное явление (метафранд), принося в него дополнительные смысловые оттенки, образуя новый парафранд — образ спящей земли, укрытой и защищенной снежным покровом до ее пробуждения весной. Все это благодаря использованию в качестве метафiera образа одеяла.

В приведенном примере итоговый парафранд, согласно автору, может выступить в качестве нового метафранда и тем самым запустить новый виток процесса осмысления чего-либо. Поэтому, в понимании Д. Джейнса, «сознание —

это работа лексических метафор», постоянный процесс творения все новых и новых значений и смыслов. Это понимание выражено им следующим образом: «субъективное сознание есть аналог того, что мы называем реальным миром. Оно построено из словаря или лексических полей, терминология которых — это метафоры или аналогии поведения в физическом мире. Его реальность того же порядка, что и математика. Оно позволяет обозначить поведенческие процессы и прийти к наиболее адекватным решениям. Как и математика, это скорее оператор, чем вещь или хранилище» [7, с. 55].

Второй по важности характеристикой сознания Д. Джейнс называет аналог «Я» (некое представление о себе, существующее в сознании). Этот аналог «Я» обостряет и изучает пространство сознания, передвигается и функционирует в нем. К важнейшим характеристикам сознания Д. Джейнс относит также нарратизацию или постоянное увязывание сознанием неких событий в определенную последовательность, создание из них некоего повествования, в рамках которого наши невидимые «Я» всегда выступают в качестве главных героев. Именно эти три упомянутые основные характеристики и звучат в наиболее позднем определении сознания Д. Джейнса: «Базовое коннотативное определение сознания это, следовательно, аналог «Я», нарратизирующий в функциональном пространстве разума» [7, с. 450].

Отдавая себе отчет в том, насколько схематично и неполно представлены в этом обзоре взгляды Б. Поршнева и Д. Джейнса, мы, ввиду лимитированного объема статьи, вынуждены пока остановиться на этом и перейти к краткому их сопоставлению.

**Обсуждение концепций
Б. Поршнева и Д. Джейнса
в свете результатов эксперимента
С. Милгрэма**

Начиная процесс сопоставления описанных взглядов, прежде всего хотелось бы обратить внимание на чисто формальные моменты. Так, уже отмечалось, что обе концепции были впервые опубликованы в середине 80-х годов прошлого века, но созданы в разных странах — в СССР и США, причем авторами с разным «бэкграундом», как принято сейчас говорить: Б. Поршнева был по образованию историком, а Д. Джейнс — психологом. Вместе с тем при аргументации своих взглядов исследователи в определенном смысле меняются ролями: Б. Поршнева демонстрирует великолепное знакомство с психологической и патопсихологической литературой, привлекает обширный материал по биологии и физиологии высшей нервной деятельности, в то время как Д. Джейнс приводит в качестве доказательств массу исторических фактов, особое внимание уделяя анализу древних текстовых источников.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с обеими концепциями, это интерес авторов к исторической психологии, к исследованию определенных аспектов психической деятельности до нашей эры. Однако фокус интересующего исследователей временного интервала несколько отличается: у Б. Поршнева это более давние времена — эпоха семейства троглодитов, возникновение и становление неантропов (вначале ископаемых, а позже — современных форм), в то время как у Д. Джейнса приоритет отдается более позднему периоду — с 9-го по 2-е тысячелетия до нашей эры.

Оба автора в своих концепциях делают акцент на процессе развития речи и речевого взаимодействия. Более того, важнейшим положением для обоих является то, что в качестве первичной функции такого взаимодействия они выделяют функцию управления другой особью. Вместе с тем реализация данной функции видится ими по-разному. Для Б. Поршнева это поэтапный переход от существующей еще у троглодитов интердикции (т.е. запрета каких-либо действий), осуществляемой первоначально в неречевой форме, к новообразованию неантропов — суггестии, навязыванию каких-либо конкретных форм поведения. В морфологии головного мозга, изменения в которой постоянно отслеживает исследователь, этому соответствует появление у *Homo sapiens* развитого префронтального отдела лобной доли коры.

Д. Джейнс также выделяет в истории развития поведения человека фазу полного подчинения (что близко к понятию стадии суггестии у Б. Поршнева), но, в отличие от последнего, акцент в этом процессе ставится не на командах, подаваемых извне лидером группы, а на командах, подаваемых «голосами», аналогами псевдогаллюцинаций у современных больных шизофренией. Вопрос причин и механизмов возникновения данной стадии остается у исследователя слабо разработанным. Единственный момент, с которым Д. Джейнс связывает возникновение такого специфического способа социального контроля — это переход от жизни в сравнительно малочисленных группах к жизни в больших группах, где отсутствует потенциальная возможность непосредственного общения лидера с каждым членом и, соответственно, возможность непосредственного влияния

на поведение последнего. В этом смысле можно было бы предполагать, что этап «бикамерального разума», когда внешняя команда уже как бы частично интериоризирована в виде «голосов», является последующим этапом после этапа суггестии в понимании Б. Поршнева, но никаких прямых указаний на это в тексте Д. Джейнса нет.

Общность позиций обоих авторов просматривается также в попытках опираться в своих взглядах на данные патологии. Так, Б. Поршнева рассматривает повышенную внушаемость и некритичность больных олигофренией как возврат к исторически более ранним, ныне уже отжившим формам психической деятельности и поведения. С тех же позиций анализируются Д. Джейнсом псевдогаллюцинации больных шизофренией. Предельно ясно позицию по данному вопросу выразил Б. Поршнева: «Психически больные люди — это неизбежное, по законам генетики, воспроизведение в определенном маленьком проценте человеческих особей отдельных черт предкового вида — палеоантропов». В данном случае не столь важно, что в свете современных данных некоторые исследователи подобные рецидивы предлагают соотносить не с эпохой палеоантропов, а с эпохой ранних неантропов [1], суть от этого принципиально не меняется. Аналогично Д. Джейнс анализирует определенные формы отклоняющихся от общепризнанной нормы психических явлений — пророчества, гипнотизм, одержимость, глоссолалию и т.п. — как рудименты эпохи «бикамерального разума».

Обращаются оба автора и к последующим фазам в развитии психической деятельности. Так, Б. Поршнева указывает на то, что тотальная суггестия со временем вызывает к жизни контрсуггестию

(т.е. сопротивление суггестии, отказ от навязываемых форм действий) и, соответственно, обретение определенной самостоятельности в выборе поведения. Д. Джейнс же крах эры «бикамерального разума» связывает с началом формирования сознания.

Если допустить, что выделяемые в обеих концепциях исторические эпохи действительно существовали, и сквозь призму данных теорий посмотреть на проблему, поднятую эксперименталистами С. Милгрэма, то можно предположить, что беспрекословное подчинение «авторитету», демонстрируемое большинством испытуемых, это дань историческому прошлому, через которое некогда прошло Человечество, этапу, когда большинство членов общности руководствовалось в своем поведении не собственными мотивами, целями и задачами, а чужими речевыми командами — то ли подаваемыми реальными лидерами (как у Б. Поршнева), то ли их двойниками — галлюцинаторными голосами богов (как у Д. Джейнса). Более того, эти некогда существовавшие в истории психологические рудименты настолько сильны, что при создании определенных условий реализуются в поведении современников, несмотря на прошедшие с тех пор тысячелетия и, казалось бы, формирование и освоение людьми полного арсенала механизмов защиты от подобного императива.

Представляется, что знакомство с описанными теориями, сколь бы парадоксально они ни выглядели, и взгляд на эксперименты С. Милгрэма сквозь призму этих теорий могут помочь лучше понять не только результаты этих конкретных исследований, но и иные феномены, связанные с проблематикой авторитарности и конформизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куценков П.А. Эволюционная патопсихология (перелистывая книгу Б.Ф. Поршнева «О начале человеческой истории» // Историческая психология и социология истории. 2008. Т. 1. № 2. С. 180–197.
2. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974. 487 с.
3. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб.: Алетея, 2007. 720 с.
4. Blass T. The Man Who Shocked the World: The Life and Legacy of Stanley Milgram. Hachette UK, 2009. 384 p.
5. Doliński D., Grzyb T., Folwarczny M., Grzybala P., Krzyszycha K., Martynowska K., Trojanowski J. Would You Deliver an Electric Shock in 2015? Obedience in the Experimental Paradigm Developed by Stanley Milgram in the 50 Years Following the Original Studies // Social Psychological and Personality Science. 2017. № 8. P. 927–933.
6. Jaynes J. The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind. Boston: Houghton Mifflin, 2000. 469 p.
7. Milgram S. Behavioral Study of Obedience // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. Vol. 67 (4). P. 371–378.

S. Milgram's experiment through the lens of historical psychology

V.N. PAVLENKO*,

V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine,
vnp49@ukr.net

The article presents a look at the results of the classical experiment of S. Milgram from the point of view of the theories of B. Porshnev and D. Jaynes. A review of the provisions of both theories that are relevant to the analysis of the experiment of S. Milgram is given. A comparative analysis was carried out. It is shown that both theories postulate the existence in human history of a period when our ancestors were guided in their behavior not by their own motives, goals and objectives, but by other people's speech commands – either given by real leaders (B. Porshnev), or their “doubles” – voice-hallucinations (D. Jaynes). If we agree with the authors of these theories, the unquestioning obedience to “authority”, demonstrated by the majority of subjects in

For citation:

Pavlenko V.N. S. Milgram's experiment through the lens of historical psychology. *Sotsial'naia psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019. Vol. 10. no. 3, pp. 5–18. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100301

* Pavlenko Valentina N. — PhD in Psychology, Associate Professor at the Department of Applied Psychology, Faculty of Psychology, V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine, vnp49@ukr.net

the experiment of S. Milgram, is in a certain sense a recurrence of those psychological mechanisms and behaviors that existed in a person in that historical era of total suggestion (according to B. Porshnev) or “bicameral mind” (according to D. Jane).

Keywords: *historical psychology, S. Milgram’s experiment, obedience, suggestion, auditory hallucinations, bicameral mind.*

REFERENCES

1. Kutsenkov P.A. Evolyutsionnaya patopsikhologiya (perelistyvaya knigu B.F. Porshneva «O nachale chelovecheskoi istorii») [Evolutionary pathopsychology (preaching the book of B.F. Porshnev “On the beginning of human history”)]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historical psychology and sociology of history], 2008. Vol. 1, no. 2, pp. 180–197. (In Russ.; abstr. in Engl.).
2. Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoi istorii (problemy paleopsikhologii) [About the beginning of human history (problems of paleopsychology)]. Moscow: Mysl’, 1974. 487 p.
3. Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoi istorii (problemy paleopsikhologii) [About the beginning of human history (problems of paleopsychology)]. Saint Petersburg: Aleteya, 2007. 720 p.
4. Blass T. The Man Who Shocked the World: The Life and Legacy of Stanley Milgram. Hachette UK, 2009. 384 p.
5. Doliński D., Grzyb T., Folwarczny M., Grzybała P., Krzyszycha K., Martynowska K., Trojanowski J. Would You Deliver an Electric Shock in 2015? Obedience in the Experimental Paradigm Developed by Stanley Milgram in the 50 Years Following the Original Studies. *Social Psychological and Personality Science*, 2017, no. 8, pp. 927–933.
6. Jaynes J. The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind. Boston: Houghton Mifflin, 2000. 469 p.
7. Milgram S. Behavioral Study of Obedience. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1963. Vol. 67, no. 4, pp. 371–378.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Особенности межпоколенных различий в жизненной позиции подростков

В.С. СОБКИН*,
ЦСО ФГБНУ «ИУО РАО», Москва, Россия,
sobkin@mail.ru

Е.А. КАЛАШНИКОВА**,
ЦСО ФГБНУ «ИУО РАО», Москва, Россия,
5405956@mail.ru

В контексте проблематики межпоколенных различий в статье рассматриваются особенности изменений в эмоциональной оценке успешности жизненных перспектив, сформированности планов на будущее и приоритетов в жизненных ценностях у учащихся основной и старшей школы. Работа основана на сравнении результатов мониторинговых анкетных опросов, которые проводились сотрудниками ЦСО РАО с 1991 по 2017 годы. Выборка в 1991 г. составила 1162 респондента, в 1996 г. — 1604, в 2002 г. — 2978, в 2017 г. — 11803. При анализе материалов учитываются гендерные, возрастные и социально-стратификационные различия. Данные обработаны с помощью методов математической статистики (критерии значимых различий, факторный анализ). Результаты свидетельствуют о том, что эмоциональная оценка школьниками успешности жизненных перспектив, сформированность планов на будущее и ценностные предпочтения в существенной степени зависят от экономических и политических трансформаций в обществе. С помощью факторного анализа выделены пять обобщенных оппозиций, которые позволяют провести межпоколенческое

Для цитаты:

Собкин В.С., Калашникова Е.А. Особенности межпоколенных различий в жизненной позиции подростков // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 3. С. 19–39. doi:10.17759/sps.2019100302

* Собкин Владимир Самуилович — доктор психологических наук, академик РАО, заслуженный деятель науки Российской Федерации, руководитель Центра социологии образования, ФГБНУ «Институт управления образованием», Москва, Россия, sobkin@mail.ru

** Калашникова Екатерина Александровна — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр социологии образования, ФГБНУ «Институт управления образованием», Москва, Россия, 5405956@mail.ru

сопоставление особенностей жизненных позиций учащихся с учетом гендерных, возрастных и социально-стратификационных факторов.

Ключевые слова: *межпоколенные различия, подросток, жизненная успешность, ценности, сформированность планов, гендерные и возрастные факторы, материальное положение.*

Этап подростничества является одним из самых сложных периодов взросления, когда школьники активно задумываются о наиболее значимых для себя жизненных ценностях, строят планы на будущее, оценивают свою жизненную успешность [1–6; 8–10; 12; 13; 15; 16; 18]. Процесс личностного самоопределения переживается особенно остро на этапе перехода от подростничества к ранней юности [19]. Поэтому доминирующее эмоциональное состояние сознания относительно оппозиции «оптимизм—пессимизм» на этом этапе является одним из наиболее важных индикаторов, характеризующих особенности восприятия подростком своих жизненных перспектив, осознанности планов на будущее и приоритетов в ценностных ориентациях [1; 5; 9; 10; 12; 13; 15; 17]. На данный момент процесс социализации подростка осложнен явлениями, происходящими в обществе (техно-эволюционный прогресс, социально-экономическая нестабильность, усиление социальной дифференциации и др.). Отличительной чертой современной ситуации является также ценностно-нормативная неопределенность, когда механизмы передачи норм и ценностей от старшего поколения младшему, характерные для стабильного общества, серьезно нарушены [4; 6; 7; 9–13; 15; 16]. Как показывают исследования, эта ситуация находит отражение в особенностях отношения к учебной деятельности, взаимодействиях с ближайшим окружением взрослых и сверстников, различных

девиациях и т.п. [7; 9–13; 14; 17]. Поэтому отслеживание тенденций, определяющих изменения в расстановке приоритетов в структуре жизненных ориентаций с учетом эмоционального самочувствия и планирования своего будущего, является важным моментом для характеристики своеобразия процесса социализации современных подростков.

В этом отношении в рамках социокультурного подхода к изучению подростничества важно выделить по меньшей мере три важных, на наш взгляд, принципа организации исследовательских программ детства: многопозиционный подход к ситуации развития ребенка, предполагающий сопоставление мнений детей и взрослых; мониторинг социокультурных изменений ценностных ориентаций в детской и подростковой субкультуре; проведение кросс-культурных сопоставлений особенностей социальной ситуации развития. В этой связи совершенно особое значение приобретают межпоколенческие исследования. Принципиальная важность подобных исследований заключается в том, что их результаты позволяют не просто охарактеризовать «историю» тех или иных изменений, а выявить важные особенности, характеризующие *своеобразие современной ситуации*, которая и обнаруживается на основе сопоставления настоящего и прошлого. Иными словами, принцип сопоставления прошлого и настоящего является важнейшим для понимания процессов социокультурной динамики,

обнаруживая в то же время и потенциальные возможности будущего.

Результаты исследования и их обсуждение

Основным рабочим понятием в настоящем исследовании является *жизненная позиция*, которая включает в себя три содержательных аспекта: эмоциональная оценка своей будущей успешности; сформированность жизненных планов и ценностные приоритеты.

Исследование строится на следующих взаимосвязанных предположениях: 1) динамика изменений особенностей жизненной позиции подростка в существенной степени связана с экономическими, политическими и социокультурными трансформациями; 2) содержательное своеобразие жизненной позиции подростка определяется влиянием гендерных, возрастных и социально-стратификационных факторов; 3) своеобразие межпоколенных различий в жизненной позиции подростков зависит от характера ценностных установок на самореализацию и проблематизацию своих жизненных планов.

Исследование основано на материалах сравнительных мониторинговых анкетных опросов подростков (7-х, 9-х, 11-х классов), проведенных сотрудниками Центра социологии образования РАО в период с 1991 по 2017 годы. В опросе в 1991 г. принимали участие 1162 респондента, в 1996 г. — 1604, в 2002 г. — 2978, в 2017 г. — 11803.

Материалы обработаны с применением методов математической статистики (значимые различия, факторный анализ); использовался пакет StatSoft Statistika 6.0.

В статье эмпирический материал сгруппирован в три раздела. В первом из них описывается используемый инструментарий (анкетные вопросы и варианты ответов) и дается характеристика динамики эмоциональной оценки своей жизненной успешности у школьников, сформированности их планов и изменения в значимости жизненных ценностей в период с 1991 по 2017 годы.

Во втором на материалах опроса 2017 г. анализируется влияние гендерных, возрастных, социально-стратификационных (материальный статус семьи) факторов на оценку своей жизненной успешности, сформированности планов на будущее и ценностные приоритеты.

И, наконец, в третьем разделе на основе сопоставления материалов опросов 2002 и 2017 годов рассмотрены структурные взаимосвязи между показателями жизненной успешности с учетом влияния гендерных, возрастных и социально-стратификационных особенностей в ракурсе межпоколенных различий.

1. Тенденции изменений жизненной позиции учащихся с 1991 по 2017 годы.

В данном разделе будут рассмотрены три сюжета, которые задают содержательную рамку реализованной нами программы цикла эмпирических исследований, посвященных изучению жизненной позиции в подростковом возрасте. Это сюжеты об эмоциональной оценке своей жизненной успешности, о сформированности своих жизненных планов и о ценностном выборе жизненных приоритетов. При этом основной акцент здесь делается именно на сопоставлении общих средних данных по результатам опросов 1991, 1996, 2002 и 2017 годов.

1.1. Эмоциональная оценка жизненных перспектив. Для выяснения мнений учащихся по поводу своей *жизненной успешности* им предлагалось выбрать один из трех предложенных вариантов ответа: «я с уверенностью и оптимизмом смотрю в завтрашний день»; «у меня есть сомнения в том, что жизнь сложится удачно»; «я со страхом и пессимизмом жду завтрашнего дня». Данный вопрос с одинаковыми вариантами ответов использовался нами при проведении мониторинговых социологических исследований с 1991 г. и показал свою высокую содержательную валидность при анализе влияния целого ряда факторов (гендерных, возрастных, социально-стратификационных, успешности в учебной деятельности и др.) [9; 10; 12; 13].

На рис. 1 представлены сравнительные данные оценки школьниками своей *жизненной успешности*.

Из приведенных на рисунке результатов видно, что с 1991 г. по 2002 г. последовательно снижается доля учащихся, «сомневающих» в успешности своих жизненных перспектив. И, напротив, рас-

тет доля тех, кто «с уверенностью и оптимизмом смотрит в завтрашний день». Причем если в выборке школьников 1991 г. явно доминировала доля «сомневающих» (63,7%), то уже среди школьников 2002 г. на первом месте оказываются те, кто с «уверенностью и оптимизмом смотрит в завтрашний день» (53,1%); в 1991 г. их доля была существенно меньше — 31,7%. Это позволяет сделать вывод о том, что эмоциональное самочувствие подростков популяции 1991 г. и 2002 г. существенно отличается. Вместе с тем с 2002 по 2017 годы структура ответов об эмоциональной оценке своих жизненных приоритетов не меняется.

Следует также подчеркнуть, что принципиальные изменения в эмоциональной оценке своих жизненных перспектив у школьников произошли в период с 1996 по 2002 годы. Так, доля тех, кто оценивал свое будущее оптимистично, резко увеличилась с 36,0% до 53,2% ($p=.000$), а число «сомневающих» в успешности своего будущего уменьшилось с 53,4% до 43,3% ($p=.000$). Заметим, что эти изменения происходят парал-

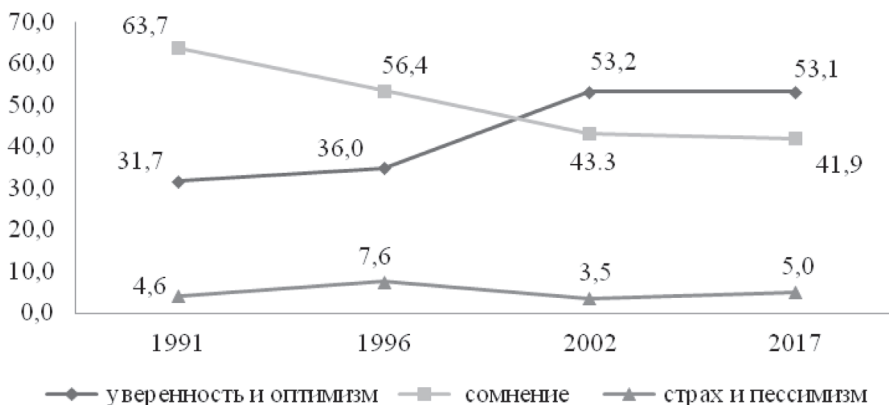

Рис. 1. Оценка успешности своих жизненных перспектив учащимися в период с 1991 по 2017 годы (%); данные 1991, 1996 и 2002 годов приведены по публикациям [9; 10; 12; 13].

тельно с улучшением экономической ситуации в стране во второй половине 90-х годов. Таким образом, с известными оговорками, можно сделать вывод о том, что изменения в эмоциональной оценке своей жизненной успешности среди разных популяций подростков отражают динамику социально-экономического благополучия жизни страны.

В этой связи заметим, что меняются оценки своей жизненной успешности не только у подростков, но и у взрослых. Показательно в этом отношении сравнение ответов на этот же вопрос учащихся и учителей в 1991 и 2017 гг. (см. рис. 2).

В представленных данных обращают на себя внимание два момента. Первый связан с динамикой численности «оптимистов» и «сомневающихся». Так, если в 1991 г. «с уверенностью и оптимизмом» оценивали свои жизненные перспективы 8,4% учителей, то в 2017 г. таких было 58,8% ($p=0.000$). При этом доля испытывающих «сомнение» сократилась с 59,4%

до 38,5% ($p=0.000$). И, самое главное, существенно сократилась доля тех, кто оценивает свои перспективы «со страхом и пессимизмом»: с 27,6% до 2,7% ($p=0.000$). Подобное сходство эмоционального ощущения успешности своего будущего взрослыми (учителями) и подростками на разных исторических этапах крайне важно подчеркнуть как важный аспект именно межпоколенческих исследований.

Второй момент затрагивает особенности *социальной ситуации развития* ребенка, а именно межличностных отношений взрослых (в данном случае учителей) и подростков. Действительно, если в 1991 г. учащиеся видели перед собой сомневающегося в своей успешности учителя, а часто и просто испытывающего страх перед будущим (и таких по ответам самих учителей среди них суммарно было 87%), то в 2017 г. школьники имеют дело с иным по социальному самочувствию педагогом. Это, в свою очередь, создает особый эмоциональный фон, определяющий сво-

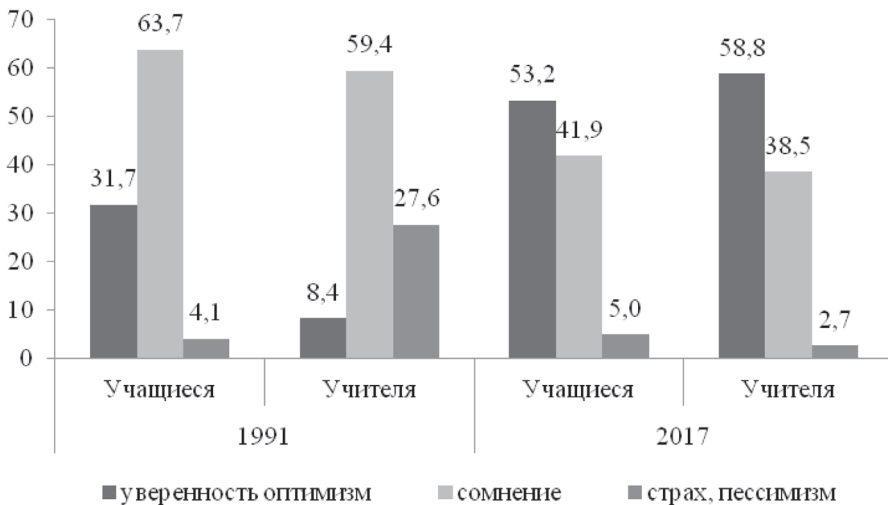

Рис. 2. Оценка будущих перспектив среди учащихся по опросам 1991 и 2017 гг. и учителей 1991 [11] и 2017 гг. (данные опроса 4716 учителей в 2017 г.)

образии контекста социально-ролевых взаимоотношений «подросток—учитель» для разных поколений.

И, наконец, следует обратить внимание на то, что оценка своей жизненной успешности (см. рис. 1) практически одинакова в популяции подростков, опрошенных в 2002 и 2017 гг. Однако подобное сходство проявляется при сопоставлении общих средних данных двух популяций. Между тем можно предположить, что более дифференцированный анализ, учитывающий влияние социально-стратификационных факторов, позволит выявить характерные различия в оценке своего будущего у учащихся в опросах 2002 и 2017 годов.

1.2. Сформированность жизненных планов. В табл. 1 представлены данные проведенных в период с 1991 по 2017 гг. опросов учащихся основной и старшей школы о сформированности своих жизненных планов. В них респондентам задавался один и тот же вопрос, предполагающий выбор из следующих четырех вариантов: «я отчетливо представляю себе свое будущее»; «мои жизненные планы еще не определены»; «предпочитаю думать о сегодняшнем дне, а не строить всевозможные проекты»; «думаю о своем будущем, но не могу определиться». Заметим, что предложенные

варианты, помимо оппозиции сформированность/несформированность своих жизненных планов, задают и оппозицию ситуативность/проблематизация будущего («предпочитаю думать о сегодняшнем дне»/«думаю, но не могу определиться»).

Из таблицы видно, что, по сравнению с 1991 годом, к 2017 году в два раза увеличилась (с 16,8% до 32,7%; $p=.000$) доля подростков со сформированными планами относительно будущего. При этом резко уменьшилась доля тех, кто проблематизирует свое будущее (с 54,6% до 33,5%; $p=.000$). Наблюдается и динамика в изменении доли ответов, свидетельствующих о неопределенности жизненных планов: их резкое увеличение до 28,6% в 1996 году. Возможно, подобный рост неопределенности связан с обострением политической ситуации в жизни страны в этот период. И, наконец, на протяжении практически всего двадцатипятилетнего периода, в рамках которого проводились мониторинговые опросы, практически не изменилась доля учащихся с ситуативным поведением. В целом следует обратить внимание на то, что динамика изменения в ответах относительно сформированности жизненных планов существенно отличается от оценки учащимися своих жизненных перспектив. Это дает основание к выводу

Таблица 1

Динамика ответов учащихся о сформированности своих жизненных планов (%)

	1991	1996	2002	2017
Я думаю о своем будущем, но не могу определиться	54,6	36,1	46,9	33,5
Я отчетливо представляю себе свое будущее	16,8	18,3	20,9	32,7
Я предпочитаю думать о сегодняшнем дне, а не строить всевозможные проекты	10,0	17,0	16,5	12,5
Мои жизненные планы на сегодня еще не определены	18,6	28,6	15,7	21,3
N	1162	1604	2978	11803

о том, что оценка жизненной успешности и планирование могут рассматриваться как два относительно независимых параметра для проведения межпоколенческих сопоставлений особенностей подросткового возраста.

1.3. Жизненные ценности. Для определения ценностных приоритетов респондентам задавался специальный закрытый вопрос, где они могли выбрать наиболее значимые для себя жизненные ценности из предложенного списка: профессиональная деятельность, здоровье, счастливая семейная жизнь, достижение материального благополучия, возможность творческой деятельности и др. Поскольку в разных опросах список предлагаемых вариантов ответов несколько менялся, то для корректного сопоставления данных приведем результаты лишь по тем двум (2002 и 2017 гг.), где список ценностей оставался инвариантным (см. табл. 2).

Из табл. 2 видно, что в период с 2002 по 2017 гг. среди школьников увеличилась значимость ценностей социальной

самореализации: успешная профессиональная деятельность, возможность творческой деятельности, повышение своего культурного уровня, уровня своего образования, достижение материального благополучия. Помимо этого, заметно чаще отмечаются и ценности, связанные с социальной позицией: самостоятельность и независимость, хорошие отношения с родителями. Значимость же остальных ценностей, которые касаются в основном межличностных отношений (наличие близких друзей, духовная и физическая близость с близким человеком, счастливая семейная жизнь), за последние пятнадцать лет практически не изменилась. Вместе с тем существенно снизилась среди подростков значимость такой ценности, как здоровье. Таким образом, приведенные данные показывают, что динамика значимости жизненных ценностей неоднозначна. Важность одних явно повышается, других снижается, третьих остается на том же уровне. Это свидетельствует о том, что при проведении межпоколенных сопоставлений особенностей

Таблица 2
Значимость жизненных ценностей по опросам 2002 и 2017 годов (%)

Жизненные ценности	2002	2017	P
здоровье	72,1	57,5	.000
успешная профессиональная деятельность	25,8	41,3	.000
достижение материального благополучия	16,5	20,5	.01
самостоятельность и независимость	13,3	24,7	.000
возможность творческой деятельности	5,8	17,4	.000
повышение своего культурного уровня	4,7	14,1	.000
хорошие отношения с родителями	25,1	33,7	.001
повышение уровня своего образования	15,2	23,8	.01
наличие близких друзей	39,0	38,2	—
счастливая семейная жизнь	35,4	32,9	—
духовная и физическая близость с близким человеком	18,3	14,6	—
N	2978	11803	

ценностей подростков необходим более детальный анализ изменений относительно их иерархии и взаимосвязи.

В целом, представленные в данном разделе результаты мониторинговых опросов свидетельствуют о достаточно сложных и неоднозначных в период их проведения изменениях оценки своей успешности, планов на будущее и жизненных ценностей учащимися. Так, например, если на этапе с 2002 по 2017 гг. отсутствуют какие-либо существенные изменения в эмоциональной оценке успешности своих жизненных перспектив, то в степени сформированности у подростков своих жизненных планов динамика в этот период проявляется весьма отчетливо: снижается число проблематизирующих свое будущее, и параллельно растет доля тех, кто определился. Заметно меняются в этот же период и ценностные ориентиры. С целью уточнения особенностей этих изменений важно оценить характер влияния демографических и социально-стратификационных факторов на жизненное самочувствие подростка.

2. Влияние демографических и социально-стратификационных факторов (опрос 2017 г.). В данном разделе мы рассмотрим четыре небольших сюжета: один касается усиления социальной дифференциации относительно уровня материальной обеспеченности. Три других связаны с влиянием гендерных, возрастных и стратификационных факторов (уровень материальной обеспеченности) на эмоциональную оценку учащимися своей жизненной успешности, сформированность планов на будущее, значимость тех или иных ценностей.

2.1. Социально-стратификационные изменения. Показателем социально-

стратификационных особенностей могут служить ответы респондентов на вопрос об уровне материальной обеспеченности семьи. Подобная самооценка является важным индикатором, который использовался нами в многочисленных исследованиях и показал свою содержательную валидность [10–14]. Сравнение данных по опросам учащихся 2002 и 2017 годов свидетельствует о том, что доля слабообеспеченных среди них увеличилась с 4,3% до 26,5% ($p=.000$), а высокообеспеченных – с 12,6% до 24,4% ($p=.000$). При этом сократилось число тех школьников, кто относит себя к среднеобеспеченному слою (с 83,1% до 49,1%; $p=.000$). Приведенные данные можно рассматривать как констатацию усилившейся социальной дифференциации в поколении учащихся основной и старшей школы 2017 г., по сравнению со сверстниками в 2002 г., поскольку явно снижается доля тех, кто относит себя к среднеобеспеченному слою («размывается» средний слой), и возрастают доли относящих себя к слабой и сильной стратам. Можно предположить, что подобная тенденция имеет важные социокультурные последствия, связанные с противопоставлением жизненных позиций представителей сильных и слабых страт. А это, в свою очередь, может вести к особым напряжениям в подростковой субкультуре.

2.2. Эмоциональная оценка. Анализ данных показал, что среди высокообеспеченных учащихся, по сравнению со слабообеспеченными, значительно больше тех, кто относится к своей будущей жизни с «оптимизмом» (соответственно: 61,4% и 45,1%; $p=.000$). Среди же слабообеспеченных, напротив, больше тех, кто испытывает «сомнение» (соответственно: 47,4% и 34,8%; $p=.000$) или «со стра-

хом и пессимизмом» оценивает свои перспективы (соответственно: 7,5% и 3,8%; $p=,000$). Эти данные свидетельствуют о том, что осознание материального статуса семьи оказывает явное влияние на оценку своей жизненной успешности уже на этапе подростничества.

Вместе с тем более детальный анализ гендерно-возрастной динамики позволил выявить значимые различия в оценке жизненной успешности только среди девочек (см. рис. 3а, 3б).

Из рис. 3а видно, что среди высокообеспеченных девочек доля позитивно оценивающих *успешность* своих жизненных перспектив с возрастом последовательно увеличивается, а среди слабообеспеченных она заметно снижается уже на рубеже 9-го класса. В то же время (см. рис. 3б) среди высокообеспеченных с переходом в 11-й класс резко снижается доля тех, кто *негативно* оценивает свою жизненную успешность — таких здесь

лишь единицы. Напротив, среди слабообеспеченных девочек уже в 9-м классе явно увеличивается доля негативно оценивающих свою жизненную успешность — каждая десятая.

В целом, можно сделать вывод о том, что к окончанию школы заметно увеличиваются различия в оценке успешности своих жизненных перспектив между девочками из разных по материальному положению страт.

2.3. Сформированность планов на будущее. Сравнение ответов учащихся, принадлежащих к разным социальным стратам по уровню материальной обеспеченности, показало существенные различия в характере сформированности их жизненных планов. Так, например, среди высокообеспеченных учащихся, по сравнению со слабообеспеченными, больше тех, кто «отчетливо представляет свое будущее» (соответственно: 34,7%

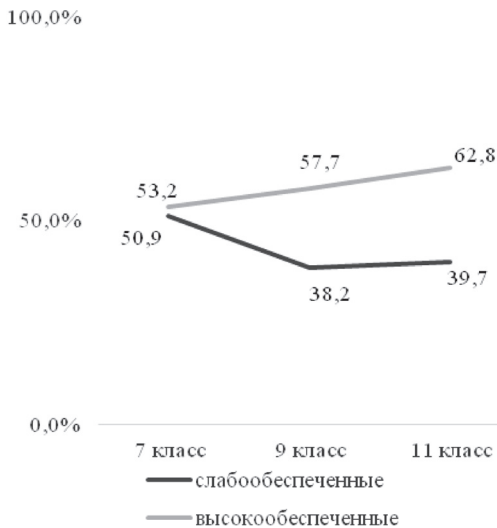

Рис. 3а. Возрастная динамика позитивных оценок (*уверенность, оптимизм*) перспектив среди слабо- и высокообеспеченных девочек (%)

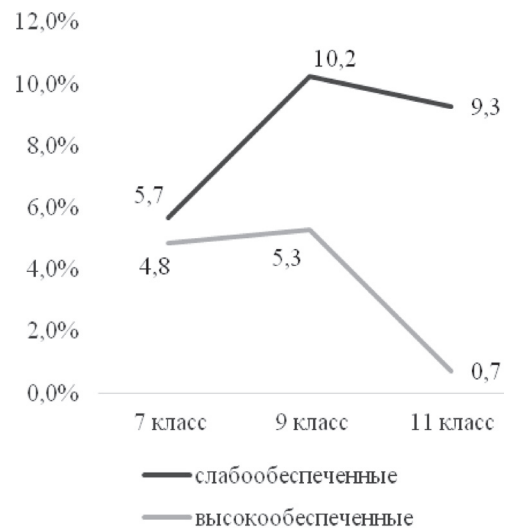

Рис. 3б. Возрастная динамика негативных оценок (*страх, пессимизм*) перспектив среди слабо- и высокообеспеченных девочек (%)

и 30,6%; $p=.000$). Среди же слабообеспеченных, напротив, больше тех, чьи планы еще не определены (соответственно: 24,7% и 18,3%; $p=.000$). Таким образом, уровень материальной обеспеченности существенно дифференцирует учащихся относительно отчетливости своих жизненных планов.

Помимо средних значений, особый интерес представляет и гендерно-возрастная динамика отчетливости планов на будущее среди учащихся из слабообеспеченных и высокообеспеченных семей (см. рис. 4а, 4б).

Из приведенных на рисунках данных видно, что по мере взросления (как среди мальчиков, так и среди девочек) увеличиваются различия между учащимися из сильных и слабых социальных страт относительно отчетливости своих жизненных планов. Причем если среди мальчиков эти стратификационные различия проявляются уже в 9-м классе, то у девочек позже — в 11-м.

2.4. Жизненные ценности. Сопоставительный анализ данных в подвыборках

учащихся с различным уровнем материальной обеспеченности показал, что для учащихся из высокообеспеченных семей, по сравнению со слабообеспеченными, более значимы ценности, связанные с социальным благополучием: «хорошие отношения с родителями» (соответственно: 38,9% и 29,7%; $p=.0000$); «счастливая семейная жизнь» (соответственно: 36,3% и 29,6%; $p=.0000$); «уважение окружающих» (соответственно: 15,7% и 12,4%; $p=.000$). Помимо этого, для них более важным оказывается и ценность, связанная с поддержанием здоровья (соответственно: 64,0% и 58,0%; $p=.0000$). Учащиеся же из слабообеспеченных семей более ориентированы на ценности, связанные с самореализацией: «самостоятельность и независимость» (соответственно: 27,9% и 20,7%; $p=.0000$); «достижение материального благополучия» (соответственно: 24,0% и 17,2%; $p=.0000$); «возможность творческой деятельности» (соответственно: 19,6% и 14,5%; $p=.0000$).

Таким образом, если для высокообеспеченных учащихся более значимы ценности, связанные с социальной успешностью,

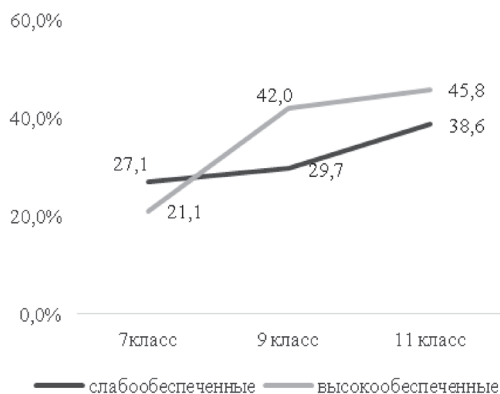

Рис. 4а. Возрастная динамика отчетливости планов на будущее среди мальчиков (2017 г.)

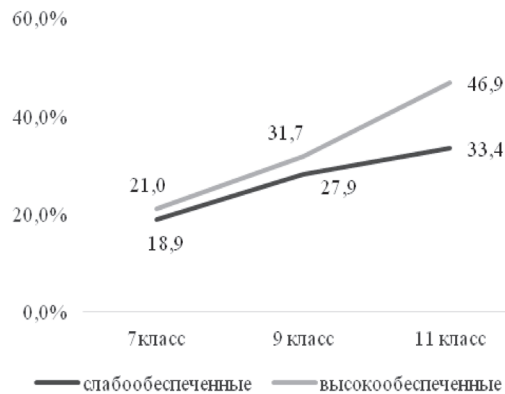

Рис. 4б. Возрастная динамика отчетливости планов на будущее среди девочек (2017 г.)

то для слабообеспеченных — с личностной самореализацией. В этом, на наш взгляд, проявляется ценностная ориентация на восходящую социальную мобильность учащихся из слабых социальных страт: не надеясь на ресурсы семьи, они ориентированы на собственные возможности.

В целом, приведенные в данном разделе результаты социологического опроса 2017 года показывают значимое влияние на формирование жизненной позиции подростка гендерных, возрастных и социально-стратификационных факторов. В этой связи в логике настоящей статьи, ориентированной на межпоколенческий анализ, особый интерес представляет сопоставление эмоциональной оценки своих жизненных перспектив, сформированности планов и ценностных ориентаций в зависимости от возрастных, гендерных и социально-стратификационных факторов в разных поколениях школьников. Этому и посвящен следующий раздел.

3. Структурный анализ особенностей жизненных позиций среди разных поколений школьников. Материалы проведенных нами исследований позволяют сопоставить своеобразие жизненных позиций среди подростков, опрошенных в 2002 и 2017 годах с учетом их возраста, пола и самооценки материального статуса семьи. Поскольку в рамках исследовательской программы используется достаточно большой набор разнообразных показателей, то при обработке эмпирических данных целесообразно использовать результаты факторного анализа. Для этого исходный материал был сгруппирован в матрицу данных общей размерностью 19 (строки) на 24 (столбцы). Строки представляют формулировки вариантов ответов на рассмотренные выше (разделы 1 и 2) вопросы о жизненных ценностях,

сформированности жизненных планов и эмоциональной оценке учащимися своих жизненных перспектив. Столбцы фиксируют подвыборки учащихся опросов 2002 и 2017 годов, дифференцированные относительно возраста (7-й, 9-й и 11-й классы), пола (мальчики и девочки) и принадлежности к уровню материальной обеспеченности семьи (слабообеспеченному и высокообеспеченному). Например, мальчики 7-го класса из слабообеспеченного слоя по опросу 2002 г.; слабообеспеченные девочки 7-го класса по опросу 2002 г. и т.д. Ячейка матрицы (пересечение строки и столбца) фиксирует процент выбора соответствующего варианта ответа в соответствующей подвыборке учащихся. Сформированная таким образом матрица была подвергнута математической обработке с помощью процедуры факторного анализа (метод Главных компонент с последующим вращением осей по критерию Varimax Кайзера). В результате было выделено пять биполярных факторов, объясняющих 82,3% общей суммарной дисперсии.

При изложении полученных материалов мы проанализируем, во-первых, содержательные особенности факторов; во-вторых, рассмотрим своеобразие размещения в пространстве факторов отдельных подвыборок респондентов по опросам 2002 и 2017 годов.

3.1. Содержательные особенности выделенных факторов. В таблице 3 приведены структурные особенности выделенных факторов с учетом их вклада в общую суммарную дисперсию и значимых весовых нагрузок по вариантам ответов на вопросы о ценностных ориентациях, сформированности планов и эмоциональной оценке своей жизненной успешности.

Приведенные в табл. 3 данные о структуре выделенных факторов определяют, в первую очередь, пять обобщенных бинарных модальностей, которые и задают характеристики, определяющие содержательное пространство для меж-

Таблица 3

Структура выделенных факторов по ответам учащихся на вопросы о значимых ценностях, сформированности планов и эмоциональной оценке жизненной успешности (весовые нагрузки)

F1+стремление к социальной самореализации	24,4%
повышение своего культурного уровня	,848
самостоятельность и независимость	,846
возможность творческой деятельности	,765
успешная профессиональная деятельность	,736
отчетливо представляю себе свое будущее	,672
F1-физическое благополучие	
здоровье	-,796
F2+поддержание норм подростничества	16,8%
хорошие отношения с родителями	,910
повышение уровня своего образования	,718
F2–независимость, самостоятельность (взрослость)	
духовная и физическая близость с любимым человеком	-,622
достижение материального благополучия	-,816
F3+ситуативность	15,4%
предпочитаю думать о сегодняшнем дне, а не строить всевозможные проекты	,799
F3–проблематизация будущего	
думаю о своем будущем, но не могу определиться	-,814
у меня есть сомнения в том, что жизнь сложится удачно	-,908
F4+пессимизм	13,5%
я со страхом и пессимизмом жду завтрашнего дня	,833
мои жизненные планы на сегодня еще не определены	,593
F4–оптимизм	
я с уверенностью и оптимизмом смотрю в завтрашний день	-,892
F5+друзья	12,2%
наличие близких друзей	,899
F5–семья (социальное признание)	
уважение окружающих	-,513
счастливая семейная жизнь	-,711

поколенческого анализа. Кратко прокомментируем каждый из факторов.

Так, положительный полюс биполярного фактора F1 определяется комплексом взаимосвязанных жизненных ценностей, которые в целом характеризуют стремление подростков к успешной самореализации. При этом характерно, что успешность профессиональной деятельности оказывается здесь связана с возможностью творчества, самостоятельностью и независимостью, повышением культурного уровня. Важно подчеркнуть, что подобная ценностная ориентация связана и с отчетливостью представлений подростков о своем будущем. Отрицательный полюс характеризует ценность, связанную с поддержанием здоровья. В целом данный фактор можно обозначить через оппозицию: *«стремление к успешной социальной самореализации—физическое благополучие»*.

На положительном полюсе второго фактора (F2) сгруппировались ценности, определяющие поддержание хороших отношений с родителями и повышение уровня своего образования. В целом подобная связь позволяет сделать вывод о том, что положительный полюс этого фактора содержательно определяет поддержание культурно заданной нормы представлений о подростничестве, где важными оказываются отношения с родителями и учеба. Противоположный, отрицательный полюс фактора F2 объединяет ценности, связанные с самостоятельностью поведения, что проявляется в возможности близких отношений с представителями противоположного пола и стремлением к материальной независимости. Этот полюс содержательно можно определить как особое «чувство взрослости», связанное с личной и материальной независимостью, самостоятельностью. Обобщая данный фактор, его можно охарактеризовать

через оппозицию: *«поддержание норм подростничества—независимость, самостоятельность (взрослость)»*.

Третий биполярный фактор F3 прост по своей структуре. Его положительный полюс можно обозначить как *«ситуативное поведение»*. Отрицательный же фиксирует содержательную связь между сомнениями относительно жизненной успешности с трудностями определения своих планов на будущее. Он определяет установку на *«проблематизацию своего будущего»*. Таким образом, данный фактор характеризует своеобразие планирования будущей жизни относительно двух модальностей: *«ситуативное поведение—проблематизация будущего»*.

Четвертый фактор F4 в целом задает оппозицию между двумя эмоциональными оценками своей жизненной успешности: *«пессимизм—оптимизм»*.

И, наконец, пятый фактор F5 задает оппозицию относительно ценностной значимости двух разных типов социальных контактов в ближайшем окружении. Его положительный полюс ориентирован на наличие близких друзей, а отрицательный — на счастливую семейную жизнь, уважение окружающих. Обобщенно, это две разные ориентации: *«друзья—семья (социальное признание)»*.

3.2. Свообразие жизненных позиций учащихся разных поколений в пространстве выделенных факторов.

Здесь будут рассмотрены особенности размещения в пространстве выделенных факторов разных подвыборок учащихся по опросам 2002 и 2017 гг. Напомним, что подвыборки дифференцированы с учетом гендерных и возрастных характеристик, а также особенностей материального положения учащихся (из высоко- и слабообеспеченных семей).

На рис. 5 представлено размещение школьников в пространстве факторов F1 («стремление к социальной самореализации—поддержание физического благополучия») и F2 («поддержание норм подростничества—самостоятельность, независимость (взрослость)»).

Представленные на рис. 5 данные позволяют отметить три характерных особенности в жизненных позициях разных подвыборок школьников с учетом их размещения в квадрантах двумерного факторного пространства F1 и F2.

1. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что практически все подвыборки опрошенных в 2017 г. школьников имеют высокие значения на положительном полюсе фактора F1. В то же время большинство подвыборок респондентов по опросу 2002 г. разместились на его отрицательном полюсе. Таким образом, принципиальное отличие в жизненных позициях двух поколений школьников достаточно очевидно: если среди учащихся, опрошенных в 2017 г., явно выражено стремление к самореализации, то для большинства школьников, участвовавших в опросе 2002 г., характерна ценностная ориентация на поддержание физического благополучия (здоровье).

Размещение же учащихся по оси фактора F2 достаточно четко дифференцирует их относительно возрастной динамики. Причем заметим, что она имеет сходный характер вне зависимости от периода опроса. Так, большинство семиклассников (как мальчиков, так и девочек, опрошенных в 2002 и 2017 годах) разместились на положительном полюсе данного фактора. На отрицательном же — учащиеся 11-х классов. В свою очередь это позволяет сделать вывод о том, что возрастные особенности, связанные с поддержанием норм подростничества

или, напротив, стремлением к независимости, самостоятельности, в целом сходны для разных поколений школьников.

Таким образом, если стремление к самореализации дифференцирует поколения, то возрастная динамика характеризуется ценностной оппозицией «поддержание норм—независимость», инвариантна для разных поколений учащихся основной и старшей школы.

2. Мальчики-семиклассники, принадлежащие к разным социальным стратам (высокообеспеченные и слабообеспеченные), опрошенные как в 2002, так и в 2017 годах, оказались близки по своим ценностным ориентациям, поскольку практически все разместились в квадранте IV. Их характеризуют высокие положительные значения по оси фактора F2 (поддержание норм подростничества: «хороших отношений с родителями», «повышение уровня своего образования») и отрицательные значения по фактору F1 (поддержание своего физического благополучия: «здоровье»). С возрастом же межпоколенческие различия оказываются все более очевидными и характеризуются размещением мальчиков, опрошенных в 2002 г., в квадранте III, а опрошенных в 2017 г. — в квадранте II. Таким образом, если у мальчиков-старшекласников в 2002 году чувство взрослости («независимость», «самостоятельность») связано с ценностью физического благополучия «здоровье», то у старшекласников в 2017 году — с «социальной самореализацией». Иными словами, межпоколенческие различия относительно своей жизненной позиции у мальчиков отчетливо обнаруживаются лишь в старшем школьном возрасте и проявляются в разной значимости установок, определяющих стремление к самореализации.

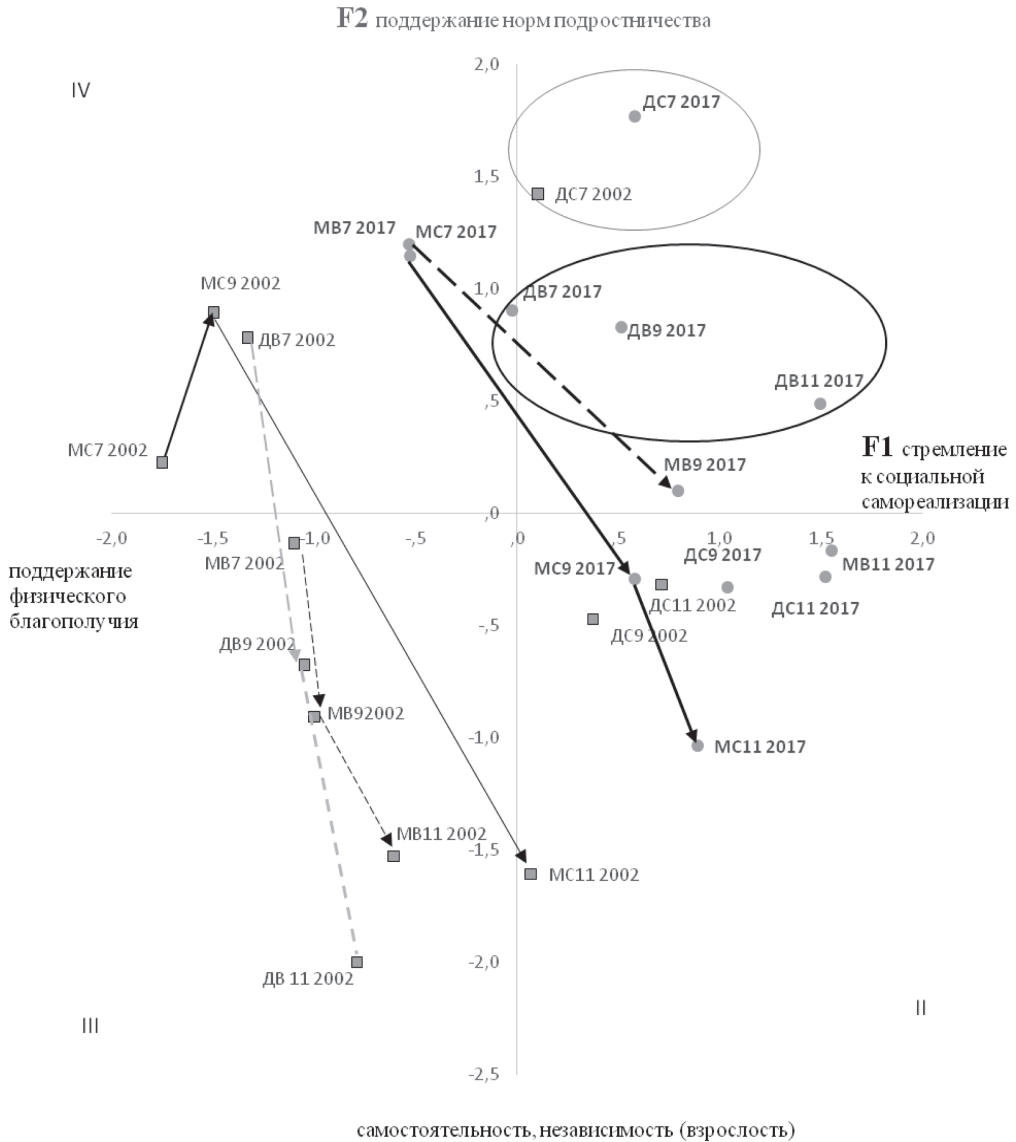

Рис. 5. Размещение различных подвыборок учащихся по опросам 2002 и 2017 гг. в пространстве факторов F1 («стремление к социальной самореализации—поддержание физического благополучия») и F2 («поддержание норм подростничества—самостоятельность, независимость (взрослость)»). Обозначения подвыборок: Д — девочки; М — мальчики; В — высокообеспеченные; С — слабообеспеченные; 7, 9, 11 — классы; 2002, 2017 — годы опроса. Например, МВ7 2002 — мальчики, высокообеспеченные, 7-го класса, опрошенные в 2002 г.; МС11 2017 — мальчики, слабообеспеченные, 11-го класса, опрошенные в 2017 г.

3. Иные содержательные различия в ценностных ориентациях проявляются при сопоставлении особенностей разных подвыборок девочек. В первую очередь, обращает на себя внимание сопоставление размещений учениц 9-х и 11-х классов. Так, старшекласницы из слабообеспеченных семей оказались близки по своим ценностным ориентациям по результатам опросов как в 2002, так и в 2017 гг., разместившись в зоне квадранта II. Это означает, что для них характерно стремление к социальной самореализации (F1+) и одновременно чувство взрослости (F2-).

В то же время старшекласницы из высокообеспеченного слоя, опрошенные в 2002 и 2017 гг., принципиально отличаются друг от друга по своим ценностным ориентациям. Так, в 2002 г. девочки из высокообеспеченных семей разместились в квадранте III: для них характерна значимость ценности поддержания здоровья (F1-) и чувство взрослости (F2-). В 2017 г. ценностные ориентации у девочек из высокообеспеченных семей оказываются прямо противоположными, поскольку лежат в плоскости квадранта I. Это означает, что они ориентированы на поддержание норм подростниче-

ства (F2+) и на стремление к социальной самореализации (F1+). Другими словами, современные девочки из высокообеспеченного слоя оказываются более инфантильными, по сравнению со своими сверстницами, опрошенными в 2002 г., и в то же время ориентированы на самореализацию (в 2002 году ориентация была связана с поддержанием здоровья).

Помимо размещений подвыборок учащихся в пространстве факторов F1 и F2, рассмотрим своеобразие значений по осям других факторов, уделив специальное внимание наиболее выраженным различиям. В качестве иллюстрации в таблице 4 представлены значения в подвыборках девочек по опросам 2002 и 2017 гг. по осям факторов F3 («ситуативность—проблематизация будущего») и F4 («пессимизм—оптимизм»).

Из табл. 4 видно, что фактор F3 четко дифференцирует девочек, опрошенных в 2002 г. и 2017 г., вне зависимости от уровня их материальной обеспеченности и возраста. Практически все подвыборки девочек, опрошенных в 2002 г., разместились на положительном полюсе фактора F3, что свидетельствует о ситуативности их поведения. Девочки же, участвовавшие в опросе 2017 года, расположились

Таблица 4

Значения по осям факторов F3 («ситуативность—проблематизация будущего») и F4 («пессимизм—оптимизм») в подвыборках девочек по опросам 2002 и 2017 гг.

Фактор F3	2002			2017		
	7 класс	9 класс	11 класс	7 класс	9 класс	11 класс
«Ситуативность—Проблематизация»	7 класс	9 класс	11 класс	7 класс	9 класс	11 класс
Слабообеспеченные	2,1	1,6	2,0	-1,4	-1,4	-1,4
Высокообеспеченные	0,6	-0,6	0,8	-0,4	-0,3	0,0

Фактор F4	2002			2017		
	7 класс	9 класс	11 класс	7 класс	9 класс	11 класс
«Пессимизм—Оптимизм»	7 класс	9 класс	11 класс	7 класс	9 класс	11 класс
Слабообеспеченные	1,3	1,7	1,3	0,0	1,2	0,7
Высокообеспеченные	-0,9	-0,3	-1,1	-0,1	-0,8	-1,7

на противоположном, отрицательном полюсе, что свидетельствует об их явной установке к проблематизации своих планов на будущее: «думают, но не могут определиться», «сомневаются, что жизнь сложится удачно».

Фактор же F4 дифференцирует подвыборки девочек по уровню материальной обеспеченности. Представительницы слабообеспеченного слоя, опрошенные как в 2002, так и в 2017 годах, вне зависимости от возраста разместились на положительном полюсе F4, т.е. пессимистично оценивают свои жизненные перспективы («со страхом и пессимизмом жду завтрашнего дня»), а их сверстницы из высокообеспеченных семей, напротив, «с уверенностью и оптимизмом смотрят в будущее». Иными словами, материальная обеспеченность семьи нивелирует межпоколенческие различия эмоциональной оценки своей жизненной успешности.

И, наконец, завершая изложение результатов факторного анализа, добавим, что анализ, связанный с размещением по оси фактора F5 («друзья—семья, социальное признание»), не столь однозначно дифференцирует различные подвыборки учащихся. Обращает на себя внимание лишь тот факт, что ориентация на социальное признание и счастливую семейную жизнь более характерны для старшеклассников (как мальчиков, так и девочек) из высокообеспеченного слоя. Именно у них проявляется связь оптимизма с ценностями счастливой семейной жизни и социального признания. Для подростков же из слабых социальных страт более значимым оказывается наличие близких друзей, что свидетельствует о ситуативности их поведения, отсутствии притязаний на социальную успешность.

Выводы

1. Сравнительный анализ данных мониторинговых опросов учащихся 7–9–11-х классов в период с 1991 по 2017 гг. показал, что их жизненное самочувствие зависит от экономической и политической ситуации в стране. Так, изменения в эмоциональной оценке своей жизненной успешности среди разных популяций подростков отражают общую динамику социально-экономической жизни. В то же время трансформация жизненных планов носит иной характер: неопределенность планирования заметно увеличивается в период обострения политической ситуации. В целом, можно сделать вывод о том, что эмоциональная оценка жизненной успешности и особенности планирования выступают как разные содержательные векторы для характеристики своеобразия жизненной позиции подростка при проведении межпоколенческих сопоставлений.

2. Среди учащихся одного и того же поколения явно проявляется усиливающееся с возрастом влияние уровня материального положения семьи на поляризацию оценок относительно своей жизненной успешности, сформированности планов и ценностей. Это свидетельствует о том, что социальная стратификация является значимым фактором дифференциации жизненного самочувствия на этапе подростничества.

3. Исследование показало, что своеобразие жизненной позиции на этапе подростничества и ранней юности при межпоколенческих сравнениях в период с 2002 по 2017 годы содержательно характеризуется пятью обобщенными оппозициями: «самореализация—физическое благополучие (здоровье)»; «поддержание норм подростничества—независимость, самостоятельность (взрослость)»; «ситуативность—проблематизация

будущего»; «пессимизм—оптимизм»; «друзья—семья, социальное признание».

4. Учет комплексного влияния гендерных, возрастных и социально-стратификационных показателей позволил провести дифференцированный анализ между разными подвыборками учащихся разных поколений. Установлено, что собственно межпоколенческие различия явно проявляются относительно двух типов ценностных оппозиций: «стремление к самореализации—поддержание здоровья» и «проблематизация будущего—ситуативность поведения». Дифференциация учащихся, принадлежащих к разным социальным стратам (слабообеспеченным и высокообеспеченным), отчетливо

проявляется относительно параметров «оптимизм—пессимизм» и «друзья—семья, социальное признание». Учет этих особенностей также крайне важен при сравнении жизненного самочувствия учащихся разных поколений относительно их принадлежности к сильным и слабым социальным стратам. И, наконец, оппозиция «поддержание норм подростничества—независимость, самостоятельность (взрослость)» является инвариантной для представителей разных поколений учащихся, но в то же время она крайне важна для сопоставительного межпоколенного анализа особенностей жизненной позиции при переходе от подростничества к ранней юности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 398 с.
2. *Вартанова И.И.* Специфика взаимосвязи мотивации и ценностей старшеклассников различного пола и возраста [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 6. С. 67–74. doi:10.17759/pse.2018230606
3. *Выготский Л.С.* Проблема обучения и умственного развития в школьном возрасте. Избранные психологические исследования. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1956. 520 с.
4. *Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А.* Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 96–105. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/611/119/1217/011.GAVRILIUk.pdf> (дата обращения: 05.04.2019).
5. *Жилинская А.В., Бочавер А.А.* Подходы к построению подростками жизненного пути // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 36–45.
6. *Карбанова О.А.* Понятие «социальная ситуация развития» в современной психологии [Электронный ресурс] // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Выпуск 4. С. 40–56. URL: http://mhp-journal.ru/upload/2007_v2_n4/2007_v2_n4_05.pdf (дата обращения: 05.04.2019).
7. *Марцинковская Т.Д., Полева Н.С.* Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение // Мир психологии. 2017. № 1. С. 24–37.
8. *Поливанова К.Н.* Психологическое содержание подросткового возраста // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 20–32.
9. *Собкин В.С.* Старшеклассник в мире политики. Эмпирическое исследование. М.: ЦСО РАО, 1997. 318 с.

10. Собкин В.С., Абросимова З.Б., Адамчук Д.В., Баранова Е.В. Подросток: нормы, риски, девиации. Труды по социологии образования. Т. X. Вып. XVII / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2005. 359 с.
11. Собкин В.С., Адамчук Д.В. Современный учитель: жизненные и профессиональные ориентации. Труды по социологии образования. Т. XVIII. Вып. XXX. М.: ФГБНУ «ИУО РАО», 2016. 216 с.
12. Собкин В.С., Писарский П.С. Жизненные ценности и отношение к образованию: кросскультурный анализ Москва—Амстердам (по материалам социологического опроса учителей, учащихся и родителей). М.: ЦСО РАО, 1994. 152 с.
13. Собкин В.С., Писарский П.С. Социокультурный анализ образовательной ситуации в мегаполисе. М.: Министерство образования Российской Федерации, 1992. 159 с.
14. Солдатова Г.У., Львова Е.Н. Особенности родительской медиации в ситуациях столкновения подростков с онлайн-рисками // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 3. С. 29—41. doi:10.17759/pse.2018230303
15. Толстых Н.Н. Подростки и их родители: что ценят и чего хотят сегодня? // Психологическая наука и образование. 2012. № 4. С. 70—78.
16. Толстых Н.Н. Хронотоп: культура и онтогенез. Монография. Москва: Универсум, 2018. 292 с.
17. Хломов К.Д. Социальные риски в контексте индивидуальных жизненных траекторий современных подростков // Социальная психология и общество. 2016. Том 7. № 2. С. 109—125. doi:10.17759/sps.2016070208
18. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского). М.: Тривола, 1994. 168 с.
19. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 342 с.

Features of intergenerational differences in the life position of adolescents

V.S. SOBKIN*,
FSBU IMO RAO, Moscow, Russia,
sobkin@mail.ru

E.A. KALASHNIKOVA**,
FSBU IMO RAO, Moscow, Russia,
5405956@mail.ru

For citation:

Sobkin V.S., Kalashnikova E.A. Features of intergenerational differences in the life position of adolescents. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019. Vol. 10. no. 3, pp. 19—39. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100302

* Sobkin Vladimir S. — Doctor of Science in Psychology, Head of the Center for the sociology, Federal state budgetary institution “Institute of management in education” (FSBI IEM RAE), Moscow, Russia, sobkin@mail.ru

** Kalashnikova Ekaterina A. — PhD in Psychology, Research worker, Federal state budgetary institution “Institute of management in education” (FSBI IEM RAE), Moscow, Russia, 5405956@mail.ru

In the context of the problems of intergenerational differences, the article considers the peculiarities of changes in the emotional assessment of the success of life perspectives, the formation of future plans and priorities in life values of students in primary and high schools. The work is based on a comparison of the results of monitoring questionnaires that were conducted by the staff of the CSE RAO from 1991 to 2017. The sample of respondents in 1991 was 1162 respondents, in 1996 – 1604, in 2002 – 2978, in 2017 – 11 803. When analyzing the materials, gender, age and social stratification differences are taken into account. The data were processed using mathematical statistics methods (criteria for significant differences, factor analysis). Results show that schoolchildren's emotional assessment of the success of life prospects, the formation of future plans and value preferences largely depend on economic and political transformations in society. Using the factor analysis, five generalized oppositions have been identified, which allow an intergenerational comparison of the characteristics of students' life positions with regard to gender, age and social stratification factors.

Keywords: *intergenerational differences, adolescent, success in life, values, formation of plans, gender and age factors, financial situation.*

REFERENCES

1. Bozhovich L.I. Lichnost' i yeye formirovaniye v detskom vozraste [Personality and its formation in childhood]. St. Petersburg: Piter Publ., 2008. 398 p.
2. Vartanova I.I. Specifics of the Relationship between Motivation and Values in High School Students of Different Sex and Age. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2018. Vol. 23, no. 6, pp. 67–74. doi:10.17759/pse.2018230606 (In Russ., abstr. in Engl.)
3. Vygotskiy L.S. Problema obucheniya i umstvennogo razvitiya v shkol'nom vozraste. Izbrannyye psikhologicheskiye issledovaniya [The problem of learning and mental development at school age. Selected psychological studies]. Moscow: House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR Publ., 1956. 520 c.
4. Gavriluyuk V.V., Trikoz N.A. Dinamika cennostnyh orientacij v period social'noj transformacii (pokolennyj podhod) [Elektronnyj resurs] [The dynamics of value orientations in the period of social transformation (a generational approach)] *Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2002, no. 1, pp. 96–105. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/611/119/1217/011.GAVRILIUK.pdf> (accessed 05.04.2019).
5. Zhilinskaya A.V., Bochaver A.A. Podxody` k postroeniyu podrostkami zhiznennogo puti [Approaches to the construction of adolescents' life path]. *Psixologicheskij Zhurnal [Psychological Journal]*, 2018. Vol. 39, no.1, pp. 36–45.
6. Karabanova O.A. Ponyatie «social'naya situaciya razvitiya» v sovremennoj psihologii» [Elektronnyj resurs] [The concept of “social situation of development” in modern psychology “]. *Metodologiya i istoriya psihologii [Methodology and history of psychology]*, 2007. Vol. 2, issue 4, pp. 41–56. Available at: http://mhp-journal.ru/upload/2007_v2_n4/2007_v2_n4_05.pdf (accessed 05.04.2019).

7. Marcinkovskaya T.D., Poleva N.S. Pokoleniya epohi tranzitivnosti: cennosti, identichnost', obshchenie [Generations of the era of transitivity: values, identity, communication]. *Mir psikhologii* [*The world of psychology*], 2017, no. 1, pp. 24–37.
8. Polivanova K.N. Psihologicheskoe sodержanie podrostkovogo vozrasta [Psychological content of adolescence]. *Voprosy psikhologii* [*Questions of psychology*], 1996, no. 1, pp. 20–32.
9. Sobkin V.S. Starsheklassnik v mire politiki. Empiricheskoe issledovanie. [High school student in the world of politics. Empirical research]. Moscow: Publ. CSE RAO, 1997. 318 p.
10. Sobkin V.S., Abrosimova Z.B., Adamchuk D.V., Baranova E.V. Podrostok: normy, riski, deviacii. Trudy po sociologii obrazovaniya [Teenager: norms, risks, deviacii. Labours on sociology of education]. T. X. Vol. XVII. In Sobkin V.S. (ed.). Moscow: Publ. CSE RAO, 2005. 359 p.
11. Sobkin V.S., Adamchuk D.V. Sovremenniy uchitel': zhiznennyye i professional'nyye oriyentatsii. Trudy po sotsiologii obrazovaniya [Modern teacher: life and professional orientation. Labours on sociology of education]. T. XVIII. Vol. XXX. Moscow: Publ. FSBI «IEM RAE», 2016. 216 p.
12. Sobkin V.S., Pisarskiy P.S. Zhiznennyye cennosti i otnoshenie k obrazovaniyu: krosskul'turnyj analiz Moskva – Amsterdam (po materialam sociologicheskogo oprosa uchitelej, uchashchihsya i roditelej) [Life values and attitudes towards education: a cross-cultural analysis of Moscow – Amsterdam (based on a survey of teachers, students and parents)]. Moscow: Publ. CSE RAE, 1994. 152 p.
13. Sobkin V.S., Pisarskiy P.S. Sociokul'turnyj analiz obrazovatel'noj situacii v megapolise [Socio-cultural analysis of the educational situation in the city]. Moscow: Publ. M-education Ros. Federation, 1992. 159 p.
14. Soldatova G.U., Lvova E.N. Adolescents Encountering Online Risks: Characteristics of Parental Mediation. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [*Psychological Science and Education*], 2018. Vol. 23, no. 3, pp. 29–41. doi:10.17759/pse.2018230303 (In Russ., abstr. in Engl.)
15. Tolstykh N.N. Adolescents and their parents: what are the values and what do they want today? *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [*Psychological Science and Education*], 2012, no. 4, pp. 70–78. (In Russ., abstr. in Engl.)
16. Tolstykh N.N. Hronotop: kul'tura i ontogenez. Monografiya [Chronotop: culture and ontogenesis. Monograph]. Moscow: Universum, 2018. 292 p.
17. Khlomov K.D. Social risks in the context of individual life paths of contemporary teenagers. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [*Social Psychology and Society*], 2016. Vol. 7, no. 2, pp. 109–125. doi:10.17759/sps.2016070208. (In Russ., abstr. in Engl.)
18. El'konin B.D. Vvedeniye v psikhologiyu razvitiya (v traditsii kul'turno-istoricheskoy teorii L.S. Vygotskogo) [Introduction to developmental psychology (in the tradition of the cultural-historical theory of LS Vygotsky)]. Moscow: Trivola Publ., 1994. 168 p.
19. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis [Identity: youth and crisis]. Moscow: Flinta Publ., 2006. 342 p.

Отношение к глобальным рискам студентов православных и светских вузов

Т.П. ЕМЕЛЬЯНОВА*,
ИП РАН, Москва, Россия,
t_emelyanova@inbox.ru

Т.В. БЕЛЫХ**,
АНО ДПО «Техническая академия Росатома», Обнинск, Россия,
TVBelyh@rosatomtech.ru

Исследование посвящено проблеме сравнения отношения к глобальным рискам у студентов разной ментальности (религиозной и светской). Предполагалось, что это отношение различается по ряду компонентов и образует связи с идентичностью и толерантностью к неопределенности. Респонденты: студенты православного вуза (58 человек в возрасте 17–29 лет, из них 52% — девушки, 48% — юноши) и студенты светского вуза (69 человек в возрасте 16–31 лет, из них 71% — девушки, 29% — юноши). В исследовании применялся метод анкетирования с использованием методик: «Отношение к глобальным рискам», «Толерантность к неопределенности», «Социальная идентичность». Данные обрабатывались в программе SPSS 20.0. Гипотеза подтвердилась частично. Религиозный авторитаризм как стратегия предотвращения глобальных рисков за счет возвращения к традиционным ценностям и контролю за гражданами более высок у православных студентов. Для светских студентов более характерно видение угроз с фаталистической точки зрения и убеждение в возможности предотвращения глобальных катастроф с помощью поддержания баланса сил, сотрудничества и компромиссов. Обнаружены значимые связи отношения к рискам с толерантностью к неопределенности и с идентичностью.

Для цитаты:

Емельянова Т.П., Белых Т.В. Отношение к глобальным рискам студентов православных и светских вузов // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 3. С. 40–50. doi:10.17759/sps.2019100303

* Емельянова Татьяна Петровна — доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия, t_emelyanova@inbox.ru

** Белых Татьяна Васильевна — кандидат психологических наук, ведущий специалист по профессиональному обучению, Центр компетенций по культуре безопасности и надежности человеческого фактора, Автономная некоммерческая организация дополнительно профессионального образования «Техническая академия Росатома», Обнинск, Россия, TVBelyh@rosatomtech.ru

Ключевые слова: религиозная и светская ментальность, глобальные риски, социальная идентичность, толерантность к неопределенности.

Введение

Актуальность проблемы исследования связана с все более острым переживанием глобальных геополитических, социальных, экономических и технологических рисков в России и в других странах [4; 10]. Несмотря на активную разработку этой проблемы [2; 5; 8], социально-психологические механизмы формирования отношения личности и социальных групп к глобальным рискам нуждаются в изучении. Не раскрытым остается характер влияния религиозной, гражданской и глобальной идентичности на отношение к глобальным рискам, а также его связь с другими социально-психологическими характеристиками групп. Для выявления различий в отношении к глобальным рискам у студенческой молодежи в зависимости от специфики религиозной/светской ментальности респондентов было предпринято сравнительное исследование групп студентов двух университетов: православного и светского (все с гуманитарным профилем обучения). Образование в православных вузах предполагает не только преподавание богословских дисциплин, но и соответствующую мировоззренческую направленность при изучении других дисциплин. В православном вузе обучаются студенты преимущественно из воцерковленных семей. В светских же вузах учится молодежь с разной ментальностью, но, учитывая общую долю воцерковленных людей в обществе (около 4%), можно допустить, что верующих православных в группе студентов светских вузов присутствует статистически незначимая доля. Тот факт, что осо-

бенности ментальности православных верующих [6; 9] обуславливают их восприятие и оценку социальной действительности, коллективные чувства и поведение в социально значимых ситуациях, лег в основу идеи нашего исследования. Целью исследования было выявление различий в отношении к глобальным рискам у студентов в зависимости от их религиозности. Гипотеза состояла в том, что отношение к глобальным рискам у студентов светского и православного университетов различается по ряду компонентов и образует связи с их идентичностью, которая является важной мировоззренческой характеристикой, с одной стороны, и с толерантностью к неопределенности, во многом обуславливающей продуктивное личностное развитие и сопротивляемость стрессам, с другой [3].

Программа исследования

Исследование проводилось с помощью прямого анкетирования, которое осуществлялось посредством заполнения печатных бланков анкет.

Общий объем выборки составил 127 человек (N=127). Группа студентов светского вуза (далее — группа 1) представлена подвыборкой n=69 (в возрасте от 16 до 31 года). Из них: 71% — девушки, 29% — юноши. Группа студентов православного вуза (далее — группа 2) представлена подвыборкой n=58 (в возрасте от 17 до 29 лет). Из них: 52% — девушки, 48% — юноши.

Для изучения отношения личности к глобальным рискам использовался опросник «Отношение к глобальным рискам»

Т.А. Нестика [5], позволяющий измерить аффективный, когнитивный и поведенческий компоненты отношения личности к глобальным рискам и их предотвращению. Для измерения характеристик социальной идентичности была использована методика «Структура идентичности» Н.И. Даудрих [1]. В рамках данной методики респондентам предлагалось оценить, насколько часто в своей обычной жизни они чувствуют общность своих интересов и взглядов с различными категориями людей. С целью оценки толерантности к неопределенности применялась методика «Толерантность к неопределенности» [7], позволяющая измерить ее когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. При обработке данных использовался пакет статистических программ SPSS 20.0.

Результаты исследования и их интерпретация

В табл. 1 представлены результаты оценки компонентов отношения респондентов двух групп к глобальным рискам.

Полученные данные свидетельствуют о том, что значимых различий в аффективном и поведенческом компонентах отношения к глобальным рискам и их предотвращению у респондентов православного и светского вузов не выявлено. При этом обращает на себя внимание тот факт, что тревога по поводу глобальных рисков у всех респондентов, как и готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков, а также готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких выражены на уровне выше среднего.

Таблица 1

Значения компонентов отношения к глобальным рискам студентов светского (группа 1) и православного (группа 2) университетов

Компоненты отношения к глобальным рискам	Группа 1		Группа 2		Значимость различий	
	X_1	m_1	X_2	m_2	U	p
Аффективный компонент						
Тревога по поводу глобальных рисков	3,41	0,14	3,67	0,12	1780,5	0,284
Когнитивный компонент						
Необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения	4,15	0,08	3,92	0,09	1560,5	0,045
Фаталистическое игнорирование	3,21	0,09	2,95	0,10	1529,0	0,032
Религиозный авторитаризм	2,59	0,10	3,71	0,09	550,5	0,001
Радикальные решения	2,33	0,08	2,27	0,11	1763,5	0,386
Оптимизм в отношении глобального будущего	3,72	0,08	3,54	0,09	1673,0	0,149
Апокалиптизм	2,54	0,11	2,97	0,12	1474,0	0,010
Поведенческий компонент						
Готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков	3,53	0,15	3,60	0,13	1955,0	0,824
Готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких	3,59	0,11	3,48	0,11	1783,0	0,386

Примечание. X — среднее значение; m — стандартная ошибка среднего; U — значение U-критерия Манна–Уитни; p — уровень значимости различий.

Различия в отношении к глобальным рискам у студентов светской и православной ментальности выявлены в рамках когнитивного компонента. Так, студенты светского вуза значимо чаще отмечают необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения глобальных угроз, чем студенты православного вуза ($U=1560,5$, $p=0,045$). При этом необходимость сотрудничества как стратегия реагирования на глобальные угрозы встречается наиболее часто у всех респондентов. Для всех респондентов вне зависимости от религиозности характерен оптимизм в отношении глобального будущего.

Религиозный авторитаризм как стратегия предотвращения глобальных рисков за счет возвращения к традиционным ценностям и контролю за гражданами в наибольшей степени разделяется студентами православного вуза ($U=550,5$, $p=0,001$). В свою очередь, для студентов светского вуза в большей степени характерно фаталистическое игнорирование глобальных рисков за счет сосредоточения на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой ($U=1529,0$, $p=0,0321$). Апокалиптизм как ожидание близкого конца человеческого рода выбирается респондентами не часто, при этом данный вы-

бор чаще наблюдается у студентов православного вуза ($U=1474,0$, $p=0,010$). Радикальные решения, т.е. допустимость выживания одних за счет других, являются наиболее редко выбираемой стратегией реагирования на глобальные риски среди всех респондентов вне зависимости от их религиозности.

В табл. 2 представлены результаты оценки компонентов толерантности к неопределенности у респондентов светских и православных вузов.

Согласно данным, представленным в табл. 2, значимых различий в оценках усредненных показателей компонентов толерантности к неопределенности у студентов светских и православных вузов выявлено не было. Для определения конкретных характеристик каждого из компонентов толерантности к неопределенности, по которым могут различаться студенты светских и православных вузов, были получены усредненные оценки обеих групп по отдельным суждениям каждого компонента. Согласно данным, на уровне тенденции ($U=1643,0$, $p=0,075$) представители православного вуза чаще испытывают эмоциональные затруднения при выборе в ситуации неопределенности, чем студенты светского вуза.

Что касается суждений, входящих в когнитивный компонент толерантно-

Таблица 2

Показатели толерантности к неопределенности у респондентов светских и православных вузов

Компоненты толерантности к неопределенности	Группа 1		Группа 2		Значимость различий	
	X_1	m_1	X_2	m_2	U	p
Когнитивный компонент	35,25	0,53	36,03	0,65	1897,0	0,614
Аффективный компонент	33,20	0,78	31,64	0,79	1639,0	0,287
Поведенческий компонент	39,93	0,85	38,17	0,79	1753,0	0,229

Примечание. X – среднее значение; m – стандартная ошибка среднего; U – значение U-критерия Манна–Уитни; p – уровень значимости различий.

сти к неопределенности, усредненные оценки респондентов светских и православных вузов показывают, что студенты светского вуза значительно чаще отмечают безграничность возможностей современного мира, чем студенты православного вуза ($U=1529,5$, $p=0,020$).

Сравнение оценок суждений, входящих в поведенческий компонент толерантности к неопределенности, показывает, что, судя по усредненным оценкам респондентов, на уровне тенденции ($U=1639,5$, $p=0,075$) студенты православного вуза чаще, чем студенты светского вуза, предпочитают не предпринимать действия в ситуации неопределенности. В свою очередь, студенты светского вуза чаще готовы действовать в непредсказуемой ситуации, чем студенты православного вуза ($U=1552,5$, $p=0,027$).

Следующий этап исследования был посвящен выявлению структуры социальной идентичности у респондентов светского и православного вузов. Респондентам предлагалось оценить по пятибалльной шкале, насколько часто в своей обычной жизни они чувствуют общность своих интересов и взглядов с различными категориями людей. Для выявления структуры идентичности применялся коэффициент позитивных ответов (КПО). Расчет коэффициента позитивных ответов для каждого суждения из списка КПО (i) производился по следующей формуле:

$$\text{КПО } i = (n(4) + n(5)) / N * 100,$$

где $n(4)$ — число ответов «часто», $n(5)$ — число ответов «всегда», N — общее число ответов.

Сравнительный анализ двух групп студентов выполнялся с помощью критерия φ^* — угловое преобразование Фишера.

Корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена) показал совпадение структуры социальной идентичности у групп студентов православного и светского вузов на уровне значимости не менее $p < 0,010$. Однако были выявлены статистически значимые различия в частоте выбора субъектов социальной идентичности у двух рассматриваемых групп.

Жирным шрифтом в табл. 3 выделены наиболее высокие коэффициенты позитивных ответов по субъектам идентичности. В структуре социальной идентичности у 1-ой и 2-ой групп респондентов вне зависимости от религиозности первые места занимают единомышленники (75,4 и 82,1 соответственно) и друзья (74,1 и 84,1).

Третье ранговое место в структуре социальной идентичности у студентов православного университета занимают люди той же религии (73,2), при этом выборов данного субъекта идентичности у студентов светского университета значимо меньше (на уровне значимости $p < 0,010$). Семья для студентов православного университета занимает четвертое ранговое место (71,4), пятое и шестое — люди той же профессии (57,4) и люди, имеющие те же проблемы (58,8). Причем людей той же профессии и со схожими проблемами значительно чаще с собой идентифицируют студенты православного университета, чем светского (на уровне значимости $p < 0,050$ и $p < 0,010$ соответственно).

Для студентов светского университета, в свою очередь, третье ранговое место в структуре идентичности занимает семья (59,4), четвертое и пятое ранговые места — люди того же возраста (42,6) и того же достатка (40,0). Причем с людьми схожего достатка чаще себя иденти-

фицируют студенты светского университета, чем православного (на уровне значимости $p < 0,050$). Студенты православного университета значимо реже идентифицируют себя с европейцами, чем представители светского университета (на уровне значимости $p < 0,050$).

Для выявления связей между показателями отношения к глобальным рискам и социально-психологическими особенностями студентов двух вузов был применен корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена), который показал наличие корреляционных связей между оценками респонден-

тов по методике «Отношение к глобальным рискам» и методике «Толерантность к неопределенности» в каждой из групп респондентов.

Полученные данные свидетельствуют о том, что у студентов светского университета существует положительная корреляционная связь между фаталистическим игнорированием (сосредоточение на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой) и когнитивным компонентом толерантности к неопределенности ($r_s = 0,263$, $p < 0,050$). Т.е. чем выше у студентов светского университета уровень осознания неопре-

Таблица 3

Результаты выявления структуры социальной идентичности у респондентов светского и православного вузов

Субъекты идентичности	Затруднились ответить (%)		КПО		Значимость различий	
	Группа 1	Группа 2	Группа 1	Группа 2	ϕ^*	$p <$
1	2	3	4	5	6	7
1. Семья	0	3,5	59,4	71,4	1,407	-
2. Друзья	0	0	84,1	74,1	1,387	-
3. Соседи	18,8	27,6	8,9	9,5	0,103	-
4. Единомышленники	5,8	3,5	75,4	82,1	0,900	-
5. Люди Вашего возраста	1,5	3,5	42,6	32,8	0,992	-
6. Люди Вашего достатка	20,3	32,8	40,0	20,5	2,049	0,050
7. Коллеги	17,4	8,6	38,6	47,2	0,912	-
8. Люди Вашей профессии	23,2	20,7	39,6	57,4	1,852	0,050
9. Имеющие те же проблемы	10,1	12,1	35,5	58,8	2,492	0,010
10. Люди Вашей национальности	21,7	31,0	35,2	30,0	0,532	-
11. Люди Вашей религии	23,2	3,5	28,3	73,2	4,858	0,010
12. Человечество	21,7	27,6	31,5	19,0	1,410	-
13. Россияне	17,4	20,7	33,3	26,1	0,797	-
14. Европейцы	24,7	26,3	32,7	16,7	1,808	0,050
15. Советские люди	17,4	20,7	15,8	17,4	0,217	-
16. Горожане	20,6	32,8	27,8	20,5	0,814	-

Примечание. ТСП – коэффициент позитивных ответов; ϕ^* – значение критерия ϕ^* – угловое преобразование Фишера; p – уровень значимости различий.

деленности внешней среды, тем выше сосредоточение на своей жизни и благо своих близких перед неизбежной катастрофой. Также выявлена отрицательная обратная связь между фаталистическим игнорированием и аффективным компонентом толерантности к неопределенности ($r_s = -0,247$, $p < 0,050$), т.е. фаталистическое игнорирование связано с ослаблением аффективного компонента толерантности к неопределенности (эмоционального отношения к неопределенности внешней среды).

Данные показывают, что у студентов православного университета обнаружена положительная связь между оптимизмом в отношении глобального будущего и поведенческим компонентом толерантности к неопределенности ($r_s = 0,205$, $p < 0,050$), а также на уровне тенденции — положительная связь между оптимизмом в отношении глобального будущего и аффективным компонентом толерантности к неопределенности ($r_s = 0,239$, $p = 0,073$).

Корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена) позволил обнаружить наличие корреляционных связей между оценками респондентов по методике «Отношение к глобальным рискам» и методике «Социальная идентичность» в каждой из групп респондентов. В группе студентов светского университета выявлены отрицательные связи между готовностью участвовать в предотвращении глобальных рисков (поведенческий компонент) и выбором социальной идентичности с людьми той же национальности ($p = 0,043$), религии ($p = 0,075$) и россиянами ($p = 0,045$).

В той же группе студентов, по результатам корреляционного анализа, обнаружены следующие связи между со-

ставляющими когнитивного компонента отношения к рискам и субъектами социальной идентичности: положительные связи между религиозным авторитаризмом и выбором социальной идентичности с советскими людьми ($p = 0,001$); положительные связи между оптимизмом в отношении глобального будущего и выбором социальной идентичности с соседями ($p = 0,027$) и единомышленниками ($p = 0,046$).

У студентов православного университета выявлены положительные связи между аффективным компонентом отношения к глобальным рискам (тревога по поводу глобальных рисков) и выбором социальной идентичности с людьми той же профессии ($p = 0,011$) и горожанами ($p = 0,048$), а также положительные связи между готовностью к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких и выбором социальной идентичности с единомышленниками (на уровне тенденции).

В той же группе респондентов по результатам корреляционного анализа обнаружены следующие связи между составляющими когнитивного компонента отношения к рискам и субъектами социальной идентичности: положительные связи между необходимостью сотрудничества для прогнозирования и предотвращения глобальных рисков и выбором социальной идентичности с людьми со схожими проблемами ($p = 0,035$); отрицательные связи между фаталистическим игнорированием и выбором социальной идентичности с семьей ($p = 0,004$) и людьми того же вероисповедания ($p = 0,035$); положительные связи между религиозным авторитаризмом и выбором социальной идентичности с коллегами ($p = 0,035$) и людьми того же вероисповедания ($p = 0,003$).

Обсуждение результатов

Таким образом, наша гипотеза частично подтвердилась. Обнаружено, что отношение к глобальным рискам у студентов светского и православного университетов различается по содержанию когнитивного компонента этого отношения, но значимо не различается по показателям аффективного и поведенческого компонентов. Религиозный авторитаризм как стратегия предотвращения глобальных рисков за счет возвращения к традиционным ценностям и контролю за гражданами предсказуемо высок у православных студентов. Их постулат — необходимость возврата к традиционной религии и ценностям («на все воля божья») и вера в мудрость государственных лидеров. Для светских студентов более характерно видение угроз с фаталистической точки зрения — не следует тревожиться по поводу того, на что невозможно повлиять, лучше сосредоточиться на своей жизни и благе своих близких. Студенты светского университета также в большей степени верят в возможность предотвращения глобальных катастроф с помощью поддержания баланса сил, сотрудничества и компромиссов, чем студенты православного университета. При этом необходимость сотрудничества как стратегия реагирования на глобальные угрозы встречается наиболее часто у респондентов обеих групп. Для всех респондентов вне зависимости от религиозности характерен также оптимизм в отношении глобального будущего. В целом же можно видеть, что тревога по поводу глобальных рисков у всех респондентов, как и готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков, а также готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и сво-

их близких выражены на уровне выше среднего.

Обнаруженные корреляционные связи позволяют допустить, что у студентов светского университета важным фактором развития фаталистического видения угроз является толерантность к неопределенности, осознание и принятие непредсказуемости и противоречивости происходящего в жизни. Кроме того, они чаще готовы действовать в непредсказуемой ситуации, чем православные студенты.

Структура социальной идентичности в двух группах студентов имеет как общие, так и различные черты. При совпадении первой и второй позиций в иерархии предпочтений (единомышленники и друзья), у светских студентов третье место занимает семья, а у православных — люди той же религии. Религиозная идентичность для современной православной молодежи, как было показано в исследованиях, имеет ярко выраженный социальный характер [6, с. 46], поэтому нами был предпринят корреляционный анализ связей идентичности с отношением к глобальным рискам. Одним из факторов приверженности религиозному авторитаризму в отношении глобальных рисков, как было показано, является как раз социальная идентичность с людьми того же вероисповедания, а выбор единомышленников оказался фактором готовности к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких. Что касается идентичности светских студентов как фактора отношения к рискам, то отсутствие идентичности с людьми той же национальности, религии и россиянами является предиктором готовности участвовать в предотвращении глобальных рисков. В сравнении с ними у студентов православного университета значимо ниже идентификация с европей-

цами. Вероятно, в этом причина большей убежденности светских студентов в необходимости сотрудничества для прогнозирования и предотвращения глобальных рисков.

Заключение

Результаты исследования подтвердили факт влияния ментальности (религиозной и светской) на восприятие и интерпретацию глобальных рисков у исследованных нами студентов. Противодействие глобальным рискам студенты с религиозным и светским мировоззре-

нием видят по-разному: православные студенты в обращении к традиционным религиозным ценностям в жизни и политике, в то время как светские студенты надеются на предотвращение глобальных угроз с помощью политических компромиссов, сохранения баланса сил и международного сотрудничества. Между тем для наших респондентов вне зависимости от степени религиозности характерно амбивалентное переживание глобальных угроз — с одной стороны, тревога, а с другой — оптимизм в отношении глобального будущего и готовность участвовать в предотвращении рисков.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00439 «Психология человека в условиях глобальных рисков»).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Даудрих Н.И.* Социальная идентичность: методический аспект // Социология. 2000. № 12. С. 77–95.
2. *Китова Д.А., Журавлев А.Л.* Глобальные процессы как объект социально-психологического исследования // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2017. № 2 (34). С. 307–314.
3. *Леонтьев Д.А.* Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.06.2019).
4. *Луманн Н.* Понятие риска // THESIS. 1994. № 5. С. 135–160.
5. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 127–138.
6. *Рязанцев И.П., Подлесная М.А., Козлов И.И.* Феноменология православных ценностей в оценке экспертов // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 128–135.
7. *Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А.* Психодиагностика толерантности личности. М.: Смысл, 2008. 172 с.
8. Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное / Под науч. ред. О.А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. 113 с.
9. *Хухлаев О.Е., Шорохова В.А.* Социально-психологическое исследование религиозной идентичности у православной молодежи // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 2. С. 35–50. doi:10.17759/sps.2016070203
10. *Bostrom N., Cirkovic M.M.* Introduction. Global Catastrophic Risks / Ed. by Bostrom N. & Cirkovic M.M. L.-N.Y.: Oxford University Press, 2008. P. 1–29.

Attitudes to global risks students of orthodox and secular universities

T.P. EMELYANOVA*,
 IP RAS, Moscow, Russia,
 t_emelyanova@inbox.ru

T.V. BELYKH**,
 Autonomous Non-Profit Organization of Additional Professional Education
 “Rosatom Technical Academy”, Obninsk, Russia,
 TVBelyh@rosatomtech.ru

The study is devoted to the problem of comparing attitudes towards global risks among students of different mentality (religious and secular). It was assumed that this attitude varies in a number of components and forms links with identity and tolerance for uncertainty. Respondents: students of an Orthodox university (58 people at the age of 17–29 years old, of which 52% are girls, 48% are boys) and students of a secular university (69 people at the age of 16–31 years old, of whom 71% are girls, 29% are young men). The study used a questionnaire method using the techniques: “Attitude to global risks”, “Tolerance to uncertainty”, “Social identity”. Data was processed in the SPSS 20.0 program. The hypothesis was partially confirmed. Religious authoritarianism as a strategy to prevent global risks by returning to traditional values and controlling citizens is higher for Orthodox students. For secular students, it is more typical to see threats from a fatalistic point of view and to believe in the possibility of preventing global disasters by maintaining a balance of power, cooperation and compromises. Significant relationships of risk attitudes with tolerance to uncertainty and identity are found.

Keywords: religious and secular mentality, global risks, social identity, tolerance to uncertainty.

Funding

This work was supported by the Russian Science Foundation (project № 18-18-00439 “Human psychology in the context of global risks”).

REFERENCES

1. Daudrih N.I. Social'naja identichnost': metodicheskij aspekt [Social identity: methodical aspect]. *Sociologija* [Sociology], 2000, no. 12, pp. 77–95.

For citation:

Emelyanova T.P., Belykh T.V. Attitudes to global risks students of orthodox and secular universities. *Sotsial'naja psikhologija i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019. Vol. 10. no. 3, pp. 40–50. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100303

* *Emelyanova Tatiana P.* — Doctor of Sciences in Psychology, Leading Researcher, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, t_emelyanova@inbox.ru

** *Belykh Tatyana V.* — PhD in Psychology, Leading Specialist in Vocational Training, Competence Center for Safety Culture and Reliability of the Human Factor, Autonomous Non-Profit Organization of Additional Professional Education “Rosatom Technical Academy”, Obninsk, Russia, TVBelyh@rosatomtech.ru

2. Kitova D.A., Zhuravlev A.L. Global'nye protsessy kak ob"ekt sotsial'no-psikhologicheskogo issledovaniya [Global processes as an object of socio-psychological research]. *Chelovecheskii faktor: Sotsial'nyi psikholog [The human factor. Social psychologist]*, 2017, no. 2 (34), pp. 307–314.
3. Leont'ev D.A. Vyzov neopredelennosti kak central'naja problema psihologii lichnosti [Jelektronnyj resurs] [The challenge of uncertainty as the central problem of personality psychology]. *Psihologicheskie issledovaniya [Psychological research]*, 2015. Vol. 8, no. 40, p. 2. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 15.06.2019).
4. Lumann N. Ponyatie riska [Concept of risk]. *THESIS [THESIS]*, 1994, no. 5, pp. 135–60.
5. Nestik T.A., Zhuravlev A.L. Otnoshenie k global'nym riskam: social'no-psihologicheskij analiz [Attitude to global risks: a socio-psychological analysis]. *Psihologicheskij zhurnal [Psychological Journal]*, 2018. Vol. 39, no. 1, pp. 127–138.
6. Rjazancev I.P., Podlesnaja M.A., Kozlov I.I. Fenomenologija pravoslavnyh cennostej v ocenke jekspertov [The phenomenology of Orthodox values in the evaluation of experts]. *Sociologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*, 2014, no. 8, pp. 128–135.
7. Soldatova G.U., Shajgerova L.A. Psihodiagnostika tolerantnosti lichnosti [Psychodiagnosics of tolerance]. M.: Smysl. 2008. 172 p.
8. Sotsial'no-psikhologicheskaya otsenka riskov sovremennoi real'nosti: ochevidnoe i veroyatnoe [Socio-psychological risk assessment of modern reality: the obvious and probable]. Belobrykina O.A. (scien. ed.). Novosibirsk: Publ. NGPU, 2017. 113 p.
9. Khukhlaev O.E., Shorokhova V.A. Research on Religious Identity of Orthodoxy Youth. *Sotsial'naja psikhologija i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2016. Vol. 7, no. 2, pp. 35–50. doi:10.17759/sps.2016070203 (In Russ., abstr. in Engl.)
10. Bostrom N., Cirkovic M.M. Introduction. Global Catastrophic Risks. Bostrom N., Cirkovic M.M. (ed.). L.-N.Y.: Oxford University Press, 2008, pp. 1–29.

Отношение к внешнему облику, его ценность и значимость как факторы субъективного благополучия молодых людей

В.А. ЛАБУНСКАЯ*,
ФГАОУ ВО ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия,
vlab@aanet.ru

В статье на основе теоретического анализа зарубежных и отечественных исследований взаимосвязей между отношением к своему внешнему облику (ВО) и оценками благополучия развивается дифференцированный подход к определению влияния различных компонентов отношения к своему внешнему облику, его ценности и значимости на оценку субъективного благополучия (СБ). В эмпирической части исследования проверялась гипотеза: молодые люди, имеющие различные уровни субъективного благополучия, могут отличаться самооценками внешнего облика, обеспокоенностью, удовлетворенностью им, мерами значимости внешнего облика в различных сферах жизнедеятельности, мерами его влияния на ощущение счастья, оценками ценности внешнего облика. В исследовании приняли участие молодые люди — 86 человек в возрасте 17–25 лет ($M_{возраста}=20,07$; $SD_{возраста}=2,232$), 50% женщин и 50% мужчин. Набор методов исследования включал: опросник «Оценочно-содержательная интерпретация своего внешнего облика» (В.А. Лабунская); анкету «Оценка значимости привлекательного внешнего облика для улучшения различных аспектов жизнедеятельности» (В.А. Лабунская, Г.В. Сериков); модифицированный вариант опросника «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» (С.С. Бубнова), включающий шкалу «ценность внешнего облика»; анкету «Отношение к своему внешнему облику: удовлетворенность и обеспокоенность» (В.А. Лабунская, Е.В. Капитанова); шкалу «Субъективное благополучие» (A. Perrudet-Badoux, G. Mendelsohn, J. Chiche), русскоязычная версия которой была создана В.М. Соколовой. Результаты исследования подтверждают выдвинутую гипотезу и указывают на то, что составляющие отношения к внешнему облику имеют различное влияние на уровень субъективного благополучия: 1) повышение самооценок компонентов и характеристик внешнего обли-

Для цитаты:

Лабунская В.А. Отношение к внешнему облику, его ценность и значимость как факторы субъективного благополучия молодых людей // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 3. С. 51–66. doi:10.17759/sps.2019100304

* Лабунская Вера Александровна — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет (ФГАОУ ВО ЮФУ), Ростов-на-Дону, Россия, vlab@aanet.ru

ка, связанных с удовлетворенностью внешним обликом, повышает уровень субъективного благополучия; 2) повышение ценности, значимости внешнего облика в жизни человека, сопряженное с обеспокоенностью внешним обликом, приводит к снижению уровня субъективного благополучия.

Ключевые слова: *уровень субъективного благополучия, компоненты ВО, отношение к ВО, значимость ВО, ценность ВО, самооценки ВО, удовлетворенность ВО, обеспокоенность ВО, молодые люди.*

Введение

В современной психологии рассматриваются различные факторы благополучия человека, оценок субъективного благополучия и его трактовок [14; 15; 16; 18]. В западной психологии внешнего облика традиционно обсуждается проблема влияния привлекательного/непривлекательного внешнего облика на качество жизни человека [19; 20; 21; 22; 23; 30]. Л.Д. Качмарек, Ж. Енко (L.D. Kaczmarek, J. Enko) и другие [26], ссылаясь в своей работе на ряд исследований, подчеркивают, что удовлетворенность внешним обликом является важным аспектом благополучия человека и более сильным предиктором удовлетворенности жизнью, чем многие другие факторы. Н. Гупта, Н. Экоф, М. Джэгер (N. Gupta, N. Etcoff, M. Jaeger) [22], проведя исследование, пришли к выводу о том, что привлекательный внешний облик напрямую влияет на состояния людей и посредством этого воздействия обуславливает иные жизненные показатели, в том числе ощущение счастья.

Данная проблема рассматривалась в ряде наших работ [5; 7] и других отечественных авторов [2; 3; 4; 9; 11; 13; 17]. Несмотря на огромный интерес, проявляемый к проблеме «внешний облик — качество жизни, субъективное благополучие», остаются нерешенными многие вопросы, в том числе вопрос о том, какие

компоненты отношения к своему внешнему облику в сочетании со значимостью для субъекта внешнего облика в различных контекстах взаимодействия оказывают влияние на уровень субъективного благополучия.

В настоящее время формируется точка зрения, указывающая на то, что мера влияния внешнего облика на различные аспекты жизни человека определяется фокусированием на различных компонентах внешнего облика, на их оценках и самооценках, что актуализирует стремление выглядеть лучше для того, чтобы жить лучше, быть счастливее [13; 26; 30]. Предубеждения в том, что привлекательный внешний облик может улучшить качество жизни, с его помощью можно получить лучшую работу, выглядеть умнее, счастливее, увереннее и т.п. [19; 25; 27; 29], характерны для различных социальных групп. В этой связи в социальной психологии внешнего облика поднимается вопрос о привилегиях человека, наделенного привлекательным внешним обликом, рассматриваются этические проблемы дифференциации на внешне привлекательных и непривлекательных людей.

Наряду с обозначенными вопросами ставится проблема негативного влияния привлекательного внешнего облика на благополучие человека [24; 28; 31]. Например, Стефан Мерсон, Джоанн Хесмиллер (Stephen Marson

& Joanne Hessmiller) [28] отмечают, что люди, особенно женщины, имеющие привлекательный внешний облик, становятся объектом дискриминации в профессиональной среде. Их жизнь имеет «темную сторону»: постоянный когнитивный диссонанс, сопровождающийся стрессами; уязвимость, проявление по отношению к ним злорадства в определенных ситуациях, депрессии и одиночество. Амбивалентность качества жизни внешне привлекательных людей зафиксирована также в исследовании Д.В. Погонцевой [10], посвященном рассмотрению представлений женщин о красивой женщине. Большинство участниц ее исследования считают, что наряду с тем, что красивая женщина более счастливая, ей больше завидуют окружающие, у нее есть не только много друзей, но и врагов.

Таким образом, в вышеприведенных исследованиях отмечается, с одной стороны, то, как окружающие воспринимают жизнь, благополучие внешне привлекательных людей, а с другой стороны, делается акцент на том, действительно ли люди с привлекательным внешним обликом являются более счастливыми, благополучными, чем другие? С нашей точки зрения, исходя из выводов различных работ, касающихся проблемы «внешний облик—качество жизни, субъективное благополучие», можно обозначить еще один ракурс рассмотрения данной проблемы, который в статье сформулирован как вопрос о соотношении показателей благополучия с тем, как относится человек к своему внешнему облику, какое значение он придает ему в различных сферах жизнедеятельности, в какой мере он считает внешний облик ценностью наряду с другими ценностями. В контексте такого направления исследования вырисовываются не только пути поиска вза-

имосвязей между отношением к своему внешнему облику и оценками благополучия, но и появляется необходимость в рассмотрении дифференцированного влияния различных компонентов отношения к своему внешнему облику, его ценности и значимости в улучшении различных аспектов жизнедеятельности человека на оценку им благополучия.

В основе решения данной проблемы лежит ряд теоретических положений, сформулированных нами в процессе разработки «Многофакторной модели изучения отношения к внешнему облику» [8]. В частности, мы отмечаем, что пристальное внимание к различным аспектам внешнего облика, постоянная «объективизация» внешнего облика, в том числе за счет посылаемой обратной связи, включающей оценки внешнего облика [29], влияет на снижение удовлетворенности внешним обликом, на формирование «стыдливого» отношения к нему, а следовательно, и на оценку благополучия. Исследования, выполненные на основе разработанной нами «Многофакторной модели изучения отношения к внешнему облику» [5; 8], свидетельствуют о наличии значимых взаимосвязей между выраженностью «ценности внешнего облика» и выраженностью ценностных ориентаций на «высокий социальный статус и управление людьми», на «признание и уважение людьми», на «общение», что может приводить к определенным оценкам благополучия. В исследовании [5] было установлено, что молодые люди в связи с увеличением привлекательности своего внешнего облика ожидают наиболее значимые позитивные изменения в сфере общения, дружеских отношений, то есть с помощью внешнего облика пытаются повлиять на эмоционально-коммуникативную

сторону благополучия. Они также считают, что, создавая более привлекательный внешний облик, можно найти лучше партнера по романтическим отношениям и быть более счастливым.

Учитывая результаты этих исследований, а также построение «многофакторной модели» [8], была разработана процедура настоящего эмпирического исследования, *цель* которого заключалась в определении различий в отношении к своему внешнему облику, в мерах значимости и ценности внешнего облика между подгруппами молодых людей, отличающихся уровнями субъективного благополучия. В процессе выполнения эмпирической части исследования проверялась *гипотеза*: молодые люди, имеющие различные уровни субъективного благополучия, могут отличаться самооценками внешнего облика, обеспокоенностью, удовлетворенностью им, мерами значимости внешнего облика в различных сферах жизнедеятельности, его влияния на ощущение счастья, оценками ценности внешнего облика.

Методы и процедура исследования

С целью проверки выдвинутой гипотезы *на первом этапе исследования* был использован комплекс методик, диагностирующих отношение молодых людей к своему внешнему облику (самооценки компонентов и характеристик внешнего облика, удовлетворенность, обеспокоенность внешним обликом). На этом этапе определялись также ценность и значимость внешнего облика в различных сферах жизнедеятельности.

1. Опросник «Оценочно-содержательная интерпретация своего внешнего

облика» (разработан В.А. Лабунской). Подход к определению взаимосвязанных компонентов внешнего облика и его базовых характеристик представлен в наших публикациях [6]. В настоящем исследовании рассматриваются следующие виды самооенок компонентов внешнего облика: самооценки лица, тела, оформления внешнего облика, на основе которых рассчитывается интегральная самооценка внешнего облика (ИнтСО-ВО); самооценка привлекательности внешнего облика для противоположного пола (СОпрВО); самооценка сексуальности внешнего облика (СОсекВО); самооценка феминности/маскулинности внешнего облика (СОФ/МВО). В процессе заполнения опросника участникам исследования необходимо оценить на основе десятибалльной шкалы степень соответствия параметров различных компонентов внешнего облика своему внешнему облику.

2. Анкета «Оценка значимости привлекательного внешнего облика для улучшения различных аспектов жизнедеятельности», разработанная автором совместно с Г.В. Сериковым (2018) [5]. Данная анкета состоит из 12 утверждений, относящихся к следующим сферам жизнедеятельности: общение и дружеские отношения; карьера и работа; академическая успешность; семейные и романтические отношения. Ряд утверждений касается образа жизни и ощущения счастья. Инструкция сформулирована в виде вопроса: «Насколько изменились бы в лучшую сторону Ваши самовосприятие, отношения с другими людьми и жизненные перспективы, если бы Вы обладали более привлекательным внешним обликом?». Участникам исследования предлагается выбрать меру согласия с приведенными в анкете

утверждениями, используя пятибалльную систему: 5 баллов — абсолютно верно; 4 балла — верно; 3 балла — скорее уверен(а), что это так, чем не уверен(а); 2 балла — скорее не уверен(а), что это так, чем уверен(а); 1 балл — это абсолютно неверно. На основе ответов респондентов рассчитывается значимость внешнего облика для отдельных сфер жизнедеятельности. В данном исследовании рассматривается интегральный показатель значимости внешнего облика для улучшения различных аспектов жизнедеятельности (ИнтЗВО), а также показатель значимости внешнего облика для ощущения счастья (ЗВО-счастье). Данный показатель выделен в связи с трактовками феномена «субъективное благополучие», включающими в качестве базовой характеристики ощущения счастья.

3. Модифицированный вариант опросника С.С. Бубновой «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» [1] (подробное описание варианта методики, применяемого в данном исследовании, содержится в [8]). В нем приводится показатель ценности внешнего облика (ЦВО), интегрирующий ответы в форме «да—нет» и указывающий на выраженность «ценности внешнего облика». Совокупность ответов располагается в диапазоне от 1 до 6 баллов. Чем выше балл, тем выше ценность внешнего облика. Средний балл равен 4.

4. Анкета «Отношение к своему внешнему облику: удовлетворенность и обеспокоенность» (В.А. Лабунская, Е.В. Капитанова) [4]. Данная анкета включает 12 шкал. Меры обеспокоенности (ОбВО) и удовлетворенности (УдВО) внешним обликом рассчитывались на основе суммирования выборов баллов согласия с

утверждениями, исходя из десятибалльной системы. Мера обеспокоенности внешним обликом оценивалась на основе шкал, которые включали вопросы о том, насколько часто участник исследования испытывает чувства смущения, неловкости, скованности из-за своего внешнего облика в различных ситуациях взаимодействия. Удовлетворенность внешним обликом определялась на основе ответов на вопросы о том, насколько внешний облик участника исследования производит приятное впечатление на окружающих и насколько, по его мнению, близкие люди и он сам считают внешний облик привлекательным.

На этом этапе в исследовании приняли участие молодые люди — 86 человек в возрасте 17–25 лет ($M_{\text{возраста}}=20,07$; $SD_{\text{возраста}}=2,232$), 50% женщин и 50% мужчин. В таблице 1 приведены общегрупповые показатели отношения молодых людей к своему внешнему облику, ценности и значимости внешнего облика. Описательные статистики указывают на широкую амплитуду показателей отношения молодых людей к своему внешнему облику, оценок значимости внешнего облика и его ценности. Иными словами, свидетельствуют о существенных индивидуальных различиях внутри группы участников исследования, что позволяет рассмотреть изучаемые показатели в соответствии с уровнями субъективного благополучия.

На втором этапе исследования применялась шкала «Субъективное благополучие» (СБ) (А. Perrudet-Badoux, G. Mendelsohn, J. Chiche), русскоязычная версия которой была создана В.М. Соколовой [12]. Данная шкала, как известно, измеряет эмоциональный компонент субъективного благополучия. На основе этой шкалы опреде-

лялись высокий (1–3 стень), средний (4–7 стень) и низкий (8–10 стень) уровни субъективного благополучия (см. особенности обработки данных, приведенные В.М. Соколовой). На втором этапе все участники исследования на основе частотного анализа были разделены на три подгруппы в соответствии с критериями определения уровней субъективного благополучия, приведенными в русскоязычном варианте шкалы СБ (см. таблицу 2).

Таблица 1

Описательные статистики отношения к ВО, ценности и значимости ВО

Изуемые показатели	N	Мин	Мак	M	SD
ЦВО	86	1,0	6,0	2,82	1,5807
СОСекВО	86	1,0	10,0	4,85	2,0250
СОпрВО	86	1,0	10,0	5,38	2,1191
СОФ/МВО	86	1,0	10,0	6,18	2,0760
ИнтСОВО	86	1,0	10,0	6,08	1,5558
ОбВО	86	2,2	9,6	5,15	1,5872
УдВО	86	1,0	9,8	6,19	1,8548
ЗВОсчастье	86	1,0	5,0	3,10	1,5265
ИнтЗВО	86	1,0	5,0	2,74	1,0619
Возраст	86	17	25	20,0	2,232
N валидных (целиком)	86				

Примечания. ИнтСОВО – интегральная самооценка ВО; СОСекВО – самооценка сексуальности ВО; СОпрВО – самооценка привлекательности ВО для противоположного пола; СОФ/МВО – самооценка феминности/маскулинности ВО; ОбВО – обеспокоенность своим ВО; УдВО – удовлетворенность своим ВО; ЗВО-счастье – значимость привлекательного ВО для ощущения счастья; ИнтЗВО – интегральный показатель значимости привлекательного ВО для различных сфер жизнедеятельности; ЦВО – ценность привлекательного ВО.

Таблица 2

Частотный анализ оценок субъективного благополучия (СБ)

Оценки СБ	Частота	Процент	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	1,0	1	1,2	1,2
	2,0	4	4,7	5,8
	3,0	12	14,0	19,8
	4,0	9	10,5	30,2
	5,0	11	12,8	43,0
	6,0	13	15,1	58,1
	7,0	7	8,1	66,3
	8,0	14	16,3	82,6
	9,0	6	7,0	89,5
	10,0	9	10,5	100,0
Итого	86	100,0	100,0	

В графическом виде распределение участников исследования на основе оценок уровня субъективного благополучия (ОСБ) представлено на рисунке.

В первую подгруппу вошли участники исследования с низким уровнем СБ (33,7%); вторая группа участников исследования состоит из тех, у кого средний уровень СБ (46,5%); третья группа — это те, которые имеют высокий уровень СБ (19,8%).

Данное распределение участников исследования на подгруппы по уровню субъективного благополучия было положено в основу определения различий в отношении к своему внешнему облику, различий в мерах ценности и значимости внешнего облика.

Результаты исследования и их обсуждение

С целью определения различий применялся непараметрический критерий Манна–Уитни (U). В таблице 3 приведены показатели U-критерия Манна–Уитни и уровень значимости различий между подгруппами участников исследования. В данной таблице приводятся показатели различий между подгруппами в отношении к своему ВО, в оценках ценности привлекательного ВО и в мерах значимости привлекательного внешнего облика для улучшения различных аспектов жизнедеятельности человека, в том числе для ощущения счастья.

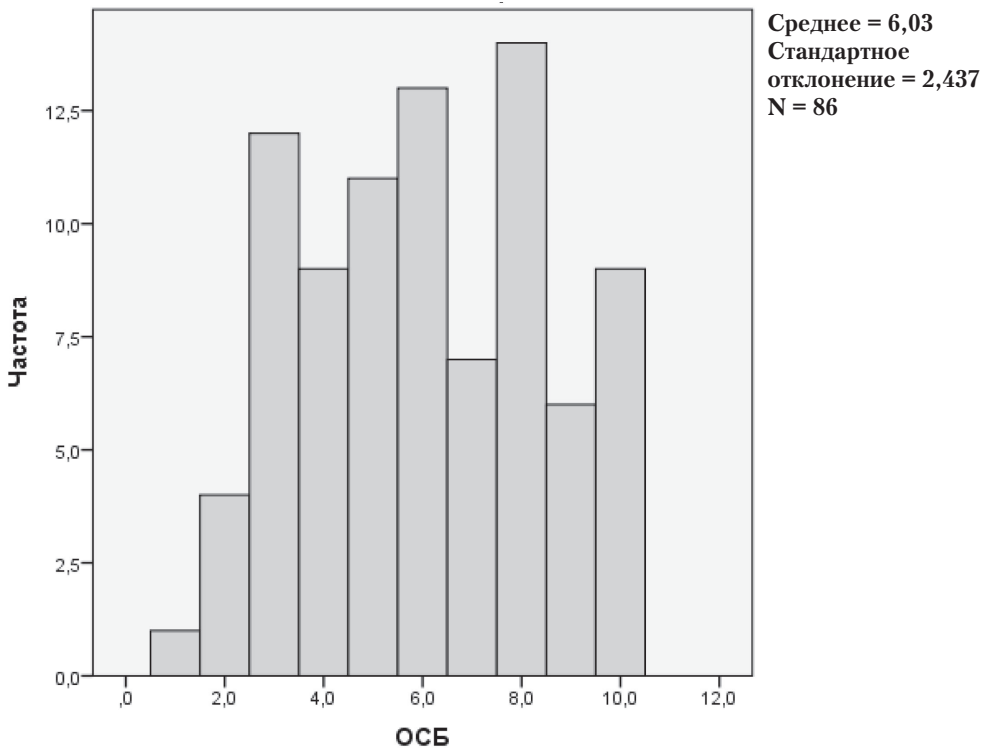

Рис. Распределение ОСБ в изучаемой группе участников исследования

Рассмотрим, прежде всего, показатели U, указывающие на значимые различия в самооценках характеристик внешнего облика, обеспокоенности, удовлетворенности своим внешним обликом между подгруппами с низким и высоким уровнями субъективного благополучия. Эти показатели позволяют сделать вывод о том, что участники исследования, принадлежащие к подгруппе с низким уровнем субъективного благополучия, значимо ниже оценивают сексуальность своего внешнего облика, его привлекательность для противоположного пола, феминность/маскулинность своего внешнего облика. У них

выше показатели обеспокоенности своим внешним обликом и ниже показатели удовлетворенности им. Представители подгруппы с низкой оценкой субъективного благополучия имеют более низкую интегральную самооценку своего внешнего облика. Но у них выше интегральная оценка значимости внешнего облика для улучшения различных аспектов жизнедеятельности и для ощущения счастья. Представители данной подгруппы придают большую ценность внешнему облику, его инвестиционной силе.

По ряду самооценок внешнего облика наблюдаются различия между подгруппа-

Таблица 3

Различия в отношении к своему ВО, в оценках ценности привлекательного ВО и в мерах значимости привлекательного ВО между подгруппами с различными уровнями СБ

Критерий Манна-Уитни — U	Компоненты отношения к своему ВО; ценность и значимость ВО								
	ИнтСОВО	СОСекВО	СОпрВО	СОФ/МВО	ОбВО	УдВО	ЗВО-счастье	ИнтЗВО	ЦВО
Различия между подгруппами с низким (1) и средним (2) уровнями СБ									
U	513,500	406,000	423,000	460,000	502,000	491,000	529,000	550,000	435,000
Sig. (2-tailed)	,304	,021	,036	,096	,245	,195	,388	,553	,046
Различия между подгруппами с низким (1) и высоким (3) уровнями СБ									
U	108,000	98,5000	101,000	130,000	129,000	84,000	168,000	139,500	151,000
Sig. (2-tailed)	,002	,001	,001	,011	,010	,000	,086	,020	,037
Различия между подгруппами со средним (2) и высоким (3) уровнями СБ									
U	170,000	218,500	198,500	235,000	224,000	157,500	240,500	189,500	275,000
Sig. (2-tailed)	,006	,065	,027	,122	,081	,003	,141	,018	,405

Примечания. ИнтСОВО — интегральная самооценка ВО; СОСекВО — самооценка сексуальности ВО; СОпрВО — самооценка привлекательности ВО для противоположного пола; СОФ/МВО — самооценка феминности/маскулинности ВО; ОбВО — обеспокоенность своим ВО; УдВО — удовлетворенность своим ВО; ЗВО-счастье — значимость привлекательного ВО для ощущения счастья; ИнтЗВО — интегральный показатель значимости привлекательного ВО для различных сфер жизнедеятельности; ЦВО — ценность привлекательного ВО.

ми с низким и средним уровнями субъективного благополучия. В подгруппе с низким уровнем субъективного благополучия ниже самооценки сексуальности своего внешнего облика и его привлекательности для противоположного пола, но выше ценность внешнего облика, по сравнению с подгруппой со средним уровнем субъективного благополучия. Интегральная самооценка, самооценка сексуальности внешнего облика, его привлекательность для противоположного пола, удовлетворенность им значимо выше в подгруппе с высоким уровнем субъективного благополучия, по сравнению с подгруппой со средним уровнем субъективного благополучия. В то же время в подгруппе 2 выше обеспокоенность внешним обликом и интегральная значимость внешнего облика для улучшения различных аспектов жизнедеятельности.

Таким образом, подгруппы, имеющие различные уровни субъективного благополучия, отличаются самооценками внешнего облика, обеспокоенностью, удовлетворенностью им, оценками значимости внешнего облика для улучшения различных аспектов жизнедеятельности, оценкой ценности внешнего облика. Наибольшее количество значимых различий наблюдается между подгруппами с низким и высоким уровнями субъективного благополучия.

Следует отметить тот факт, что чем ниже уровень субъективного благополучия, тем выше обеспокоенность внешним обликом и оценка его значимости и ценности. Данный вывод подтверждает корреляционный анализ изучаемых переменных. Между показателями субъективного благополучия и самооценками сексуальности внешнего облика ($r=-,409^{**}$; $p\leq,000$), самооценками привлекательности внешнего облика

для противоположного пола ($r=-,391^{**}$; $p\leq,000$), самооценками феминности/маскулинности внешнего облика ($r=-,321^{**}$; $p\leq,003$), интегральными самооценками внешнего облика ($r=-,338^{**}$; $p\leq,001$), удовлетворенностью своим внешним обликом ($r=-,394^{**}$; $p\leq,000$) существуют высоко значимые обратно пропорциональные взаимосвязи, а между показателями субъективного благополучия и обеспокоенностью внешним обликом ($r=-,370^{**}$; $p\leq,000$), значимостью внешнего облика для ощущения счастья ($r=-,241^{*}$; $p\leq,025$), интегральной значимостью внешнего облика для улучшения различных сфер жизнедеятельности ($r=-,299^{**}$; $p\leq,005$), ценностью внешнего облика ($r=-,296^{**}$; $p\leq,006$) наблюдаются прямо пропорциональные взаимосвязи. Учитывая особенности обработки данных, полученных на основе шкалы «Субъективное благополучие», а именно то, что чем выше балл оценки субъективного благополучия, тем ниже уровень субъективного благополучия, можно заключить, что чем выше уровень субъективного благополучия, тем ниже обеспокоенность внешним обликом и выше удовлетворенность им, выше самооценка компонентов и характеристик внешнего облика. Чем выше уровень субъективного благополучия, тем ниже ценность внешнего облика и его значимость для различных сфер жизнедеятельности и для ощущения счастья.

Заключение

Результаты выполненного исследования подтверждают выдвинутую гипотезу и одновременно свидетельствуют о том, что с повышением ценности привлекательного внешнего облика, его значимости для различных сфер жизнедеятель-

ности, для ощущения счастья снижается уровень субъективного благополучия. Учитывая положительные взаимосвязи между обеспокоенностью внешним обликом и ценностью внешнего облика ($r=,523^{**}$; $p \leq ,000$), значимостью внешнего облика для улучшения различных сфер жизнедеятельности ($r=,384^{**}$; $p \leq ,000$), для ощущения счастья ($r=,270^*$; $p \leq ,012$), можно утверждать, что составляющие отношения к внешнему облику имеют различное влияние на уровень субъективного благополучия: 1) повышение самооценок компонентов и характеристик внешнего облика, связанных с удовлетворенностью внешним обликом, повышает уровень субъективного благополучия; 2) повышение ценности, значимости внешнего облика в жизни человека, сопряженное с обеспокоенностью внешним обликом, приводит к снижению уровня субъективного благополучия.

Интерпретация взаимосвязей, выявленных в процессе исследования, на основе идей, положенных в основу создания шкалы «Субъективное благополучие», позволяет заключить, что молодые люди, придающие особую ценность и значимость внешнему облику, обеспокоенные им, могут отличаться раздражительностью, пессимистичностью, замкнутостью, отсутствием стрессоустойчивости в определенных жизненных ситуациях, склонностью к одиночеству, депрессиям (низкий уровень субъективного благополучия). Молодые люди, оценивающие высоко субъективное благополучие, уверены в себе, активны, об-

ладают позитивным коммуникативным потенциалом, успешно взаимодействуют с окружающими, у них достаточно высокие самооценки компонентов и характеристик внешнего облика, сопряженные с удовлетворенностью внешним обликом.

Следовательно, с целью повышения оценок субъективного благополучия, его эмоциональной составляющей можно рекомендовать снижение до определенного уровня ценности и значимости внешнего облика в жизни человека. В связи с этим перед нами стоит задача определения дифференцирующего критерия значимости и ценности внешнего облика, обеспокоенности, удовлетворенности им, самооценок компонентов и характеристик внешнего облика, изменение которых в одну или другую сторону может оказывать влияние на оценки субъективного благополучия.

В качестве перспектив изучения влияния отношения к своему внешнему облику, оценок значимости и ценности внешнего облика на субъективное благополучие мы рассматриваем включение в роли детерминант одного и другого — пол, возраст, экономический статус, уровень образования, личностные и социально-психологические характеристики, что соответствует разрабатываемой нами «Многофакторной модели отношения к внешнему облику». Ряд наших работ [4; 7] и работ других авторов [2; 3; 10; 17] учитывают эти предикторы отношения к своему внешнему облику, но не в контексте изучения субъективного благополучия молодых людей.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 171801260 «Социальная психология внешнего облика: функции, значимость, удовлетворенность, обеспокоенность, интерпретации в межличностном и внутригрупповом взаимодействии в молодежной среде»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубнова С.С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 5. С. 38–44.
2. Варлашкина Е.А. Особенности образа физического «я» и удовлетворенности жизнью у женщин с разным уровнем активности ухода за внешностью // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2012. № 1. С. 4–10.
3. Жильев А.Г., Полянина М.А. Роль представления о собственной внешности в проблемах самоотношения женщин-студенток // Казанский педагогический журнал. 2010. № 5–6. С. 126–134.
4. Капитанова Е.В. Социально-психологические факторы удовлетворенности студентов своим внешним обликом: дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2017. 212 с.
5. Лабунская В.А. Динамика представлений студентов о функциональной значимости привлекательного внешнего облика // Социодинамика. 2018. № 11. С. 11–19. doi: 10.25136/2409-7144.2018.11.27887
6. Лабунская В.А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. 344 с.
7. Лабунская В.А., Дроздова И.И. Теоретико-эмпирический анализ влияния социокультурных и социально-психологических факторов на оценки и самооценки молодых людей внешнего облика // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 2. С. 202–226. doi: 10.21702/rpj.2017.2.12
8. Лабунская В.А., Сериков Г.В. Теоретические основы и методические подходы к изучению феномена «ценность внешнего облика» // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 91–103. doi:10.17759/sps.2018090310
9. Новгородова Е.Ф. Особенности субъективного благополучия обладателей татуировок [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2017. № 15. С. 536–540. URL: <https://moluch.ru/archive/149/42078/> (дата обращения: 12.05.2019).
10. Погонцева Д.В. Красивая женщина: социально-демографический анализ представлений // Социальная психология и общество. 2011. № 1. С. 73–82.
11. Сац Е.А., Слободчиков И.М. Особенности самосознания у женщин-клиентов косметологических услуг // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. С. 1563. doi: 10.17513/spno.121-18589
12. Соколова М.В. Шкала субъективного благополучия. 2-е изд. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 1996. 17 с.
13. Тарханова П.М., Холмогорова А.Б. Социальные и психологические факторы физического перфекционизма и неудовлетворенности своим телом // Психологическая наука и образование. 2011. № 5. С. 52–60.
14. Терехина Н.С., Сергиенко Е.А., Лекалов А.А., Звенигородский П.В. Взаимосвязь контроля поведения и субъективного благополучия людей различных профессий // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 4. С. 52–65.
15. Тихомандрицкая О.А., Мальшева Н.Г., Шаехов З.Д., Кабальнов Н.А. Роль личностных ценностей в психологическом благополучии современных старшеклассников [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2019. Т. 12. № 63. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.05.2019).

16. Шамионов Р.М. Базовые убеждения и культурные установки как предикторы эмоционального и психологического благополучия горожан и сельчан // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 109–122. doi:10.17759/sps.2015060408
17. Шкурко Т.А. Динамика удовлетворенности жизнью и самооенок внешнего облика у женщин, занимающихся йогой // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 915–921.
18. Яремчук С.В. Соотношение уровня субъективного благополучия и стремления человека к изменениям [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. № 4. URL: <http://psyedu.ru/journal/2013/4/Yaremchuk.phtml.phtml> (дата обращения: 08.05.2019).
19. Anderson C., John O., Keltner D., Kring A. Who Attains Social Status? Effects of Personality and Physical Attractiveness in Social Groups // J Pers Soc Psychol. 2001. Vol. 81. № 1. P. 116–132. doi: 10.1037//0022-3514.81.1.116.
20. Ćurković K., Franc R. Physical attractiveness stereotype ‘Beautiful is Good’ in the context of the Big Five personality theory [Электронный ресурс] // Psihologijske Teme. 2010. Vol. 19. № 1. P. 123–144. URL: <https://hrcak.srce.hr/56832> (Accessed: 14.05.2019).
21. Dotse J., Asumeng M. Relationship Between Body Image Satisfaction and Psychological Well-Being: The Impact of Africentric Values // J. of Social Science Studies. 2015. Vol. 2. № 1. P. 320–342. doi: 10.5296/jsss.v2i1.6843
22. Gupta N., Etcoff N.L., Jaeger M. Beauty in Mind: The Effects of Physical Attractiveness on Psychological Well-Being and Distress // J. of Happiness Studies. 2016. Vol. 17. № 3. P. 1313–1325. doi:10.1007/s10902-015-9644-6
23. James K.E., Tyler A., Calogero M., Lee R.J. Exploring the relationship between appearance-contingent self-worth and self-esteem: The roles of self-objectification and appearance anxiety // Body Image. 2017. Vol. 23. P. 176–182. doi:10.1016/j.bodyim.2017.10.004
24. Johnson S.K., Podratz K.E., Dipboye R.L., Gibbons E. Attractiveness Biases in Ratings of Employment Suitability: Tracking Down the “Beauty is Beastly” Effect // The J. of Social Psychology. 2010. Vol. 150. № 3. P. 301–318. doi: 10.1080/00224540903365414
25. Jones A.L., Tree J.J., Ward R. Personality in faces: Implicit associations between appearance and personality // European J. of Social Psychology. 2019. Vol. 49. № 4. P. 658–669. doi:10.1002/ejsp.2534
26. Kaczmarek L.D., Enko Jolanta, Awdziejczyk M., Hoffmann N., Bialobrzaska N., Mielniczuk P., Dombrowski S.U. Would You Be Happier If You Looked Better? A Focusing Illusion // J. Happiness Stud. 2016. Vol. 17. P. 357–365. doi: 10.1007/s10902-014-9598-0
27. Lorenzo G.L., Biesanz J.C., Human L.J. What Is Beautiful Is Good and More Accurately Understood: Physical Attractiveness and Accuracy in First Impressions of Personality // Psychological Science. 2010. Vol. 21. № 12. P. 1777–1782. doi: 10.1177/0956797610388048
28. Marson S.M. & Hessmiller J.M. The Dark Side of Being Pretty // J. of Sociology and Social Work. 2016. Vol. 4. № 1. P. 58–67. doi:10.15640/jssw.v4n1a8
29. Noser A., Zeigler-Hill V. Investing in the ideal: Does objectified body consciousness mediate the association between appearance contingent self-worth and appearance self-

esteem in women? // *Body Image*. 2014. P. 119–125. doi: 10.1016/j.bodyim.2013.11.006. Epub 2013 Dec 25.

30. Richards H.S., Jenkinson E., Rumsey N., White P., Garrott H., Herbert H., Kalapesi F. and Harrad R.A. The psychological well-being and appearance concerns of patients presenting with ptosis [Электронный ресурс] // *Eye*. 2013. Vol. 28. P. 296–302. doi:10.1038/eye.2013.264 URL: <http://eprints.uwe.ac.uk/22615> (дата обращения: 14.05.2019).

31. *Rollero Ch.* Men and women facing objectification: The effects of media models on well-being, self-esteem and ambivalent sexism // *International Journal of Social Psychology*. 2013. Vol. 28 (3). P. 373–382. doi:10.1174/021347413807719166

Attitude to appearance, its value and significance as factors of subjective well-being of young people

V.A. LABUNSKAYA*,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
vlab@aanet.ru

In the article on the basis of theoretical analysis of foreign and domestic research linkages between the attitude to his appearance (AP) and assessments of well-being develops a differentiated approach to the definition of the influence of different of components attitude to appearance, its value and importance to the assessment of subjective well-being (SW-B). In the empirical part of the research from intercom hypothesis: young people with different levels of subjective well-being may differ self-estimations of appearance, concern them satisfaction, measures importance of appearance in different spheres of life, measures its impact on happiness, estimates of the value of appearance. The study involved young people – 86 people at the age of 17–25 years (M age = 20.07; SD age = 2.232), 50% – women and 50% – men. A set of research methods included: questionnaire “Content-Evaluative Interpretation of Appearance” (V.A. Labunskaya); questionnaire “Estimates of the importance of attractive appearance to improve in different life situation” (V.A. Labunskaya, G.V. Serikov); The modified version of the inventory “Diagnostics of Real Structure of Personality Value Orientations” (S.S. Bubnova), includes scale “value of appearance”; questionnaire “Attitudes towards Appearance: Satisfaction and Concern” (V.A. Labunskaya, E.V. Kapitanova); the scale of the “subjective well-being”, russian version of which was created by V.M. Sokolova. The results of the study confirm the initiative of hypothesis and

For citation:

Labunskaya V.A. Attitude to appearance, its value and significance as factors of subjective well-being of young people. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no. 3, pp. 51–66. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100304

* *Labunskaya Vera A.* – Doctor of Science in Psychology, Professor, Department of Social Psychology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, vlab@aanet.ru

indicate what components of attitudes towards appearance have a different impact on the level of subjective well-being: 1) self-estimation of components and characteristics of appearance, associated with satisfaction appearance, increases the level of subjective well-being; 2) increase of value, significance of the appearance of a person's life, coupled with concern with appearance, leads to reduced levels of subjective well-being.

Keywords: levels of subjective well-being, components of appearance, attitudes towards appearance, importance of appearance, value of appearance, self-estimation of appearance, satisfaction with appearance, concern with appearance, young people.

Funding

The research was conducted with the financial support from Russian Scientific Foundation (project № 171801260 "The social psychology of appearance: functions, significance, satisfaction, concerns, the interpretation in the interpersonal and intragroup interaction in youth environment").

REFERENCES

1. Bubnova S.S. Cennostnye orientacii lichnosti kak mnogomernaja nelinejnaja sistema [Valuable orientations of the personality as multidimensional nonlinear system]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 1999. Vol., no. 5, pp. 38–44.
2. Varlashkina E.A. Osobennosti obraza fizicheskogo «ja» i udovletvorennosti zhizn'ju u zhenshhin s raznym urovnem aktivnosti uhoda za vneshnost'ju [Features an image of the physical and life satisfaction in women with different levels of care activity appearance]. *Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Psihologija»* [Bulletin of the University of Omsk. Series: «Psychology»], 2012, no. 1, pp. 4–10.
3. Zhiljaev A.G, Poljanina M.A. Rol' predstavlenija o sobstvennoj vneshnosti v problemah samootnoshenija zhenshhin-studentok [The role of Views about their own appearance problems self-relations women students]. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal* [The Kazan pedagogical magazine], 2010, no. 5–6, pp. 126–134.
4. Kapitanova E.V. Social'no-psihologicheskie faktory udovletvorennosti studentov svoim vneshnim oblikom. Diss. kand. psikhol. nauk. [Socio-psychological factors of students' satisfaction with their appearance. PhD (Psychology) diss.]. Rostov-na-Donu, 2017. 212 p.
5. Labunskaja V.A. Dinamika predstavlenij studentov o funkcional'noj znachimosti privlekatel'nogo vneshnego oblika [Dynamics of representations of students about the functional importance of attractive appearance]. *Sociodinamika* [Social dynamics], 2018, no. 11, pp. 11–19. doi:10.25136/2409-7144.2018.11.27887
6. Labunskaja V.A. Ne jazyk tela, a jazyk dushi! Psihologija neverbal'nogo vyrazhenija lichnosti [No body language, and the language of the soul! Psychology of nonverbal expressions of expression of personality]. Rostov-na-Donu: Feniks, 2009. 344 p.
7. Labunskaja V.A., Drozdova I.I. Teoretiko-jempiricheskij analiz vlijanija socio-kul'turnyh i social'no-psihologicheskikh faktorov na ocenki i samoocenki molodyh ljudej vneshnego oblika [A theoretical and empirical analysis of the influence of socio-psychological factors on young people's assessment and self-assessment of appearance]. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal* [Russian psychological journal], 2017. Vol. 14, no. 2, pp. 202–226. doi:10.21702/rpj.2017.2.12. (In Russ., abstr. in Engl.).

8. Labunskaya V.A., Serikov G.V. Theoretical foundations and methodological approaches to the study of the phenomenon the «Value of appearance». *Sotsial'naiia psikhologiia i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 91–103. doi:10.17759/sps.2018090310. (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Novgorodova E.F. Osobennosti sub#ektivnogo blagopoluchija obladatelej tatuirovok [Features of subjective well-being holders tattoos] [Elektronnyj resurs]. *Molodoj uchenyj* [The young scientist], 2017, no. 15, pp. 536–540. URL: <https://moluch.ru/archive/149/42078/> (Accessed: 12.05.2019)
10. Pogontseva D.V. Beautiful Women: Socio-Demographic Analysis of Representation. *Sotsial'naiia psikhologiia i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2011, no. 1, pp. 73–82. (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Sac E.A., Slobodchikov I.M. Osobennosti samosoznaniia u zhenshin-klientov kosmetologicheskikh uslug [Features of self-consciousness in women-customers of Cosmetology services]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia* [Modern problems of science and education], 2015, no. (1–1), pp. 1563. doi:10.17513/spno.121-18589
12. Sokolova M.V. Shkala sub#ektivnogo blagopoluchija. 2-e izd. [Subjective well-being scale. 2-Ed.]. Jaroslavl': NPC «Psihodiagnostika». Jaroslavl': SPC «Psychological Diagnostics», 1996. 17 p.
13. Tarhanova P.M., Holmogorova A.B. Social'nye i psihologicheskie faktory fizicheskogo perfekcionizma i neudovletvorennosti svoim telom [Social and psychological factors of physical perfectionism and dissatisfaction with her body]. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2011, no. 5, pp. 52–60.
14. Terekhina N.S., Sergienko E.A., Lekalov A.A., Zvenigorodsky P.V. Relationship of behavior control and subjective well-being in representatives of different professions. *Eksperimental'naâ psihologiâ* [Experimental Psychology], 2014. Vol. 7, no. 4, pp. 52–65. (In Russ., abstr. in Engl.).
15. Tihomandrickaja O.A., Malysheva N.G., Shaehov Z.D., Kabal'nov N.A. Rol' lichnostnykh cennostej v psihologicheskom blagopoluchii sovremennykh starsheklassnikov [Elektronnyj resurs] [The role of personal values in the psychological well-being of contemporary high school students]. *Psihologicheskie issledovaniia* [Psychological research], 2019. Vol. 12, no. 63, pp. 9. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed: 10.05.2019). (In Russ., abstr. in Engl.).
16. Shamionov R.M. Basic Beliefs and Cultural Attitudes as Predictors of Emotional and Psychological Well-Being in Urban and Rural Populations. *Sotsial'naiia psikhologiia i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2015. Vol. 6, no. 4, pp. 109–122. doi:10.17759/sps.2015060408. (In Russ., abstr. in Engl.).
17. Shkurko T.A. Dinamika udovletvorennosti zhizn'ju i samoocenok vneshnego oblika u zhenshin, zanimajushhijhsja jogoj [Dynamics of life satisfaction and self-evaluation of the appearance of the women involved in yoga]. In Znakov V.V., Zhuravlev A.L. (ed.) *Psihologija cheloveka kak sub#ekta poznaniia, obshheniia i dejatel'nosti* [Human psychology as a subject of cognition, communication and activities]. Moscow: «RAS Institute of psychology», 2018, pp. 915–921.
18. Yaremchuk S.V. Ratio of subjective well-being and aspirations of the person to change [Elektronnyj resurs]. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie psyedu.ru* [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2013, no. 4 (In Russ., abstr. in Engl.).

19. Anderson C., John O., Keltner D., Kring A. Who Attains Social Status? Effects of Personality and Physical Attractiveness in Social Groups. *J Pers Soc Psycho*, 2001. Vol. 81, no. 1, pp. 116–132. doi:10.1037//0022-3514.81.1.116.
20. Ćurković K., Franc R. Physical attractiveness stereotype 'Beautiful is Good' in the context of the Big Five personality theory [Elektronnyi resurs]. *Psihologijske Teme*, 2010. Vol. 19, no. 1, pp. 123–144. <https://hrcak.srce.hr/56832> (Accessed: 14.05.2019).
21. Dotse J., Asumeng M. Relationship Between Body Image Satisfaction and Psychological Well-Being: The Impact of Africentric Values. *J. of Social Science Studies*, 2015. Vol. 2, no. 1, pp. 320–342. doi: 10.5296/jsss.v2i1.6843
22. Gupta N., Etcoff N.L., Jaeger M. Beauty in Mind: The Effects of Physical Attractiveness on Psychological Well-Being and Distress. *J. of Happiness Studies*, 2016. Vol. 17, no. 3, pp. 1313–1325. doi: 10.1007/s10902-015-9644-6
23. James K.E. Tyler A., Calogero M., Lee R.J. Exploring the relationship between appearance-contingent self-worth and self-esteem: The roles of self-objectification and appearance anxiety. *Body Image*, 2017. Vol. 23, pp. 176–182. doi: 10.1016/j.bodyim.2017.10.004
24. Johnson S.K., Podratz K.E., Dipboye R.L., Gibbons E. Attractiveness Biases in Ratings of Employment Suitability: Tracking Down the “Beauty is Beastly” Effect. *The J. of Social Psychology*, 2010. Vol. 150, no. 3, pp. 301–318. doi:10.1080/00224540903365414
25. Jones A.L., Tree J.J., Ward R. Personality in faces: Implicit associations between appearance and personality. *European J. of Social Psychology*, 2019. Vol. 49, no. 4, pp. 658–669. doi:10.1002/ejsp.2534
26. Kaczmarek L.D, Enko Jolanta, Awdziejczyk M., Hoffmann N., Białobrzeska N., Mielniczuk P., Dombrowski S.U. Would You Be Happier If You Looked Better? A Focusing Illusion. *J. Happiness Stud*, 2016. Vol. 17, pp. 357–365. doi:10.1007/s10902-014-9598-0
27. Lorenzo G.L., Biesanz J.C., Human L.J. What Is Beautiful Is Good and More Accurately Understood: Physical Attractiveness and Accuracy in First Impressions of Personality. *Psychological Science*, 2010. Vol. 21, no. 12, pp. 1777–1782. doi:10.1177/0956797610388048
28. Marson S.M., Hessmiller J.M. The Dark Side of Being Pretty. *J. of Sociology and Social Work*, 2016. Vol. 4, no. 1, no. 58–67. doi:10.15640/jssw.v4n1a8
29. Noser A., Zeigler-Hill V. Investing in the ideal: Does objectified body consciousness mediate the association between appearance contingent self-worth and appearance self-esteem in women? *Body Image*, 2014, pp. 119–125. doi:10.1016/j.bodyim.2013.11.006. Epub 2013 Dec 25.
30. Richards H.S., Jenkinson E., Rumsey N., White P., Garrott H., Herbert H., Kalapesi F., Harrad R.A. The psychological well-being and appearance concerns of patients presenting with ptosis [Elektronnyi resurs]. *Eye*, 2013. Vol. 28, pp. 296–302. doi:10.1038/eye.2013.264 URL: <http://eprints.uwe.ac.uk/22615> (Accessed: 14.05.2019)
31. Rollero Ch. Men and women facing objectification: The effects of media models on well-being, self-esteem and ambivalent sexism. *International Journal of Social Psychology*, 2013. Vol. 28 (3), pp. 373–382. doi:10.1174/021347413807719166

Особенности национального самосознания армян, проживающих в России и в Армении

Г.И. МОРЕВА*,
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», Тюмень, Россия,
gaga53@mail.ru

Г.М. КУРДОГЛЯН**,
ГАУЗ ТО «Городская поликлиника № 12», Тюмень, Россия,
freenic97@yandex.ru

В статье представлены результаты исследования национальных особенностей армян, проживающих в Армении и в России (Тюмени), как одной из пространственных в России диаспор. На основе анализа теоретических и практических исследований были выдвинуты гипотезы, что армяне, проживающие и родившиеся в России, интегрируют особенности образа своего национального самосознания и особенности образа национального самосознания армян, проживающих и родившихся в Армении. Также мы полагаем, что в особенностях национального самосознания армян можно выделить характеристики, позволяющие им благополучно сосуществовать в культуре принимающей страны, демонстрируя стратегию интеграции. В исследовании приняли участие 95 человек (свободная выборка). В качестве метода исследования использовался семантический дифференциал. На основании полученных результатов делается вывод о наличии связи между объектами «Я армянин», «Армяне, проживающие в России» и «Армяне, проживающие в Армении», что означает сохранение своего национального самосознания. Другой важный вывод заключается в близкой связи объектов «Армяне, проживающие в России» и «Гражданин России». Армяне чувствуют себя гражданами России, что позволяет нам сделать вывод о демонстрации мигрантами такой стратегии аккультурации, как интеграция, которая позволяет им не только быть эффективными, но и сохранять этническую идентичность. Характеристиками, которые позволяют мигрантам успешно интегрироваться в обществе, по мнению армян, родившихся и

Для цитаты:

Морева Г.И., Курдоглян Г.М. Особенности национального самосознания армян, проживающих в России и в Армении // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 3. С. 67–84. doi:10.17759/sps.2019100305

* Морева Галина Ивановна — кандидат психологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», Тюмень, Россия, gaga53@mail.ru

** Курдоглян Гаянэ Мурадовна — психолог, Отделение медицинской реабилитации, ГАУЗ ТО «Городская поликлиника № 12», Тюмень, Россия, freenic97@yandex.ru

проживающих в России, могут выступать: стремление помочь другим, заботливость, общительность, готовность прийти на помощь, чувствительность по отношению к другим.

Ключевые слова: национальное самосознание, гражданское самосознание, этнос, национальная культура, стратегии аккультурации.

Постановка проблемы исследования

В настоящее время в миграционный оборот вовлечено более 200 стран мира. Россия не является исключением. Миграционные процессы часто характеризуются напряженностью этнической ситуации. Межнациональные конфликты, национальная нетерпимость и отчужденность стали частью нашей повседневной реальности. Перед мигрантом, прибывшим в другую страну, встает проблема сохранения своих ценностей, обычаев и при этом успешного взаимодействия с представителями другой культуры.

Уже Эрих Фромм [19] писал о том, что у человека существует врожденная потребность в принадлежности, в обретении чувства тождественности с группой. Он называл это настоящей потребностью, от удовлетворения которой зависит психическое здоровье человека. А этнос в данном случае выступает как наиболее стабильная социальная группа, обеспечивающая удовлетворение этой потребности.

И в моменты исторических событий, связанных с обострением ситуаций межэтнической напряженности, этнос начинает задаваться вопросами: «Кто мы? Кем мы хотим стать или остаться?». Таким образом, основополагающей потребностью в выживании индивида и общества в целом, их полноценной жизнедеятельности в эпоху крупномасштабных социальных изменений становится

самоидентификация, благодаря которой и определяется историческая индивидуальность. И здесь, прежде всего, идентичность связана с процессами смыслообразования: поиском внутренних связей и глубинного понимания своего «я» посредством собственной культуры.

В настоящее время как научный, так и прикладной интерес вызывает исследование особенностей освоения личностью этнокультурной традиции в условиях титульного этноса и сопряженной общины.

В связи с этой проблемой следует обратиться к такому понятию, как аккультурация, которая определяется как смена культур, обычаев, верований, происходящая при непосредственном контакте и взаимовлиянии разных социокультурных систем, и рассмотрение разных стратегий адаптации к новой жизни: ассимиляция, сепаратизм, маргинализация, интеграция [3].

В процессе аккультурации представители этнического меньшинства знакомятся с новыми культурными условиями и овладевают новыми навыками через общение. «Поэтому процесс аккультурации можно рассматривать как приобретение коммуникативных способностей к новой культуре. Через продолжительный опыт общения люди осваивают то, что необходимо в новых условиях» [5, с. 257].

Так как же сохранить идентичность индивида в соответствии с собственным этносом?

Национальное самосознание мы определяем как осознание индивидом себя в

качестве носителя свойств национально-го характера, определяющих особенности мировоззрения, жизненной позиции, отношение к действительности, другим людям. А также своей принадлежности к определенной этнической общности и ее положении в системе общественных отношений.

Через самосознание нация осознает, обозначает свои общие, коренные интересы, цели и идеалы, свое «лицо» в многонациональном пространстве, а также свое отношение к другим нациям и государствам. Соответственно, отдельный индивид, обладающий национальным самосознанием, будет благополучно актуализировать свой внутренний потенциал, сопоставляя его с особенностями своей нации.

Однако современных исследований, связанных с изучением особенностей самосознания индивидов, проживающих не на родине, явно недостаточно. Даже те, что есть, например, исследования Т.Г. Стефаненко [18] о понятии национального самосознания или Э.Г. Волчкова [7] на примере татарских студентов, в полной мере не описывают изучаемую нами тему.

Армянская диаспора является одной из распространенных в России. Большинство представителей армянской культуры занимают достойное место в обществе и не чувствуют негативного отношения к себе со стороны принимающей стороны. Что позволяет мигрантам успешно адаптироваться и быть успешными?

Как справедливо отмечает в своей диссертации Г.С. Мгоян, сложности современного общества приводят «к доминированию стратегии выживания, а не стратегии самореализации» [12, с. 137].

Возможна ли самореализация в условиях «выживания»? Что происходит в этом случае с национальным самосознанием мигрантов? Возможно ли в услови-

ях существования нетитульного этноса сохранение национального самосознания, или оно со временем деформируется? Мы рассматриваем национальную культуру как один из главных факторов, влияющих на формирование национального самосознания, и важным аспектом здесь будет выступать осознание индивидом себя в качестве носителя системы ценностей определенной культуры.

В целях нашего исследования интерес представляет подход голландского культуролога Гирта Хофстеде, который предлагает ряд оригинальных идей для описания культуры. Он определяет национальную культуру как «коллективную ментальную запрограммированную культуру, отличающуюся при помощи воображения представителей одной нации от других» [23, с. 3]. Ученый отмечает, что наше собственное сознание основано на полученном в ранние годы индивидуальном опыте, а также на сохранившихся в обществе традициях и законах. Однако у человека есть еще и врожденная способность отклоняться от программирования и вести себя новаторски и неожиданно. Ментальные программы отличаются настолько, насколько различаются социальные среды, в которых они сформировались [23].

Одним из параметров культуры выступает проявление индивидуализма—коллективизма, характеризующее степень, с которой граждане данной страны предпочитают действовать самостоятельно, а не как члены той или иной группы. Данный параметр определяет также тесноту социально-психологической связи между членами общества. «Представители армянского общества считают себя частью коллектива, но вместе с тем им присуща индивидуальная инициативность» [12, с. 121]. Как отмечает Г.С. Мгоян, история армянского народа чаще свидетельствует

о разобщенности, о доминировании индивидуализма: не всегда представители нашего общества отдадут приоритет достижению групповых интересов, однако, когда речь идет о народной безопасности, все объединяются. Члены общества регулируют свое поведение в соответствии с внутригрупповыми нормами, чувствительны к отторжению от группы, отдают предпочтение установкам и ценностям, в которых делается упор на взаимозависимость, безопасность, долг, внутригрупповую гармонию и иерархию [12].

По мнению многих исследователей, главное событие, определившее самосознание армян — это *историческая память о геноциде 1915 г.* Причем, как говорит Г.А. Погосян, как для армян из Армении, так и для армян, проживающих за пределами родины, это событие сформировало облик жертвенности в национальном самосознании армян и «стало краеугольным камнем их национальной идентичности» [15, с. 132].

Таким образом, он выделил два самых главных символа, составляющих основу национального самосознания и национальной идентичности армян — это *выживание* и *жертвенность*. Трагические события 1915 года лишь усилили и закрепили облик жертвенности нации, а также физическое и культурное выживание как ее сверхзадачу. Далее, помимо геноцида, на формирование данных символов также повлияло еще и землетрясение 1988 г., которое унесло жизни множества армян и оставило еще несколько сот без крова [15].

Память о геноциде во многом определяет национальное самосознание даже современных армян. Г.А. Погосян говорит о том, что «... сегодня нет армянина, который хотя бы не слышал о геноциде. Из поколения в поколение национальное самосознание армян во многом форми-

ровалось под влиянием этого исторического бедствия» [15, с. 120].

Кроме того, в современных условиях о феномене «выживания» пишет и Г.С. Мкоян, отмечая, что в странах, не достигших уровня экономической безопасности, к которым относится Армения, основной проблемой является проблема выживания, разрешение которой большинство членов общества видит в росте материальной обеспеченности и улучшении социально-экономической обстановки [12].

Тем самым на данный момент в национальном сознании армян, в особенности проживающих в Армении, крепко зафиксирована неуверенность в самосохранении.

Но, с другой стороны, у них сформировался такой набор качеств, как постоянство в дружбе и готовность прийти на помощь, на которые также повлияла многовековая национально-освободительная борьба. Отсюда сформировались такие черты национального самосознания, как особая любовь к Родине и ярко выраженная национальная гордость.

Помимо этого, у них появляются такие характерные национальные черты, как нестигаемость, упрямое мужество и выдержка, которым они обязаны своим сохранением как народа [14].

Р.Э. Бабаян, исследуя национальный характер армян, установил, что им присущи такие особенности характера, как «твердость, упорство, сила духа, выносливость, а также способность выдержать самые суровые испытания» [3, с. 209].

Р.Э. Бабаян также отмечал, что армяне считают своими особенностями *отзывчивость, щедрость, трудолюбие и заботливость*. Высоко ценят семью и семейные ценности — многие семьи сохраняют тесное общение и принимают активное участие в жизни армянской

общины, *стараятся воспитать в своих детях чувство патриотизма*, даже вдали от Родины. Данные особенности он объяснял влиянием географии и тяжелой исторической составляющей, «которые навсегда останутся в памяти армянского народа» [3, с. 210].

Целью нашего исследования стало выявление особенностей самосознания армян в зависимости от того, где они родились, выросли и проживают.

Гипотезы исследования:

1. Армяне, проживающие и родившиеся в России, интегрируют особенности образа своего национального самосознания и особенности образа национального самосознания армян, проживающих и родившихся в Армении.

2. В особенностях национального самосознания армян можно выделить универсальные характеристики, позволяющие им благополучно сосуществовать в культуре принимающей страны, при этом сохраняя их, демонстрируя стратегию интеграции.

Выборку составили молодые люди (армяне возрастной категории 18-30 лет). Всего в общей сложности в исследовании приняли участие 31 человек на первом этапе и 64 респондента на втором этапе исследования: армян из Армении — 33, армян, родившихся в России — 31.

Этапы и методики исследования:

На первом этапе была использована *методика незаконченных предложений* [25].

На этом этапе приняли участие 31 испытуемый: 17 женщин и 14 мужчин в возрасте от 14 до 70 лет.

Методика незаконченных предложений позволила нам выявить осознаваемые представления об образе армянина у респондентов (дескрипторы для семантического дифференциала).

В качестве стимульного материала выступали 22 предложения, касающиеся следующих критериев:

1. *Отношение к Родине*
2. *Отношение к своему/другому языку*
3. *Отношение к своей национальности*
4. *Отношение к другой национальности*
5. *Отношение к своей культуре и другой*
6. *Отношение к другой стране*

На основе полученных данных в дальнейшем на втором финальном этапе мы разработали методику *семантических дифференциалов* [21; 24].

Полученные результаты обрабатывались в программе STATISTICA 12 методами факторного и кластерного анализа.

Обработка результатов с помощью кластерного и факторного анализа предоставила нам возможность выявить структурные и содержательные преобразования в национальном самосознании армян, проживающих в России и Армении.

Обработка результатов

В основной части исследования для обработки полученных данных мы применяли методы факторного и кластерного анализа.

Обработка данных методом кластерного анализа происходила по 7 объектам, используемым в нашем семантическом дифференциале. В случае армян из Армении — по 6, так как объект «Я гражданин России» не использовался.

В итоге были построены кластерные деревья для каждой из выборок: армян из России и армян из Армении.

Обработка полученных «сырых» данных с помощью факторного анализа выполнялась в несколько этапов. В начале из «сырых» данных в Microsoft Excel мы получили общую матрицу, используя метод «сжатия куба матриц». Вторым этапом было транспортирование

полученной матрицы и перенесение ее в STATISTICA. Таким образом, были получены факторные нагрузки переменных, которые впоследствии были нами отшкалированы и обработаны.

Основные результаты и их интерпретация

Анализ особенностей национального самосознания армян, проживающих в России и Армении

Кластерный анализ (рис. 1) ответов армян, родившихся и проживающих в Армении, позволил нам выявить не-

сколько тесных связей в их представлениях о себе. Так, тесная связь прослеживается между кластерами (рис. 1, фигура 1) «Я армянин» и «Армяне, проживающие в Армении», что может говорить нам о сильном ассоциировании данных двух образов.

Помимо этого, на целостность образа указывает связь с кластером «Армяне, проживающие в России» (рис. 1, фигура 2). Как мы можем видеть, между ними также существует соединение, но оно не такое тесное, как у предыдущих двух кластеров.

В данном же случае, как уже отмечалось, армяне из Армении скорее будут разграничивать свои национальные ха-

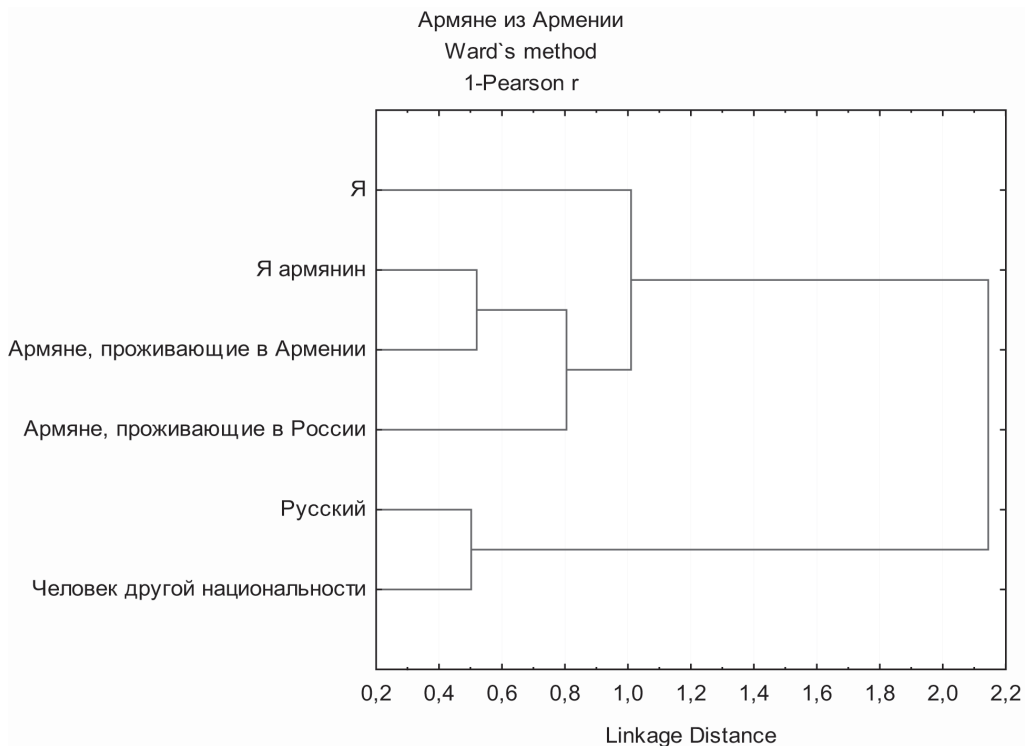

Рис. 1. Кластерное дерево по выборке армян, родившихся и проживающих в Армении

рактические с армянами из России, нежели ассоциировать их.

Помимо этого, в описанную выше группу кластеров включен также образ «Я» (рис. 1, фигура 3). Но, в отличие от предыдущих связей, эта не так сильна. Испытуемые, скорее, идентифицируют себя как представителя своей нации, носителя разнообразных национальных особенностей, нежели попросту как личность с такими же особенностями. Исходя из этого, можно предположить, что у испытуемых армян из Армении преобладает скорее национальное самосознание (коллективное), чем индивидуальное.

Вместе с тем не менее важным при рассмотрении кластерного дерева выступает четкое разграничение по полюсам, которые можно обозначить как «Армяне» и «Люди другой национальности». Группы кластеров в данных полюсах могут говорить нам о том, что испытуемые разграничивают свои национальные особенности и характеристики людей из других наций. А существование тесной связи между «Русским» и «Человеком другой национальности» (рис. 1, фигура 4) позволяет предположить, что национальные особенности русских скорее будут соотноситься с национальными характеристиками других наций, нежели армян.

Таким образом, результаты кластерного анализа ответов армян из Армении позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, можно говорить о четком дифференцировании в национальном самосознании армян своих особенностей и особенностей представителей других наций, к которым также относятся и русские. Во-вторых, нужно сказать о довольно высоком национальном самосознании респондентов. Так как, опираясь на полученные результаты, испытуемые скорее будут определять себя как представителя

своей нации со своими национальными особенностями, нежели как отдельную личность, что свойственно для этносов, культура которых носит коллективистический характер.

При обработке ответов испытуемых факторным анализом было выделено 4 фактора (см. табл. 1), при этом три из них обладают весом меньше 10%, что позволяет говорить о них как о незначимых. Напротив, первый фактор же является необычайно сильным, он перетягивает на себя около 71,5% всех ответов респондентов. Помимо этого, все факторы являются биполярными.

Начиная описывать первый фактор, нужно сказать о том, что он превышает второй в 8 раз, что в лишний раз показывает нам его силу, то есть его значимость в самосознании испытуемых. Мы назвали его «*Отзывчивый помощник—Сдержанный отшельник*», так как в него, с одной стороны, входят такие дескрипторы, как *заботливый, готовый прийти на помощь* и *отзывчивый*, а с другой — *спокойный* и *аскет*. Следовательно, с одной стороны, в представлениях об особенностях национального самосознания армянин выступает как некий отзывчивый человек, который всегда готов прийти на помощь другому и позаботиться о нем. В этом и обнаруживается то, что Г. Ховстеде определяет как «коллективную ментальную запрограммированную культуру народа». Коллективистическая направленность обнаруживается в том, что члены этноса регулируют свое поведение в соответствии с внутригрупповыми нормами, чувствительны к отторжению от группы, отдают предпочтение установкам и ценностям, в которых делается упор на взаимозависимость, безопасность, долг, внутригрупповую гармонию и иерархию [12].

**Факторный анализ результатов семантического дифференциала
по группе армян, проживающих в Армении**

Факторы	Вес фактора	Дискрипторы (выбранные характеристики)	Факторная нагрузка
Фактор 1. Отзывчивый помощник— Сдержанный отшельник	71,5%	Заботливый	-0,97
		Готовый прийти на помощь	-0,97
		Отзывчивый	-0,97
		Спокойный	0,04
		Аскет	0,31
Фактор 2 Жизнестойкий патриот- Приветливый затворник	9%	Патриотичный	-0,28
		Выносливый	-0,27
		Гостеприимный	-0,27
		Отшельник	0,52
		Дружелюбный	0,58
		Культурный	0,69
		Терпимый	0,80
		Аскет	0,81
Фактор 3. Скромный исследователь- Прямолинейный одинокка	7,6%	Простой	-0,56
		Коммуникабельный	-0,52
		Напористый	-0,47
		Проявляющий интерес к другим нациям	-0,43
		Отшельник	0,32
		Страдалец	0,37
		Аскет	0,43
		Выживающий	0,44
		Обособленный от других	0,45
Фактор 4. Прямолинейный гладиатор—Образо- ванный семьянин	4,8%	Категоричный	-0,55
		Целеустремленный	-0,38
		Самостоятельный	-0,36
		Обособленный от других	-0,34
		Наивный	0,33
		Ранимый	0,27
		Расточительный	0,29
		Семейный	0,32
		Жертвенный	0,36
Интеллигентный	0,41		

На другом полюсе этого фактора оцениваются такие качества, как спокойный аскетизм, отшельничество, склонность к некоему затворничеству. То есть для

испытуемых в равной степени важна отзывчивость по отношению к другим, стремление к содействию и поддержке, но вместе с тем им также значимо побыть в одиночестве, вдали от других, при этом неся обряд некоего воздержания. В проанализированной нами литературе данные характеристики также выступали одними из главных особенностей национального образа армян, о которых пишут Р.Э. Бабаян, С.Ф. Петросян [3; 14].

Второй фактор мы назвали **«Жизнестойкий патриот—Приветливый затворник»**; в нем на одном полюсе находятся такие характеристики, как *патриотичный, выносливый, гостеприимный*, а на другом — *спокойный, аскет, терпимый, культурный, дружелюбный, отшельник*. Опять же можно заметить наличие таких повторяющихся характеристик, как отшельник, аскет, которые были и в первом факторе. Тут также в представлениях испытуемых все еще выступает образ затворника, но здесь он выступает дружелюбным и интеллигентным. В добавление к характеристикам, включенным в первый фактор, включается такая характеристика, как патриотизм. Этот фактор практически в 8 раз слабее первого (9%), что может говорить о его малозначимости.

Третий фактор можно назвать **«Скромный исследователь—Прямолинейный одиночка»**. Он также, как и второй, обладает малым весом — всего 7,6%. Тем не менее, в нем уже по названию можно заметить закрепившуюся в представлениях испытуемых особенность армян — стремление к одиночеству, обособленности от других, сюда же входит не раз упомянутое желание коммуницировать с другими, проявлять к ним интерес в скромном своем проявлении. Подобное противоречие отмечает в своем исследовании

Г.С. Мкоян, говоря о присущей армянскому народу разобщенности и доминировании индивидуализма, и при этом приверженности общественному мнению; чувствительности к отторжению от группы [12].

Четвертый фактор обладает самой малой силой — всего 4,8%, что также говорит о его неустойчивости. Он обозначен нами как **«Прямолинейный гладиатор—Образованный семьянин»**. В него с одного полюса включены такие дескрипторы, как *категоричный, целеустремленный, самостоятельный, обособленный от других* и *наивный*, а с другого — *интеллигентный, жертвенный, семейный, расточительный, ранимый*. Испытуемые в очередной раз подчеркивают проявление жертвенности в их национальном самосознании, а также семейности.

Таким образом, в представлении армян, проживающих на родине, присутствуют черты, свидетельствующие о противоречивости образа народа: с одной стороны, особенностью образа выступает такая черта, как отзывчивость, стремление прийти на помощь другим, что есть проявление стремления к коллективизму. С другой стороны, выделение таких характеристик, как затворничество, отшельничество говорит нам о проявлении индивидуализма.

Армяне, родившиеся и проживающие в России

Кластерный анализ ответов армян из России (рис. 2) обнаруживает в представлениях испытуемых несколько тесных связей между объектами.

Так, рассматривая группу кластеров (рис. 2, фигура 1), можно сказать, что существует связь между объектами «Я армя-

нин», «Армяне, проживающие в России» и «Армяне, проживающие в Армении». Таким образом, в представлениях о национальных особенностях испытуемых есть определенная устойчивость: особенности национального самосознания армян в представлениях испытуемых, проживающих в России, сохраняются даже за пределами их исторической родины. Является ли эта особенность проявлением сепаратизма, или испытуемые интегрируются в новое сообщество с желанием сохранить свою культуру и ценности?

Второй тесной кластерной связью (рис. 2, фигура 2) выступают объекты «Я» и «Я гражданин России». Можно предположить, что индивидуальные ха-

рактеристики, присущие испытуемым, сочетаются с характеристиками, описываемыми их как граждан страны.

Вышеперечисленные связи кластеров образуют одну общую группу (рис. 2, фигура 3), рассмотрев которую, можно предположить, что в сознании респондентов существует закономерная связь между национальным самосознанием и гражданским самосознанием. Таким образом, армяне, родившиеся и выросшие за пределами своей исторической родины, не только сохраняют особенности своего национального менталитета, но и демонстрируют доброжелательное отношение к культуре большинства, приобретают особенности «русского» самосознания.

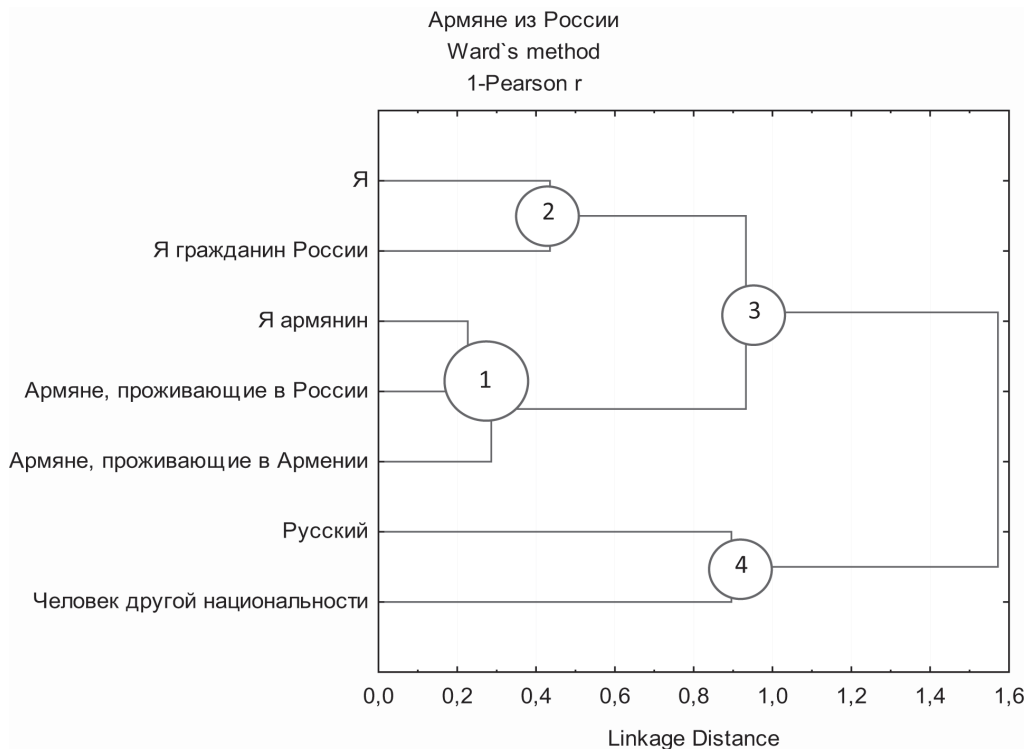

Рис. 2. Кластерное дерево по выборке армян, родившихся и проживающих в России

Вместе с тем на данном кластерном дереве, так же как и в случае с армянами из Армении (рис. 1), образ себя и «армянина» в целом не связывается с объектами «русский» и «человек другой национальности». По всей вероятности, испытуемые армяне, проживая в России, тем не менее дифференцируют свои национальные характеристики и национальные характеристики «русских», тем самым разграничивая свои этнические особенности с особенностями других этносов.

Таким образом, результаты кластерного анализа ответов армян, родившихся и проживающих в России, позволяют сделать нам ряд выводов. Во-первых, армяне, проживающие и родившиеся в России, интегрируют особенности образа своего национального самосознания и особенности образа национального самосознания армян, проживающих и родившихся в Армении. Таким образом, особенности национального самосознания армян сохраняются даже за пределами исторической родины. Во-вторых, армяне склонны дифференцировать свой национальный образ и человека другой национальности, в данном случае — русского.

В-третьих, в особенностях национального самосознания армян присутствуют характеристики, которые соотносятся с характеристиками человека, определенными в нашем исследовании термином «гражданин России». В этом словосочетании, на наш взгляд, заложена не национальность человека, а отношение к стране. Близкая связь с этим объектом, возможно, демонстрирует понимание человеком своего отношения к стране. Следовательно, мы можем также подтвердить еще одну нашу гипотезу о том, что в особенностях национального самосознания армян можно выделить универсальные характеристики, позво-

ляющие им благополучно сосуществовать в культуре принимающей страны, при этом сохраняя их, демонстрируя стратегию интеграции. Таким образом, мигранты демонстрируют такую стратегию аккультурации, как интеграция, что позволяет им не только быть эффективными, но и поддерживать позитивную самоидентификацию.

Переходя к обработке полученных данных факторным анализом, нами было выделено 4 фактора биполярного типа (см. табл. 2). Три из них являются устойчивыми по силе, а один будет скорее ситуативным, так как его сила меньше 10%.

Рассматривая первый фактор, важно отметить его объяснительную силу — 56,7%, это уже говорит нам о том, что он является устойчивым к ситуативным изменениям. Также он сильнее второго почти в 4 раза, что говорит о том, что для респондентов данный фактор выступает особенно значимым.

Мы обозначили его как **«Чувствительный добряк—Алогичный затворник»**. В него вошли, с одной стороны, такие дескрипторы, как *ранимый, заботливый и уважает старших*. А с другой стороны, такие, как *аскет, отшельник, противоречивый, обособленный от других*.

Итак, на основе составляющих его дескрипторов можно увидеть, что испытуемые представляют себе такие особенности армян, как чувствительность по отношению к другим, заботливость и почитание, некое стремление помочь другим. И вновь мы видим проявление коллективного в самосознании испытуемых. Более того, как пишет Г.С. Мкоян, «когда речь идет о народной безопасности, все объединяются» [12, с. 121]. Безусловно, нахождение в другой культуре может вызывать стресс аккультурации, что приводит к объединению этноса.

Вместе с тем респонденты также выделяют значимое стремление к одиночеству и обособленность от других. Подобные качества были отмечены и в группе

Таблица 2

Факторный анализ результатов семантического дифференциала по группе армян, родившихся и проживающих в России

Факторы	Вес фактора	Дескрипторы	Факторная нагрузка
Фактор 1. Чувствительный добряк—Алогичный затворник	56,7%	Ранимый	-0,98
		Заботливый	-0,96
		Уважает других	-0,95
		Обособленный от других	0,2
		Противоречивый	0,26
		Отшельник	0,39
		Аскет	0,45
Фактор 2 Приспособленный аскет— Парадоксальный собеседник	15,8%	Обособленный от других	-0,79
		Жертвенный	-0,69
		Выживающий	-0,57
		Смиранный	-0,47
		Доброжелательный	0,52
		Коммуникабельный	0,54
		Агрессивный	0,59
		Самостоятельный	0,67
		Целеустремленный	0,76
		Противоречивый	0,78
Вспыльчивый	0,85		
Фактор 3. Неуравновешенный помощник— Невозмутимый аскет	10,3%	Несдержанный	-0,59
		Готовый прийти на помощь	-0,40
		Патриот	-0,38
		Аскет	0,43
		Оборонительный	0,51
		Обособленный от других	0,57
		Уступчивый	0,65
		Агрессивный	0,69
		Отшельник	0,71
Спокойный	0,74		
Фактор 4. Раздражительный самоуправленец— Неуступчивый хитрец	6,4%	Самостоятельный	-0,57
		Вспыльчивый	-0,47
		Напористый	0,48
		Противоречивый	0,49
		Напряженный	0,65

армян, проживающих в Армении. Можно предположить, что эти качества характеризуют этнос в целом.

Второй фактор обладает объяснительной силой 15,8%. Это значимо меньше, по сравнению с первым фактором, но тем не менее эта сила делает данный фактор устойчивым к ситуативным изменениям. Мы назвали его **«Приспособленный аскет—Парадоксальный собеседник»**. Deskрипторы, входящие в фактор, с одной стороны, показывают, что в представлениях испытуемых особенности армян так же, как и в первом факторе, заключаются в их стремлении обособиться от других, и при этом — наличие потребности в выживании.

Любопытно, но в этом факторе отмечены и черты, связанные с общительностью, которая находится рядом с агрессивностью, вспыльчивостью, самостоятельностью. Все это формирует достаточно противоречивый образ, о котором говорят сами испытуемые.

Третий фактор — **«Неуравновешенный помощник—Невозмутимый аскет»** — отличается объяснительной силой в 10,3%, что делает его все еще устойчивым к внешним изменениям. В этот фактор также включены аналогичные deskрипторы, что и в первых двух. Тем самым в своих представлениях о национальных особенностях они выделяют на одном полюсе упомянутое выше *отшельничество* и *желание обособиться от других в целях самообороны, самовыживания*. Здесь также присутствуют такие deskрипторы, как *уступчивый* и *агрессивный*, как бы показывая, какие стратегии поведения может предпринять, в представлениях респондентов, индивид, дабы обезопасить себя от других. Но здесь же, на противоположном полюсе, мы все также видим в представлениях испытуемых

стремление помочь другим и некоторую несдержанность (полюса индивидуализм—коллективизм).

Последний фактор обладает весом всего 6,4%, поэтому является неустойчивым к внешним изменениям, а также малозначимым. Мы обозначили его **«Раздражительный самоуправленец—Неуступчивый хитрец»**. В него входят следующие deskрипторы: *самостоятельный, вспыльчивый—напористый, противоречивый, напряженный*. Эти характеристики маскулинности, по всей вероятности, являются отражением культуры народа и сохраняются вне зависимости от места проживания людей.

Резюмируя, можно сказать, что данные представления отличаются особой противоречивостью, так как, с одной стороны, они характеризуются потребностью в оказании помощи другим, заботе о них, выстраивании коммуникации, а с другой — потребностью в одиночестве, обособленности от других, замкнутости и отшельничестве, т.е. коллективистическими и индивидуалистическими тенденциями.

Выводы

1. Представления армян, проживающих в России, об особенностях национального самосознания аналогичны представлениям респондентов из Армении о нем же, а именно: выделяются такие особенности, как чувствительность по отношению к другим, заботливость и почитание, стремление помочь другим, присмотреть за ними. В этом и обнаруживаются общие особенности армянской национальной культуры: члены группы отдают предпочтение установкам и ценностям, в которых делается упор на

взаимозависимость, безопасность, долг, внутригрупповую гармонию и иерархию, которая, возможно, связана с трагическими событиями, коренившимися в национальном самосознании этноса.

Современное общество зачастую так организовано, что программирует человека на ценности индивидуализма, конкуренции, материального благополучия. Вероятно, с этим связано то, что респонденты обеих групп выделяют значимое стремление к одиночеству и обособленности от других. Такие противоречивые данные могут свидетельствовать о выраженности обоих полюсов культуры этноса — коллективизма-индивидуализма.

2. Наличие связи между объектами «Я армянин», «Армяне, проживающие в России» и «Армяне, проживающие в Армении» означает сохранение своего национального самосознания армян как проживающих на исторической родине, так и за ее пределами. Армяне, выросшие

и проживающие в Армении, четко дифференцируют в своем национальном самосознании особенности, присущие им, от особенностей представителей других наций, в том числе и русских. Они в большей мере определяют себя представителями своей нации, нежели как отдельную личность с индивидуальным самосознанием.

3. Родившись и проживая в России, армяне чувствуют себя гражданами России, что позволяет нам сделать вывод о демонстрации мигрантами такой стратегии аккультурации, как интеграция, которая позволяет им не только быть эффективными, но и сохранять этническую идентичность.

4. Характеристиками, которые позволяют мигрантам успешно интегрироваться в обществе, по мнению армян, родившихся и проживающих в России, могут выступать: стремление помочь другим, заботливость, общительность, готовность прийти на помощь, чувствительность по отношению к другим.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аполлонов И.А.* Проблема личностной идентичности в контексте этнокультурной традиции // В мире научных открытий. 2011. № 11 (2). С. 704–714.
2. *Арутюнян С.М.* Нация и ее психический склад. Краснодар: Краснодарский пед. институт, 1966. 271 с.
3. *Бабаян Р.Э.* Особенности армянского национального характера в восприятии представителей разных культур // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2010. № 2 (12). С. 208–212.
4. *Берри Дж., Пуртинга А., Сигал М., Дасен П.* Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Харьков: Изд-во гуманитарный центр, 2007. 570 с.
5. *Бороноев А.О.* Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона. СПб: Изд-во Астерион, 2007. 520 с.
6. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса М.: Наука, 1983. 412 с.
7. *Волчков Э.Г., Гредюшко О.П.* Самосознание и национальное сознание в период ранней юности // Казанская наука. 2014. № 11. С. 322–324.
8. *Демирчян Д.* Психологический портрет армянина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yerevan.ru> (дата обращения: 08.07.2019).
9. *Дугарова Т.Ц.* Стратегии поведения личности в процессе межэтнической аккультурации // Материалы международной научно-практической конференции «Этнопсихологические проблемы в современном мире» (г. Благовещенск, 1 марта

- 2009 г.). Баговещенск: Изд-во Баговещенского педагогического университета, 2009. С. 73–82.
10. *Крупник Е.П.* Национальное самосознание. Введение в проблему: монография. М.: Московский психолого-социальный ин-т, 2006. 135 с.
11. *Левкович В.П., Панкова Н.Г.* Социально-психологические аспекты проблемы этнического сознания. М.: Наука, 1985. 290 с.
12. *Мкоян Г.С.* Социокультурные ценности в современном армянском обществе: межпоколенный анализ: дис. ... канд. соц. наук. СПб., 2016. 233 с.
13. *Папоян А., Багдасарян Н.* О некоторых вопросах трудовой миграции населения Армении в Россию. Ереван: ЛУСАБАЦ, 1999. 10 с.
14. *Петросян С.Ф.* Социально-психологические особенности формирования Армении и армянского народа как базы для моделирования имиджа страны. Историческое наследие и современность. Психология армянского народа как составная часть имиджа [Электронный ресурс]. URL: http://portalus.ru/modules/psychology/print.php?archive=&category=2&id=1268250640&start_from=&subaction=showfull&ucat=2 (дата обращения: 08.07.2019).
15. *Погосян Г.А.* Армянское общество в трансформации. Ереван: ЛУСАБАЦ, 2003. 460 с.
16. *Сароян У.* Армянин и армянин [Электронный ресурс]. URL: <http://armenianhouse.org/saroyan/fiction-ru/armenian.html> (дата обращения: 08.07.2019).
17. *Серебрякова Ю.А.* Взаимодействие национального самосознания и национальной культуры // Вестник Бурятского Государственного университета. 2012. № 6. С. 61–67.
18. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: Учебное пособие для вузов. 4-е изд., исп. и доп. М.: Аспект Пресс, 2009. 368 с.
19. *Фромм Э.* Здоровое общество. М.: АСТ, 2007. 608 с.
20. *Хотинец В.Ю.* Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000. 240 с.
21. *Шмелев А.Г.* и коллектив. Основы психодиагностики: Учебное пособие для студентов педвузов. Москва, Ростов-на-Дону: «Феникс», 1996. 544 с.
22. *Hoffman E., Muramoto S.* Peak-Experiences Among Japanese Youth // Journal of Humanistic Psychology. 2007. № 47(4). P. 497–513.
23. *Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M.* Cultures and Organizations: Software of the Mind. McGraw-Hill Education; 3 edition, 2010. 576 p.
24. *Osgood Ch.E., Suci G.J., Tannenbaum P.H.* The measurement of meaning. Urbana: University of Illinois, 1957. 342 p.
25. *Sachs J.M., Levy S.* The sentence completion test // Projective psychology / In Bellak L. (ed.). N.Y.: Knopf, 1950. P. 357–397.

Peculiarities of national identity of Armenians living in Russia and Armenia

G.I. MOREVA*,
UTMN, Tyumen, Russia,
gaga53@mail.ru

G.M. KURDOGLYAN**,
City polyclinic no. 12, Tyumen, Russia,
freenic97@yandex.ru

The article presents the results of the study of the national characteristics of Armenians living in Armenia and Russia (Tyumen) as one of the most common diasporas in Russia. Based on the analysis of theoretical and practical studies, hypotheses were expressed that Armenians living and born in Russia integrate the features of the image of their national identity and the features of the image of the national identity of Armenians living and born in Armenia. The study involved 95 people (free sample). Semantic differential was used as a research method. On the basis of the obtained results, it is concluded that there is a connection between the objects "I am Armenian", "Armenians living in Russia" and "Armenians living in Armenia", which means the preservation of their national identity. Another important conclusion is the close connection between the objects "Armenians living in Russia" and "Citizen of Russia". Armenians feel like citizens of Russia, which allows us to conclude that migrants demonstrate such a strategy of acculturation as integration, which allows them not only to be effective, but also to preserve ethnic identity. The characteristics that allow migrants to successfully integrate into society, according to Armenians born and living in Russia, can be: the desire to help others, caring, sociability, willingness to help, sensitivity to others.

Keywords: national consciousness, civic consciousness, ethnos, national culture, acculturation strategies.

REFERENCES

1. Apollonov I.A. Problema lichnostnoi identichnosti v kontekste etnokul'turnoi traditsii [The Problem of personal identity in the context of ethno-cultural tradition]. *V mire nauchnykh otkrytii* [In the world of scientific discoveries], 2011, no. 11 (2), pp. 704–714.

For citation:

Moreva G.I., Kurdoglyan G.M. Peculiarities of national identity of Armenians living in Russia and Armenia. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019. Vol. 10. no. 3, pp. 67–84. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100305

* *Moreva Galina I.* — PhD in Psychology, Associate Professor, University of Tyumen, Tyumen, Russia, gaga53@mail.ru

** *Kurdoglyan Gayane M.* — psychologist, Department of medical rehabilitation, City polyclinic no. 12, Tyumen, Russia, freenic97@yandex.ru

2. Arutyunyan S.M. Natsiya i ee psikhicheskii sklad [Nation and its mental warehouse]. Krasnodar: Krasnodar PED. Institute, 1966. 271 p.
3. Babayan R.E. Osobennosti armyanskogo natsional'nogo kharaktera v vospriyatii predstavitelei raznykh kul'tur [Features of the Armenian national character in the perception of representatives of different cultures]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Bulletin of the Volgograd state University. Ser. 2, Linguistics], 2010, no. 2 (12), pp 208–212.
4. Berri Dzh., Purtinga A., Sigal M., Dasen P. Krosskul'turnaya psikhologiya. Issledovaniya i primeneniye [Cross-cultural psychology. Research and application]. Kharkiv: Publ. house of the humanitarian center, 2007. 570 p.
5. Boronoev A.O. Sibirskaya mental'nost' i problemy sotsiokul'turnogo razvitiya regiona [Siberian mentality and problems of social and cultural development of the region]. Saint-Petersburg: Asterion publishing House, 2007. 520 p.
6. Bromlei Yu.V. Ocherki teorii etnosa [Essays on the theory of ethnos]. Moscow: Science, 1983. 412 p.
7. Volchkov E.G., Gredyushko O.P. Samosoznanie i natsional'noe soznanie v period rannei yunosti [Self-consciousness and national consciousness in the period of early youth]. *Kazanskaya nauka* [Kazan science], 2014, no. 11, pp. 322–324.
8. Demirchyan D. Psikhologicheskii portret armyanina [Elektronnyi resurs] [Psychological portrait of Armenian]. URL: <http://www.yerevan.ru> (Accessed 08.07.2019).
9. Dugarov T.C. Strategii povedeniya lichnosti v protsesse mezhetnicheskoi akkul'turatsii [Strategies of Personality Behavior in the Process of Inter-Ethnic Acculturation]. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Etnopsikhologicheskie problemy v sovremennom mire» (g. Blagoveshchensk, 01 marta 2009 g.) [Materials of the International Scientific and Practical Conference *Ethnopsychological Problems in the Modern World*]. Blagoveshchensk, Head of Blagoveshchensky Pedagogical University, 2009, pp. 73–82.
10. Krupnik E.P. Natsional'noe samosoznanie. Vvedenie v problemu: monografiya [National consciousness. Introduction to the problem: monograph]. Moscow: Moscow psychological and social Institute, 2006. 135 p.
11. Levkovich V.P., Pankova, N.G. Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty problemy etnicheskogo soznaniya [Socio-psychological aspects of the problem of ethnic consciousness]. Moscow: Science, 1985. 290 p.
12. Mkoyan G.S. Sotsiokul'turnye tsennosti v sovremennom armyanskom obshchestve: mezhpokolennyi analiz. Diss. kand. sotsiolog. nauk [Socio-cultural values in modern Armenian society: intergenerational analysis. PhD (Sociologi) diss.]. St. Petersburg, 2016. 233 p.
13. Papoyan A., Bagdasaryan, N. O nekotorykh voprosakh trudovoi migratsii naseleniya Armenii v Rossiyu [On some issues of labor migration of the Armenian population to Russia]. Yerevan: LUSABATS, 1999. 10 p.
14. Petrosyan S.F. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti formirovaniya Armenii i armyanskogo naroda kak bazy dlya modelirovaniya imidzha strany. Istoricheskoe nasledie i sovremennost'. Psikhologiya armyanskogo naroda kak sostavnaya chast' imidzha

- [Elektronnyi resurs] [Social and psychological features of the formation of Armenia and the Armenian people as a base for modeling the image of the country. Historical heritage and modernity. Psychology of the Armenian people as an integral part of the image]. URL: http://portalus.ru/modules/psychology/print.php?archive=&category=2&id=1268250640&start_from=&subaction=showfull&ucat=2 (Accessed 08.07.2019)
15. Pogosyan G.A. Armyanskoe obshchestvo v transformatsii [Armenian society in transformation]. Yerevan: LUSABATS, 2003. 460 p.
 16. Saroyan U. Armyanin i armyanin [Elektronnyi resurs] [Armenian and the Armenian]. URL: <http://armenianhouse.org/saroyan/fiction-ru/armenian.html> (Accessed 08.07.2019)
 17. Serebryakova Yu.A. Vzaimodeistvie natsional'nogo samosoznaniya i natsional'noi kul'tury [Interaction of national consciousness and national culture]. *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2012, no. 6, pp. 61–67.
 18. Stefanenko T.G. Etnopsikhologiya: uchebn. posobie dlya vuzov. 4-e izd. [Ethnopsychology: textbook. manual for universities. 4-ed.]. Moscow: Aspekt Press, 2009. 368 p.
 19. Fromm E. Zdorovoe obshchestvo [Healthy society]. Moscow: Publ. AST, 2007. 608 p.
 20. Khotinets V.Yu. Etnicheskoe samosoznanie [Ethnic identity]. St. Petersburg: Alethea, 2000. 240 p.
 21. Shmelev i kollektiv. Osnovy psikhodiagnostiki. Uchebnoe posobie dlya studentov pedvuzov [Basis of psycho-diagnostics]. Moscow, Rostov-on-Don: «Feniks», 1996. 544 p.
 22. Hoffman E., Muramoto S. Peak-Experiences Among Japanese Youth. *Journal of Humanistic Psychology*, 2007, no. 47 (4), pp. 497–513.
 23. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. McGraw-Hill Education; 3 edition, 2010. 576 p.
 24. Osgood Ch.E., Suci G.J., Tannenbaum P.H. The measurement of meaning. Urbana: University of Illinois, 1957. 342 p.
 25. Sachs J.M. Levy S. The sentence completion test. In Bellak L. (ed.) *Projective psychology*. N.Y.: Knopf, 1950, pp. 357–397.

Становление нравственного отношения к «чужим» у сельских и городских детей 3–11 лет

И.И. ЗНАМЕНСКАЯ*,
ИП РАН, Москва, Россия,
znamenirina@gmail.com

Ю.И. АЛЕКСАНДРОВ**,
ИП РАН; ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
yuraalexandrov@yandex.ru

Проверялась гипотеза о том, что становление нравственного отношения к «чужим» у сельских и городских детей 3–11 лет происходит благодаря системной дифференциации, связанной с усложнением структуры субъективного опыта и появлением новых стратегий взаимодействия с другими. Участниками стали 179 детей, посещающих детские сады г. Москвы и с. Александров Гай (Саратовская обл.). Дети в беседе с экспериментатором решали моральные дилеммы, основанные на конфликте представителей ин- и аутгруппы, где «свой» (человек) был агрессором, а «чужой» (дикие, домашние животные и инопланетяне) — жертвой. Выявлен достоверный рост частоты поддержки «чужого»-жертвы с возрастом как у сельских, так и у городских детей, что может являться показателем становления нравственного отношения ко всему живому, безотносительно принадлежности к ингруппе (переход от стратегии «свой всегда прав» к стратегии «жизнь любого ценна»). Этот тренд как у городских, так и у сельских детей универсален применительно к «чужим» — представителям других биологических видов. Данные обсуждаются в контексте системно-эволюционного подхода к социокультурному развитию.

Ключевые слова: системная дифференциация, моральное развитие, город и село, отношение к «чужим», дети 3–11 лет, социализация, моральные дилеммы.

Для цитаты:

Знаменская И.И., Александров Ю.И. Становление нравственного отношения к «чужим» у сельских и городских детей 3–11 лет // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 3. С. 85–99. doi:10.17759/sps.2019100306

* Знаменская Ирина Игорьевна — ассоциированный научный сотрудник лаборатории психофизиологии имени В.Б. Швыркова, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия, znamenirina@gmail.com

** Александров Юрий Иосифович — член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психофизиологии имени В.Б. Швыркова, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии Российской академии наук; заведующий лабораторией нейрокогнитивных исследований индивидуального опыта ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, yuraalexandrov@yandex.ru

Введение

«Свой» и «чужие». Оппозиции «свой—чужой», «мы—они» являются одними из древних, базовых для всего живого [17; 29]. Показано, что парохимальный альтруизм — то есть поддержка членов ингруппы даже в ущерб себе — закрепился в поведении человека в сочетании с аутгрупповой агрессией [26], а маленькие дети открыто проявляют негативизм по отношению к тем, кто внешне не похож на их привычное окружение [30]. Таким образом, и в онтогенезе, и в филогенезе человека способность распознавать «своих» формируется очень рано. Младенцы также могут понимать, что такое «хорошо» и что такое «плохо» [28]: уже в полгода дети предпочитают «хорошую» куклу (ту, что помогала герою сказки-сценки), а не «плохую» (ту, что мешала герою). Однако если при этом герой является «чужим», младенцы выбирают ту куклу, что ему мешает, то есть демонстрируют предубеждение против «чужого» [29].

Аутгрупповые предубеждения ослабевают с возрастанием когнитивной сложности взглядов на мир [34], и если в 3—4 года дети чаще делятся вещами и лакомствами со своей группой, то к 7—8 годам — и с членами аутгрупп, в том числе особями другого биологического вида [27; 37]. «Чужой» перестает по умолчанию приравниваться к «плохому». В эксперименте с участием взрослых также было показано, что с возрастанием когнитивной сложности снижается стереотипизация Другого [6]. Исходя из сказанного выше, можно предположить, что разнообразие оценок образа «чужого» увеличивается с возрастом.

С позиций системно-эволюционного подхода [2; 3; 22], структура субъектив-

ного опыта отражает историю формирования этого опыта и состоит из систем, появившихся на разных этапах онтогенеза. Если в раннем возрасте для выживания важно быстро и четко (и довольно грубо, низкодифференцированно) отличать «хорошее» от «плохого», то в процессе развития появляются «оттенки», более дифференцированное поведение, обеспечивающееся более поздно сформированными системами [4]. Нравственное отношение к «чужим», понимание ценности жизни любого существа, а не только члена «своей» группы, подразумевает именно такое высокодифференцированное поведение.

Город и село. Существует большое количество данных о различиях городских и сельских жителей (см. обзор в [14]), в частности, разный уровень коллективизма/индивидуализма, других личностных и когнитивных особенностей. Показано, что 8—9-летние городские дети чаще проявляют конкурентное поведение, даже если оно ведет к открытому конфликту, а сельские — кооперативное [33]. Теория морального развития Л. Колберга предполагает, что «индивидуальная мораль» развивается универсально для любой культуры. Однако, несмотря на универсальность стадий, моральные суждения все-таки имеют культурную специфику (что было продемонстрировано, например, при сравнении британских и корейских детей [25]). Согласно данным G. Loo [32], уровень морального развития связан не с коллективизмом/индивидуализмом как таковыми, а скорее с горизонтальной (равенство и акцент на взаимопомощь) или вертикальной (строгая иерархия) структурой общества: в «горизонтальных» обществах уровень морального развития выше (по Л. Колбергу). По

данным Р.М. Шамионова, предикторами субъективного благополучия в селе как раз выступают горизонтальный индивидуализм и коллективизм, тогда как для жителей города характерен вертикальный [21]. В таком случае встает вопрос о том, кого сельские жители считают «своими», участниками кооперации, а кого — аутгруппой, на которую кооперативное поведение распространяться не должно.

Важную роль при сравнении городских и сельских жителей играет также гомогенность общества (вероисповедание, уровень образования, качество жизни) в целом: так, например, в Республике Корея моральные суждения людей в городе и селе отличаются в меньшей степени, а в США они сильнее [35]¹. Социализация в российском селе, в сравнении с городом, также предполагает меньшее разнообразие субъектов общения, меньшее количество контактов в целом. Однако возможно и то, что в России дети, посещающие лицензированные учебные заведения, соблюдающие федеральные государственные образовательные стандарты, не будут существенно отличаться в становлении нравственного отношения к «чужим».

В нашем исследовании в качестве «чужих» были выбраны гипотетические живые существа — инопланетяне (такой выбор позволяет избежать влияния социальной желательности, так как нет «готовых» ответов о взаимодействии с ними), а также домашние (собаки) и дикие (белки) животные.

В последние десятилетия домашние питомцы, особенно живущие в городских квартирах, часто стали играть дру-

гие роли, нежели это было раньше: их заводят не в утилитарных целях (собака вместо замка или транспорта), а для удовлетворения потребностей в общении. Согласно исследованию, проведенному в США 20 лет назад, наличие животных чаще ассоциировано с большими семьями, сельской местностью, доходом и супружеством; однако отношения привязанности к животным-компаньонам (в первую очередь, это собаки) чаще встречаются среди взрослых в маленьких семьях, горожан, разведенных людей [36]. За прошедшие годы эта тенденция усилилась. Количество домашних питомцев в последние 25 лет резко увеличивается во всем мире [8]; например, в США более 63% населения имеет хотя бы одного питомца [38]. По оценкам Ф. Уолш [38], подавляющее большинство владельцев считают домашних животных друзьями (95%) и/или членами семьи (87%). Горожане переживают смерть питомца как тяжелую утрату [11]. В исследовании Е.А. Никитиной, К.А. Никитиной и дети, и взрослые использовали антропоморфные высказывания при характеристике животных, воспринимали их как членов семьи [13].

В доступной нам литературе не было обнаружено данных о различиях отношения к «чужим» у детей в российских городах и селах, а также о привязанности к домашним питомцам.

Эмпирическое исследование

Теоретической гипотезой настоящего исследования выступило пред-

¹ Интересно в связи с этим вспомнить одну из центральных целей, декларируемых в советское время: преодоление различий между городом и селом, характерных для капиталистических стран (см. [18]).

положение о том, что становление нравственного отношения к «чужим» у детей 3–11 лет, живущих в разных социокультурных условиях, происходит благодаря системной дифференциации, связанной с усложнением структуры субъективного опыта и появлением новых стратегий взаимодействия с другими.

Целью исследования стало выявление особенностей становления нравственного отношения к «чужим» у городских и сельских детей в России.

Исследовательские гипотезы:

1. У детей 3–11 лет, живущих как в городе, так и в селе, происходит постепенное снижение частоты поддержки «своего» при решении моральных дилемм, основанных на конфликте «своего»-агрессора и «чужого»-жертвы.

2. У сельских детей снижение частоты поддержки «своего» в дилеммах происходит позднее.

3. У возрастных групп 3–4 и 5–6 лет преобладают крайние оценки поступка агрессора, а у детей 7–9 и 10–11 лет разнообразие оценок возрастает. У город-

ских детей разнообразие оценок выше, чем у сельских.

Актуальность исследования обусловлена тем, что становление нравственного отношения к «чужим» у детей тесно связано с такими проблемами, как школьная травля, межгрупповая агрессия и жестокое обращение с животными. Исследование истории становления нравственного поведения может помочь в профилактике этих проблем.

Участники исследования. В исследовании приняли участие 179 детей (см. табл. 1), посещающих детские сады и школы Москвы и с. Александров-Гай Саратовской области (численность населения – около 10 тыс. человек). Внутри городской и сельской групп дети были разделены на возрастные подгруппы: 3–4 года, 5–6 лет, 7–9 лет, 10–11 лет. При выделении групп мы руководствовались интегративной периодизацией детских возрастов [7], теорией Ж. Пиаже [16], представлениями о становлении модели психического [19], а также институциональным признаком (млад-

Таблица 1

Половозрастные характеристики респондентов

Группа	Возраст (мес)			N	Пол (N)	
	Min	Max	M		Муж	Жен
Город	38	134	84.6	86	46	40
3–4	38	52	44.8	19	8	11
5–6	61	86	72.6	25	14	11
7–9	80	107	95.1	21	12	9
10–11	117	134	124.6	21	13	8
Село	40	137	85.6	93	44	49
3–4	40	58	52.4	19	8	11
5–6	60	82	66.6	26	14	12
7–9	82	110	95.7	28	12	16
10–11	120	137	127.9	20	10	10

шие/старшие дошкольники, школьники 1–2 и 3–4 классов).

Авторская методика «Моральные дилеммы «свой–чужой»» [9; 20] состоит из трех историй, в каждой из которых «свой» из соображений увеличения комфорта для «своих» отбирает жизненно важный для «чужого» ресурс. Таким образом, возникает противоречие между интересами «своей» группы, необходимостью помощи «своим» (как базовой стратегии поведения) и необходимостью помочь «чужому», руководствуясь высшими нравственными ценностями, такими как ценность жизни любого существа, в том числе принадлежащего к «чужой» группе. В качестве «чужих» выступали домашние животные (собаки), дикие животные (белки), инопланетяне как гипотетические представители другой биосферы (текст дилемм см. в [4]).

Процедура исследования представляла собой индивидуальное структурированное интервью с каждым

ребенком, дилеммы предъявлялись в рандомизированном порядке. Дошкольникам дополнительно к устному рассказу экспериментатора показывали картинки с изображением героев дилеммы и ресурса, за который герои борются. Помимо вопроса о том, кого бы поддержал ребенок в конфликте, ему также предлагалось проранжировать поступок «своего»-агрессора с помощью пятибалльной шкалы смайликов – от «очень плохо» (грустная рожица) до «очень хорошо» (веселая рожица).

Статистический анализ данных выполнялся с помощью программ Microsoft Excel и SPSS 17.0. Для анализа дихотомических переменных использовался критерий хи-квадрат. Достоверными считались различия/корреляции на уровне значимости $p < 0.05$. Для определения величины эффекта использовались показатель $r = Z/\sqrt{N}$ и коэффициент сопряженности Пирсона C .

Таблица 2

Сравнение полученных распределений ответов с равномерным, хи-квадрат

группы		Инопланетяне		Белки		Собаки	
		город	село	город	село	город	село
3–4	χ^2	0.474	0.474	2.579	0.474	2.579	0.053
	p	0.491	0.491	0.108	0.491	0.108	0.819
	r	-	-	-	-	-	-
5–6	χ^2	0.360	0.154	9.000	15.385	21.160	12.461
	p	0.549	0.695	0.0001	0.0001	0.0001	0.0001
	r	-	-	0.6	0.7596	0.9165	0.6794
7–9	χ^2	0.948	1.286	13.762	20.571	17.190	17.286
	p	0.827	0.257	0.0001	0.0001	0.0001	0.0001
	r	-	0.189	0.7868	0.8452	0.8997	0.7792
10–11	χ^2	10.714	3.200	13.762	12.800	100%	16.200
	p	0.001	0.074	0.0001	0.0001	-	0.0001
	r	0.690	0.387	0.7868	0.7746	-	0.8944

Результаты исследования

1. Анализ предпочитаемых стратегий. Для проверки гипотезы 1 отдельно для каждой возрастной группы из города и села сравнивались фактические распределения ответов с равномерным (50% за «своего», 50% за «жертву»). Результаты представлены в табл. 2.

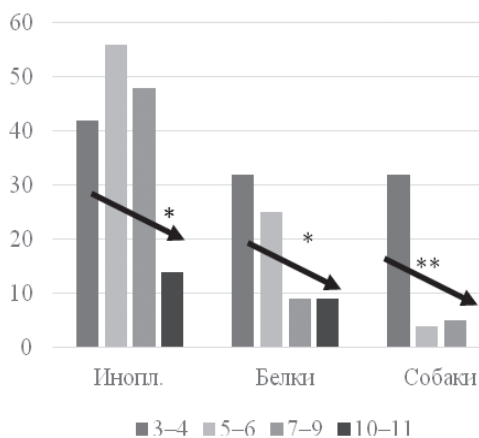
В 3–4 года у детей и из города, и из села не наблюдается достоверного предпочтения той или иной стратегии. С 5–6 лет в обеих группах наблюдается преобладание стратегии поддержки «жертвы» в дилеммах «Белки» и «Собаки», причем с довольно большим размером эффекта (r). Однако в дилемме «Инопланетяне» стратегия поддержки «жертвы» становится преобладающей только к 10–11 годам, причем в селе это преобладание остается лишь на уровне статистической тенденции.

Обнаружен возрастной тренд для всех групп детей: чем старше дети, тем чаще они поддерживают «жертву» (рис.).

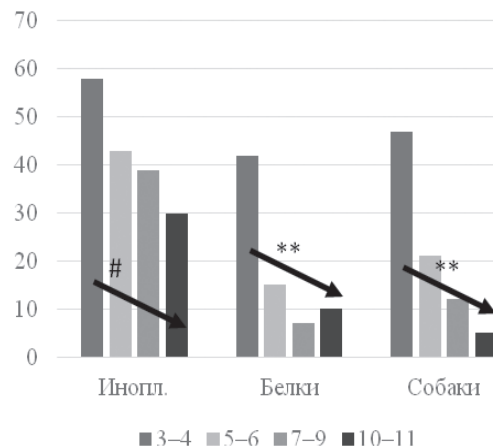
Результаты свидетельствуют в пользу гипотезы 1: у детей 3–11 лет происходит постепенное снижение частоты поддержки «своего» при решении моральных дилемм, основанных на конфликте «своего»-агрессора и «чужого»-жертвы. На рис. А видно, что в дилемме «Инопланетяне» количество городских детей 5–6 лет, поддерживающих «своего», больше, чем количество детей 3–4 лет. Однако статистически значимых различий между распределениями нет.

2. Сравнение ответов сельских и городских детей.

При прямом сравнении достоверных различий между ответами детей из города и села не найдено ни для одной возрастной группы, то есть гипотеза 2 по результатам исследования может быть отвергнута. У сельских детей снижение частоты поддержки «своего» в дилеммах с животными происходит **не** позднее в связи с особенностями отношения к животным в социокультурных условиях села.

А

Б

Рис. Процент поддержки «своего»-агрессора в разных возрастных группах. А — городские дети; Б — сельские. Стрелкой показан достоверный тренд (Джонкхиера–Терпстра тест, * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, # $p = 0.071$).

3. Соотношение крайних и средних оценок в разных возрастных группах.

Для проверки гипотезы 3 сравнивалась доля крайних оценок в разных возрастных группах (таблицы 4–6).

Обнаружены достоверные различия в долях крайних оценок у сельских и городских детей разного возраста по всем дилеммам. Дети 7–11 лет используют разные варианты оценок, а дети 3–6 лет предпочитают выставлять крайние оценки — «очень плохо» либо «очень хорошо» (см. табл. 4–6). Дифференцированность оценок у сельских детей в дилемме «Инопланетяне» возрастает только к 10–11 го-

дам, что может быть объяснено большей однородностью социальной среды в селе, то есть меньшим количеством контактов с разными субъектами общения.

Таким образом, результаты свидетельствуют в пользу гипотезы 3: у возрастных групп 3–4 и 5–6 лет преобладают крайние оценки поступка агрессора, а у детей 7–9 и 10–11 лет разнообразие оценок возрастает в связи с возрастанием сложности образа «чужого». При этом у городских детей разнообразие оценок возрастает раньше, предположительно, в связи с большим количеством контактов с представителями разных аутгрупп.

Таблица 3

Сравнение ответов детей из города и села

Возраст	Инопланетяне	Белки	Собаки
3–4	0.947	0.452	0.991
5–6	0.494	0.690	1.868
7–9	0.340	0.091	0.567
10–11	1.476	0.003	1.076

Примечание. Критерий χ^2 , $p > 0.05$.

Таблица 4

Межгрупповые различия доли крайних оценок в дилемме «Инопланетяне» (город — верхний треугольник, село — нижний треугольник)

Группы		3–4	5–6	7–9	10–11
3–4	χ^2	-	0.275	13.099	11.235
	p		>0.05	<0.01	<0.01
	C		0.111	0.702	0.662
5–6	χ^2	0.820	-	12.301	10.323
	p	>0.05		<0.01	<0.01
	C	0.189		0.650	0.605
7–9	χ^2	0.848	3.839	-	0.104
	p	>0.05	>0.05		>0.05
	C	0.188	0.364		0.070
10–11	χ^2	11.299	19.206	7.859	-
	p	<0.01	<0.01	<0.01	
	C	0.670	0.768	0.530	

Таблица 5

**Межгрупповые различия доли крайних оценок в дилемме «Белки»
(город – верхний треугольник, село – нижний треугольник)**

группы		3–4	5–6	7–9	10–11
3–4	χ^2	-	2.835	6.535	17.378
	p		>0.05	<0.05	<0.01
	C		0.348	0.530	0.778
5–6	χ^2	0.062	-	1.169	8.932
	p	>0.05		>0.05	<0.01
	C	0.053		0.223	0.570
7–9	χ^2	3.440	5.275	-	3.635
	p	>0.05	<0.05		>0.05
	C	0.369	0.422		0.399
10–11	χ^2	7.977	8.195	0.627	-
	p	<0.01	<0.01	>0.05	
	C	0.577	0.550	0.161	

Таблица 6

**Межгрупповые различия доли крайних оценок в дилемме «Собаки»
(город – верхний треугольник, село – нижний треугольник)**

группы		3–4	5–6	7–9	10–11
3–4	χ^2	-	0.275	13.099	4.728
	p		>0.05	<0.01	<0.05
	C		0.111	0.702	0.441
5–6	χ^2	4.285	-	12.301	3.571
	p	<0.05		<0.01	>0.05
	C	0.417		0.650	0.365
7–9	χ^2	2.215	13.155	-	3.253
	p	>0.05	<0.01		>0.05
	C	0.300	0.626		0.363
10–11	χ^2	4.365	16.894	0.627	-
	p	<0.05	<0.01	>0.05	
	C	0.448	0.733	0.161	

Обсуждение результатов

Результаты исследования в целом свидетельствуют в пользу выдвинутой нами теоретической гипотезы: становление нравственного отношения к «чужим» у детей 3–11 лет происходит благодаря системной дифференциации, связанной

с усложнением структуры субъективного опыта и появлением новых стратегий взаимодействия с другими (о системной дифференциации подробнее см. в.: [1; 4; 24; 31]). Примечательно, что поддержка белок и собак в конфликте с людьми-агрессорами становится преобладающей стратегией у детей уже в 5–6 лет, а ино-

планетян — только в 10–11 лет. Белки и собаки присутствуют в субъективном опыте детей и в реальности, и в виде образов, к которым обращаются в процессе обучения, подчеркивается необходимость «беречь природу», «относиться к живым существам нравственно». Образ инопланетян не столь устоявшийся, и они могут наделяться как позитивными, так и негативными чертами в массовой культуре (как воплощение «чужих» — монстров или «чужих» — дружелюбных существ).

Нравственное отношение ко всему живому, независимо от опыта взаимодействия с ним, понимание ценности жизни любого существа связано с более высоким уровнем нравственного самосознания, которое и определяет моральный выбор субъекта [5].

По данным В.С. Мухиной, в структуре самосознания человека категория «землянин» формируется наиболее поздно, что связывается ею с объективными социокультурными и историческими обстоятельствами [12]. В полученных нами результатах отразилась эта тенденция: нравственное отношение к инопланетянам у детей также формируется наиболее поздно. Это может объясняться и ситуацией неопределенности [10]: нет достоверных данных о существовании инопланетян, и поэтому сложно моделировать взаимоотношения с ними, сложно делать выбор. Согласно теории Ж. Пиаже, для оперирования с абстрактными понятиями необходимо, чтобы мышление было развито на уровне формальных операций [16], к чему как раз наиболее близки в данной выборке младшие подростки.

По данным В.А. Ясвина, для младших подростков (дети 10–11 лет в нашей выборке) характерно субъектно-этическое отношение к природе, что выражается в приписывании субъектных свойств природным

объектам, в готовности заботиться о природе, низком эгоцентризме и отсутствии прагматических установок при взаимодействии с природой [23]. Это соответствует субъект-субъектному уровню взаимодействия с природой, согласно экопсихологической концепции В.И. Панова [15].

В результате проведенного нами эксперимента была выявлена общая для городских и сельских детей закономерность становления нравственного отношения к «чужим» — представителям других биологических видов.

В качестве ограничения настоящего исследования можно отметить то, что все участники исследования — учащиеся дошкольных учреждений и школ, воспитывающиеся по единой образовательной программе; открытым остается вопрос о том, насколько справедливы полученные результаты для детей, не включенных в систему российского образования.

Выводы

1. Становление нравственного отношения к «чужим» у детей 3–11 лет характеризуется постепенным снижением частоты поддержки «своего» в ситуациях, когда «свой» неправ, а также повышением частоты поддержки «жертвы», даже если это представитель чужой группы.
2. Подобный тренд является универсальным как для городских, так и для сельских детей, живущих в России.
3. Образ «чужого» с возрастом становится более дифференцированным, что проявляется в увеличении у младших школьников разнообразия оценок поступка, направленного против «чужого» — представителя другого биологического вида; у сельских детей разнообразие оценок возрастает позже, чем у городских.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Ю.И. Развитие как дифференциация // Дифференционно-интеграционная теория развития / Сост. Н.И. Чуприкова, А.Д. Кошелев. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 49–69.
2. Александров Ю.И., В.Б. Швырков. Формирование новой парадигмы в психологии и смежных науках // Выдающиеся психологи ИП РАН / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 218–238.
3. Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 320 с.
4. Александров Ю.И., Сварник О.Е., Знаменская И.И., Колбенева М.Г., Арутюнова К.Р., Крылов А.К., Булава А.И. Регрессия как этап развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 191 с.
5. Анищферова Л.И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 5–17.
6. Балева М.В. Когнитивно-стилевые и контекстные факторы ингрупповой предвзятости и аутгрупповой стереотипизации при восприятии искусственных социальных групп // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 2. С. 67–84.
7. Баттсворт Д., Харрис М. Принципы психологии развития / Пер. с англ. и науч. ред. В.И. Белопольский, Е.А. Сергиенко. М.: Когито-центр, 2000. 350 с.
8. Варга А.А., Федорович Е.Ю. О психологической роли домашних питомцев в семье // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2009. № 1(3). С. 22–35.
9. Знаменская И.И., Созинова И.М., Александров Ю.И. Интуитивные и рациональные компоненты морального выбора у детей 3–11 лет // Теоретическая и экспериментальная психология. 2013. Т. 6. № 2. С. 57–70.
10. Корнилова Т.В. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 89–100.
11. Меренюк В.В. Совладание со стрессом потери домашнего животного // Психология стресса и совладающего поведения: материалы III Международной научно-практической конференции (г. Кострома, 26–28 сентября 2013 г.). В 2 т. Т. 1. / Отв. ред. Т.Л. Крюкова, Е.В. Куфтяк, М.В. Сапоровская, С.А. Хазова. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. С. 190–193.
12. Мухина В.С. Психологическая помощь пострадавшим от землетрясения в Армянской ССР // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 5. С. 44–54.
13. Никитина Е.А., Никитина К.А. Домашние животные: члены семьи, слуги или игрушки? // Эволюционная и сравнительная психология в России: теория и практика исследований / Под ред. И.А. Хватова, А.Н. Харитоновна. М.: Когито-Центр, 2017. С. 209–217.
14. Нисбетт Р., Пенг К., Чой И., Норензаян А. Культура и системы мышления: сравнение холистического и аналитического познания / Пер. с английского М.С. Жамкочьян под ред. В.С. Магуна // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 55–86.

15. *Панов В.И.* Экопсихология: парадигмальный поиск. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 296 с.
16. *Пижае Ж.* Моральное суждение у ребенка. М.: Академический проект, 2006. 480 с.
17. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 235 с.
18. Преодоление различий между городом и деревней // Научный коммунизм: Словарь / Под ред. А.М. Румянцева. М.: Политиздат, 1983. С. 231.
19. *Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А.* Модель психического в онтогенезе человека. М.: Институт психологии РАН, 2009. 431 с.
20. *Созинова И.М., Знаменская И.И., Александров Ю.И.* Нравственное отношение к «чужому» у детей 3–11 лет. Решение моральных дилемм: предубеждения и предпочтения // Теоретическая и экспериментальная психология. 2013. Т. 6. № 1. С. 44–57.
21. *Шамионов Р.М.* Базовые убеждения и культурные установки как предикторы эмоционального и психологического благополучия горожан и сельчан // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 109–122.
22. *Швырков В.Б.* Системно-эволюционный подход к изучению мозга, поведения, психики и сознания // Психологический журнал. 1988. Т. 9. № 1. С. 132–148.
23. *Ясвин В.А.* Особенности личностного отношения к природе в подростковом и юношеском возрасте // Вопросы психологии. 1995. № 4. С. 19–28.
24. *Arutyunova K.R., Alexandrov Yu.I., Hauser M.D.* Sociocultural Influences on Moral Judgments: East–West, Male–Female, and Young–Old // *Frontiers in Psychology*. 2016. Vol. 7. Art. 1334.
25. *Baek H.-J.* A comparative study of moral development of Korean and British children // *Journal of Moral Education*. 2002. Vol. 31. № 4. P. 373–391.
26. *Choi J.K., Bowles S.* The coevolution of parochial altruism and war // *Science*. 2007. Vol. 318. № 5850. P. 636–640.
27. *Fehr E., Bernhard H., Rockenbach B.* Egalitarianism in young children // *Nature*. 2008. Vol. 454 (28). P. 1079–1083.
28. *Hamlin J.K., Wynn K., Bloom P.* Social evaluation by preverbal infants // *Nature*. 2007. Vol. 450. P. 557–559.
29. *Hamlin J.K., Wynn K., Bloom P.* Three-month-olds show a negativity bias in their social evaluations // *Developmental science*. 2010. Vol. 13. № 6. P. 923–929.
30. *Hamlin J.K., Mahajan N., Liberman Z., Wynn K.* Not like me = bad: infants prefer those who harm dissimilar others // *Psychological science*. 2013. Vol. 24. № 4. P. 589–594.
31. *Kolbeneva M.G., Alexandrov Yu.I.* Mental reactivation and pleasantness judgment of experience related to vision, hearing, skin sensations, taste and olfaction // *PLoS ONE*. 2016. Vol. 11. No 7. e0159036.
32. *Loo G.M.W.* Moral judgment and collectivism: a cultural comparison among community and university college students: Ph.D. thesis. University of British Columbia, 2004. 89 p.
33. *Madsen M.C., Yi S.* Cooperation and competition of urban and rural children in the Republic of South Korea // *International Journal of Psychology*. 1975. Vol. 10. № 4. P. 269–274.

34. *Oppenheimer L.* Are Children's views of the "enemy" shaped by highly-publicized negative event? // *International Journal of Behavior Development*. 2010. Vol. 34. № 4. P. 345–353.
35. *Park J.Y., Johnson R.C.* Moral development in rural and urban Korea // *Journal of cross-cultural psychology*. 1984. Vol. 15. № 1. P. 35–46.
36. *Poresky R.H., Daniels A.M.* Demographics of Pet Presence and Attachment // *Anthrozoös* 1998. Vol. 11. Is. 4. P. 236–241.
37. *Tomasello M., Warneken F.* Share and share alike // *Nature*. 2008. Vol. 454 (29). P. 1057–1058.
38. *Walsh F.* Human-animal bonds I: The relational significance of companion animals // *Family process*. 2009. Vol. 48. № 4. P. 462–480.

Development of moral attitudes toward out-group members in 3–11-year-old urban and rural children

I.I. ZNAMENSKAYA*,
IP RAS, Moscow, Russia,
znamenirina@gmail.com

YU.I. ALEXANDROV**,
IP RAS; Moscow State University of Psychology & Education,
Moscow, Russia,
yuraalexandrov@yandex.ru

This paper describes the experiment, which tested the hypothesis that urban and rural children's moral attitudes toward out-group members are developed by systemic differentiation, i.e. their subjective experience's complication. Participants are 179 3–11-year-old children from Moscow and Alexandrov Gay (Saratov region town). Children solved moral dilemmas dedicated to in-out-group conflict. The significant difference between younger and older children's strategies was revealed: younger children are tending to support in-group members, whereas older children tending to support victims, even if they are out-group members. This trend is universal for both urban and rural children. The data is discussed within system-evolutionary approach.

For citation:

Znamenskaya I.I., Alexandrov Yu.I. Development of moral attitudes toward out-group members in 3–11-year-old urban and rural children. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019. Vol. 10. no. 3, pp. 85–99. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sp.s.2019100306

* *Znamenskaya Irina I.* — Associate Research Fellow, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, *znamenirina@gmail.com*

** *Alexandrov Yuri I.* — Doctor of Science in Psychology, Professor, Corresponding member of RAE, Head of the Laboratory of the Neural Bases of Mind, Institute of Psychology RAS; Head of the Laboratory of Neurocognitive researches of individual experience, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, *yuraalexandrov@yandex.ru*

Keywords: systemic differentiation, moral development, urban and rural children, attitudes toward out-group members, 3–11-year-old children, socialization, moral dilemmas.

REFERENCES

1. Alexandrov Yu.I. Razvitie kak differenciaciya [The development as a differentiation]. In Chuprikova N.I., Koshelev A.D. (comp.). *Differencionno-integracionnaya teoriya razvitiya* [Differential-integrative theory of development]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2011, pp. 49–69.
2. Alexandrov Yu.I. V.B. Shvyrkov. Formirovanie novoj paradigmy v psihologii i smezhnyh naukah [The new paradigm in psychology and related sciences]. In Zhuravlev A.L., Kol'tsova V.A. (ed.) *Vydayushchiesya psihologi IP RAN* [Outstanding psychologists of Institute of Psychology RAS]. Moscow: Institut psihologii RAN Publ., 2017, pp. 218–238.
3. Alexandrov Yu.I., Alexandrova N.L. Sub"ektivnyj opyt, kul'tura i social'nye predstavleniya [Subjective experience, culture and social cognition]. Moscow: Institut psihologii RAN Publ., 2009. 320 p.
4. Alexandrov Yu.I., Svarnik O.E., Znamenskaya I.I., Kolbeneva M.G., Arutyunova K.R., Krylov A.K., Bulava A.I. Regressiya kak etap razvitiya [Regression as a stage of development]. Moscow: Institut psihologii RAN Publ., 2017. 191 p.
5. Ancyferova L.I. Svyaz' moral'nogo soznaniya s nravstvennym povedeniem cheloveka (po materialam issledovanij Lourensa Kolberga i ego shkoly) [Connections of moral cognition and moral behavior of human (Lawrence Kohlberg experiments)]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 1999. Vol. 20, no. 3, pp. 5–17.
6. Baleva M.V. Cognitive styles and contextual variables as the factors of ingroup bias and outgroup stereotyping in the perception of artificial social groups. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2017. Vol. 8, no. 2, pp. 67–84. doi:10.17759/sps.2017080205 (In Russ., abstr. in Engl.)
7. Battervort D., Harris M. Principy psihologii razvitiya [Principles of the developmental psychology]. Moscow: Kogito-centr Publ., 2000. 350 p.
8. Varga A.Ya., Fedorovich E.Yu. O psihologicheskoy roli domashnih pitomcev v sem'e [Psychological function of pets in families]. *Vestnik MGOU. Ser. Psihologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow state regional university. Series: Psychology], 2009, no. 1 (3), pp. 22–35.
9. Znamenskaya I.I., Sozinova I.M., Alexandrov Yu.I. Intuitivnye i racional'nye komponenty moral'nogo vybora u detej 3–11 let [Intuitive and rational components of moral choice in children aged 3–11]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya* [Theoretical and experimental psychology], 2013. Vol. 6, no. 2, pp. 57–70.
10. Kornilova T.V. Psihologiya neopredelennosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnoj regulyacii reshenij i vyborov [Psychology of ambiguity: unity of intellectual and personal regulation of decisions and choices]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2013. Vol. 34, no. 3, pp. 89–100.
11. Merenyuk V.V. Sovladanie so stressom poteri domashnego zhivotnogo [Coping with pet's death]. *Psihologiya stressa i sovladayushchego povedeniya: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Kostroma, 26–28 sent. 2013 g.)* ["Psychology of stress and

- coping behavior*”: Proceedings of III International conference]. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova Publ., 2013. Vol. 1, pp. 190–193.
12. Muhina V.S. Psihologicheskaya pomoshch' postradavshim ot zemletryaseniya v Armyanskoj SSR [Psychological help for Armenian earthquake victims]. *Psihologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 1989. Vol. 10, no. 5, pp. 44–54.
13. Nikitina E.A., Nikitina K.A. Domashnie zhivotnye: chleny sem'i, slugi ili igrushki? [Are pets members of family, servants or toys?]. In Khvatov I.A., Kharitonov A.N. (ed.) *Evolucionnaya i sravnitel'naya psihologiya v Rossii: teoriya i praktika issledovanij* [Evolutionary and comparative psychology in Russia: research theory and practice]. Moscow: Kogito-Centr Publ., 2017, pp. 209–217.
14. Nisbett R., Peng K., Choi I., Norenzayan A. Kul'tura i sistemy myshleniya: sravnenie holisticheskogo i analiticheskogo poznaniya [Culture and systems of thought: holistic and analytical system of thinking]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2011. Vol. 32, no. 1, pp. 55–86.
15. Panov V.I. Ekopsihologiya: paradigmal'nyj poisk [Ecopsychology: paradigmatic search]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2014. 296 p.
16. Piazhe Zh. Moral'noe suzhdenie u rebenka [Moral reasoning in children]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2006. 480 p.
17. Porshnev B.F. Social'naya psihologiya i istoriya [Social psychology and history]. Moscow: Nauka Publ, 1979. 235 p.
18. Preodolenie razlichij mezhdru gorodom i derevnej [Overcoming differences between city and country]. In Rumyantsev A.M. (ed.) *Nauchnyj kommunizm: Slovar'* [Scientific communism]. Moscow: Politizdat Publ., 1983. 352 p. P. 231.
19. Sergienko E.A., Lebedeva E.I., Prusakova O.A. Model' psihicheskogo v ontogeneze cheloveka [Theory of mind in humal ontogenesis]. Moscow: Institut psihologii RAN Publ., 2009. 431 p.
20. Sozinova I.M., Znamenskaya I.I., Alexandrov Yu.I. Nravstvennoe otnoshenie k «chuzhomu» u detej 3–11 let. Reshenie moral'nyh dilemm: predubezhdeniya i predpochteniya [Moral relation to the “stranger” in children aged 3 to 11 years old. Solution of moral dilemmas: prejudices and preferences]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya* [Theoretical and experimental psychology], 2013. Vol. 6, no. 1, pp. 44–57.
21. Shamionov R.M. Basic Beliefs and Cultural Attitudes as Predictors of Emotional and Psychological Well-Being in Urban and Rural Populations. *Sotsial'naiia psihologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2015. Vol. 6, no. 4, pp. 109–122. doi:10.17759/sps.2015060408. (In Russ., abstr. in Engl.)
22. Shvyrkov V.B. Sistemno-evolyucionnyj podhod k izucheniyu mozga, povedeniya, psihiki i soznaniya [System-evolutionary approach to brain, behavior, psychic and consciousness researches]. *Psihologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 1988. Vol. 9, no. 1, pp. 132–148.
23. Yasvin V.A. Osobennosti lichnostnogo otnosheniya k prirode v podrostkovom i yunosheskom vozraste [Peculiarities of personal attitudes to nature in teenagers and adolescents]. *Voprosy psihologii* [Questions of psychology], 1995, no. 4, pp. 19–28.
24. Arutyunova K.R., Alexandrov Yu.I., Hauser M.D. Sociocultural Influences on Moral Judgments: East–West, Male–Female, and Young–Old. *Frontiers in Psychology*, 2016. Vol. 7, Art. 1334.

25. Baek H.-J. A comparative study of moral development of Korean and British children. *Journal of Moral Education*, 2002. Vol. 31, no. 4, pp. 373–391.
26. Choi J.K., Bowles S. The coevolution of parochial altruism and war. *Science*, 2007. Vol. 318, no. 5850, pp. 636–640.
27. Fehr E., Bernhard H., Rockenbach B. Egalitarianism in young children. *Nature*, 2008. Vol. 454 (28), pp. 1079–1083.
28. Hamlin J. K., Wynn K, Bloom P. Social evaluation by preverbal infants. *Nature*, 2007. Vol. 450, pp. 557–559.
29. Hamlin J.K., Wynn K., Bloom P. Three-month-olds show a negativity bias in their social evaluations. *Developmental science*, 2010. Vol. 13, no. 6, pp. 923–929.
30. Hamlin J.K., Mahajan N., Liberman Z., Wynn K. Not like me = bad: infants prefer those who harm dissimilar others. *Psychological science*, 2013. Vol. 24, no. 4, pp. 589–594.
31. Kolbeneva M.G., Alexandrov Yu.I. Mental reactivation and pleasantness judgment of experience related to vision, hearing, skin sensations, taste and olfaction. *PLoS ONE*, 2016. Vol. 11, no. 7, e0159036.
32. Loo G.M.W. Moral judgment and collectivism: a cultural comparison among community and university college students: PhD thesis. University of British Columbia, 2004. 89 p.
33. Madsen M.C., Yi S. Cooperation and competition of urban and rural children in the Republic of South Korea. *International Journal of Psychology*, 1975. Vol. 10, no. 4, pp. 269–274.
34. Oppenheimer L. Are Children’s views of the “enemy” shaped by highly-publicized negative event? *International Journal of Behavior Development*, 2010. Vol. 34, no. 4, pp. 345–353.
35. Park J.Y., Johnson R.C. Moral development in rural and urban Korea. *Journal of cross-cultural psychology*, 1984. Vol. 15, no. 1, pp. 35–46.
36. Poresky R.H., Daniels A.M. Demographics of Pet Presence and Attachment. *Anthrozoös*, 1998. Vol. 11, issue 4, pp. 236–241.
37. Tomasello M., Warneken F. Share and share alike. *Nature*, 2008. Vol. 454 (29), pp. 1057–1058.
38. Walsh F. Human-animal bonds I: The relational significance of companion animals. *Family process*, 2009. Vol. 48, no. 4, pp. 462–480.

Деньги как фактор возникновения психологических проблем у богатых людей

Е.Б. ФИЛИНКОВА*,
ГОУ ВО МО МГОУ, Москва, Россия,
jane421@yandex.ru

Статья посвящена изучению денег как фактора, влияющего на личность и межличностные отношения. На основе результатов глубинного интервью с 16 очень богатыми людьми продемонстрировано, что личностное влияние больших денег связано с изменениями в понимании мира и себя в этом мире, с динамикой ценностных ориентаций. Влияние денег на супружеские отношения разнонаправлено и зависит от устойчивости у супругов системы ценностных ориентаций и положения в ней ценностей семьи, труда и денег. Наибольшее по силе влияние деньги оказывают на взаимоотношения богатого человека с друзьями. Это влияние носит преимущественно деструктивный характер, основная причина разрушения старых или препятствования возникновению новых дружеских связей — недоверие к людям. Недоверие приводит к дефициту эмоционального общения и заставляет богатых людей, с одной стороны, поддерживать даже ставшие поверхностными дружеские связи, а с другой — укрепляет эмоциональную связь с супругом, что в определенной степени компенсирует недостаток дружеского взаимодействия.

Ключевые слова: деньги, богатство, семья, друзья, доверие.

Введение

Психология богатства — одна из самых закрытых областей экономической психологии, поэтому исследований в данной области совсем немного. Проблемы богатых людей интересуют западных психологов (а именно на западе

впервые были выполнены работы по данной тематике) более всего с точки зрения соотношения денег и счастья. Определенный ответ на этот вопрос дает известное исследование Э. Динера с соавторами, которые провели опрос 49 мультимиллионеров: богатые чувствуют себя психологически благопо-

Для цитаты:

Филинкова Е.Б. Деньги как фактор возникновения психологических проблем у богатых людей // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 3. С. 100–117. doi:10.17759/sps.2019100307

* *Филинкова Евгения Борисовна* — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Московский государственный областной университет (ГОУ ВО МО МГОУ), Москва, Россия, jane421@yandex.ru

лучными 77% времени, тогда как представители среднего класса — только 62%. При этом было обнаружено, что не деньги как таковые являются непосредственным источником субъективного психологического благополучия, оно связано в большей степени с удовлетворением потребностей в самоуважении и самоактуализации [15]. Однако деньги могут и напрямую влиять на человеческое счастье: повышение субъективного психологического благополучия до определенной степени пропорционально росту дохода. Эта зависимость объясняется тем, что увеличение доходов дает человеку ощущение стабильности и предсказуемости бытия, усиливает чувство субъективного контроля над собственной жизнью, делая тем самым человека довольным и счастливым [16].

В недавней работе П.К. Пиффа и Дж.П. Московича обозначенная проблема представлена с иной стороны. Авторы изучили специфику эмоций, испытываемых богатыми по сравнению со средним классом, и показали, что богатые и средний класс испытывают «разные виды счастья». Для богатых характерны «эгоистичные» эмоции: они гордятся своими достижениями, занимаемым статусом и получают удовольствие от развлечений, а более бедные социальные группы чувствуют «социально-ориентированное» счастье: основу их жизненных удовольствий составляют эмоции, направленные на других — любовь, сострадание, благоговение [17].

Сосредоточенность только на внутреннем мире богатых людей («деньги как источник счастья») обуславливает снижение интереса западных психологов к проблеме влияния денег на взаимодействие богатых со значимыми другими. В этой области известно лишь,

что семьи миллионеров достаточно стабильны, у них меньший показатель разводов, по сравнению с бедными и со средним классом (закономерность проявляется и в России [10]). Специалисты объясняют этот факт более поздним временем вступления богатых в брачные отношения, более продуманным решением, а также меньшим уровнем конфликтности взаимоотношений супругов за счет отсутствия проблем с деньгами [14].

Из результатов исследования Х. Уилмотта, сравнивавшего социальные отношения рабочих и менеджеров, можно сделать вывод, что деньги оказывают влияние на отношения с друзьями: обнаружилось, что переход в рамках среднего класса в более высокодоходную группу (из рабочих в менеджеры) сопровождается ростом количества друзей. Деньги не покупают дружбу, но позволяют легче сохранять отношения за счет больших возможностей для общения у состоятельных людей [18].

Программа исследования

Отечественная психология обратилась к проблемам богатства и бедности совсем недавно. Основной интерес российских психологов и социологов сосредоточен на изучении *представлений* разных слоев населения о богатстве и богатых людях [2; 7; 8; 9; 11] и о способах достижения богатства [1; 12; 13]. Значительно реже изучаются особенности культуры богатых людей [3; 4]. Эмпирических работ, посвященных непосредственно *психологии* российских миллионеров, нами не найдено. Между тем значимость исследований в данной области трудно переоценить: по оцен-

кам Credit Suisse, в 2016 г. на долю 10% наиболее обеспеченных россиян приходилось почти 90% национального богатства [5].

Отвечая на запросы практики, нами совместно с Н. Хор проведено исследование, также затрагивающее роль больших денег в жизни и психологическом самочувствии человека. Нас интересовал социально-психологический аспект этой проблемы, т.е. *целью* исследования было изучение того, как сказывается богатство на взаимодействии субъекта с референтной группой. *Предметом* исследования выступали психологические проблемы, возникающие у богатых людей во взаимоотношениях с семьей и с друзьями.

Задачи исследования:

1. Изучить представления богатых людей о значении для них денег и роли, которую играют деньги в жизни человека.
2. Изучить психологические проблемы, возникающие в семьях богатых людей.
3. Изучить психологические проблемы, возникающие у богатых людей в общении с друзьями.

Характеристика выборки. В исследовании принимали участие 16 человек (14 мужчин и 2 женщины) в возрасте от 36 до 56 лет. Все опрошенные имели годовой доход от 1 млн долларов США, по совокупности активов большинство респондентов относилось на момент исследования к категории мультимиллионеров (от десятков до сотен млн долларов США), а два человека — к категории миллиардеров. По роду занятий девять респондентов характеризовались при-

надлежностью к бизнесу, шестеро на момент исследования работали в госструктурах, из них четверо — депутатами в Государственной Думе, один человек отказался назвать сферу деятельности и место работы.

Основной метод исследования — полуструктурированное интервью, в котором помимо основных 24 вопросов всегда присутствовали дополнительные. Основные вопросы были разбиты на 4 блока: отношение к деньгам, взаимоотношения с супругом, с детьми и с друзьями. Дополнительные вопросы играли вспомогательную роль и были направлены на более точное понимание смысла высказываний респондентов. Поясним сказанное небольшим примером, иллюстрирующим вопрос о социально-демографических характеристиках.

— Ваш возраст, пол, образование?

— *Сорок один, мужской, выше среднего*¹.

— Что значит «выше среднего»?

— *То есть высшее, у меня 4 высших образования.*

Интервью записывалось на диктофон. Время интервью составляло от 40 минут до 1,5 часов, общий объем анализируемого текста — 4,5 у.п.л.

Обработка результатов проводилась с помощью контент-анализа.

Результаты и их обсуждение

Первоначально мы хотели понять, **как относятся богатые люди к деньгам, и какова, по их мнению, роль денег в жизни человека.** Анализ ответов на вопрос «что для вас деньги» показывает,

¹ Здесь и далее курсивом выделены высказывания наших респондентов.

что отношение к деньгам носит инструментальный характер: ни один человек не назвал деньги самостоятельной целью («... Целью являются не деньги, не ресурсы. Это действительно уже сложно понять, что является целью. Это сделать что-то полезное, интересное»). В качестве инструмента деньги выступают в двух ипостасях — «возможности» (61,1% всех высказываний) и «свободы» (33,3%). В качестве возможностей деньги понимаются двояко. Во-первых, деньги есть **возможности для себя**, т.е. средство удовлетворения собственных потребностей и потребностей своей семьи. Респонденты выделили два аспекта такого понимания денег: прежде всего, утилитарный — это «материальный достаток» («... Возможность купить хлеб, молоко, заправить мой автомобиль, купить жене цветы, ребенку купить конфеты или лимонад, себе купить очередные ботинки», «Средство, ... чтобы люди могли жить нормальной жизнью, позволять себе удовлетворять любые потребности: материальные, культурные...»); значительно реже указывалось, что деньги есть «возможность поддерживать тот образ жизни, который я веду». В данном случае важнее не материальная сторона жизни, а «стабильность», поддержание сложившегося уклада (интервьюер: «А если денег будет мало?», респондент: «Без проблем. Буду летать не первым классом, а эконом, вино буду пить не за 2000 долларов бутылка, а за 100 долларов»).

Во-вторых, деньги воспринимаются богатыми людьми как возможности **для бизнеса** — «деньги... есть ... кровь, которая ходит по всем органам того, что мы называем бизнесом. Они позволяют жить, развиваться и все прочее». Интересно, что если деньги воспринимались в качестве производственного инстру-

мента, то данное понимание являлось определяющим, значение денег для человека оказывалось далеко не главным: [бизнес-процесс] — «это составляющая денег, когда они становятся только знаками. Есть малая составляющая денег, когда употребляют слово “личное потребление”. Здесь я абсолютно непринхотлив, и это та небольшая сумма, которая ... в общем денежном потоке значения абсолютно не имеет...».

Деньги как свобода также имеют два смысла: во-первых, это «независимость», «возможность принимать решения» (негативное понимание свободы — «свобода от»), во-вторых, «свобода выбора», отражающая положительное понимание свободы («свобода для»). Две ипостаси денег (как возможности и как свобода) не отделены друг от друга глухой стеной, все дело в акцентах, которые расставляет человек. В частности, положительная «свобода ... измеряется в путешествиях, в выборе места встреч, в проведении своего досуга, ... в обеспечении своих близких».

В единственном случае (5,6% высказываний) деньги упоминались в качестве **средства самореализации**, причем респондент не видел такой роли денег для себя лично, пояснение того, как они работают в данном качестве, было сделано на чужом примере: «У нас батька [Лужков Ю.М.] строит кольцевую дорогу. Для него деньги в значительной мере — это реализация».

Роль денег в жизни людей уточнялась при ответе на вопрос о том, что меняется в самом человеке и в его восприятии мира с появлением больших денег. Все до единого из наших респондентов сочли, что деньги оказывают прямое влияние на сознание людей, однако направленность и интенсивность этих изменений видят различно.

Первая точка зрения (68,7% выборки) состоит в том, что в мировоззрении, в системе ценностей, интересов, потребностей изменений не происходит, **все изменения касаются только восприятия** окружающей действительности и жизни в целом («*Деньги просто дают больше возможностей, чтобы видеть этот мир и понимать его. А на само мировоззрение, я думаю, деньги не влияют*», «... *Это очень индивидуально. Система ценностей для меня не поменялась*»).

Важной составляющей картины мира является восприятие себя в этом мире, и с этой позиции респонденты разделились на две группы. Большинство отмечает только **благотворное влияние** больших денег на восприятие жизни: «*начинаешь понимать, что жизнь прекрасна*», «*появляется больший уровень личной свободы*», «*тебе доступно все*». Меньшинство же (16,5% опрошенных) видит влияние денег на человеческую жизнь иначе: большие деньги, предоставляя возможности, одновременно **ограничивают свободу личности**. Ограничения носят социальный характер и могут быть относительно небольшими, связанными с соблюдением групповых норм («*С появлением больших денег ты вынужден придерживаться определенных стереотипов в одежде, покупке вещей, и очень много есть того, что диктует социум...*»), но могут иметь и глобальный характер, который связан с двумя аспектами — внешним и внутренним. Первый касается несвободы в том плане, что **ты не можешь бросить дело**, которое основал, «*человек становится ... его [дела] рабом*». Сильнейшая зависимость бизнесмена от своего дела проявляется, во-первых, через невозможность так легко его оставить («*Далеко не из каждого бизнеса можно ... в три месяца забрать деньги. Выход из бизнеса*

стоит денег, т.е. виртуально есть как бы большое количество денег, но это машина для зарабатывания денег, и нужно много сил, внимания, здоровья и прочего»); во-вторых, через зависимость от своего дела своих сотрудников: «*рядом появляется огромное количество людей, и ты становишься ответственным за судьбы этих людей*». Второй аспект несвободы носит внутрилличностный характер: богатые люди сами себе **устанавливают высокую планку** как жизненного стандарта, так и производственных достижений. Необходимость соответствовать ей заставляет работать и работать, когда, казалось бы, денег хватит на всю жизнь и себе, и детям («*Ты живешь на какой-то ступеньке и основная проблема, чтобы с этой ступеньки не свалиться. Надо зарабатывать, по крайней мере, столько же, чтобы постоянно была константа.... Нужно все время поддерживать себя в форме*», «*Нужно выдерживать темп, т.е. если что-то один раз пришло, оно должно остаться постоянно...*»).

Вторая точка зрения (32,3% выборки) принадлежит тем респондентам, которые, не отрицая изменений в восприятии картины мира, считают, что, прежде всего, **идет переоценка ценностей**, вследствие чего человек преобразуется полностью. Личностные изменения, как красочно описал один бизнесмен, могут иметь различный итог, быть позитивными или негативными: «*Деньги ... потрясают всю сущность мировоззрения человека. ... Это как введение в организм стволовых клеток: к одним они приживаются, и человек молодеет, а к другим — наоборот, он становится ужасным, уродливым, скажем так, только приближают конец*». Направленность позитивных личностных изменений многогранна: это и изменения в системе мотивов («*Раньше я нуждался*

в деньгах и был готов их зарабатывать, а сейчас нет»), и духовный рост, и внешняя трансформация («Ты ... развиваться начинаешь. У тебя появляется возможность и учиться, и ездить, и вести правильный образ жизни.... Ты меняешься и внешне, и внутренне»), и глобальная переоценка ценностей («...Когда у тебя реально много денег, ты можешь себе позволить все что угодно с материальной точки зрения. Это на самом деле большое удовольствие, но это и большая проблема. Потому что интерес в жизни на самом деле очень тяжело удовлетворить материальными возможностями.... Раньше было: купил машину, и ты — счастлив. А сейчас ты можешь что угодно купить, но ты — несчастлив. Поэтому, возвращаясь к личным отношениям, это более важно. Или общение личное, это важнее, потому что все остальное можно купить»), и, наконец, изменения вектора познания, его переориентация вовнутрь («Больше возможностей задуматься о смысле жизни, меньше суеты. Раньше я ... мог проехать полстраны, а сейчас я лучше книжку почитаю»).

Психологические проблемы во взаимоотношениях с супругом, обусловленные появлением богатства. Все участники нашего опроса состояли в браке (один в гражданском), стаж супружеской жизни колебался от 1,5 до 34 лет (средний — 19,7 лет), у подавляющего большинства брак был единственным.

В части психологических проблем богатых людей во взаимоотношениях с супругом мы выдвинули две гипотезы. Первая состояла в том, что эти проблемы обусловлены спецификой деятельности, в частности, малым временем, уделяемым бизнесменами и политиками своим женам (или работающими женщинами своим мужьям). Вторая гипотеза: в исследуемых семьях существуют пробле-

мы, связанные с несопоставимым вкладом супругов в семейный бюджет.

Проверка первой гипотезы показала, что все участники опроса много работают: 9 часов на работу тратят только два человека, большинство оставшихся определили обычную продолжительность своего рабочего дня от 10 до 16 часов. При этом некоторые бизнесмены подчеркивали, что нынешнее положение — достаточно новое для них: «Сейчас ... часов десять. Раньше могло быть и двадцать». То есть объективные основания для недовольства у супругов наших респондентов существуют. Субъективная оценка времени досуга близка к объективной: лишь четверо (25%) наших респондентов заявили, что времени на общение с семьей им хватает. Интересно, что понятие о норме времени, которое необходимо уделять семье, у данной подгруппы очень специфическое: средняя продолжительность рабочего дня в ней 12 часов; один из членов данной группы, ежедневно отдающий работе «в среднем 12–16 часов», весьма нетривиально пояснил, почему ему хватает времени на досуг с семьей: «Стандартов здесь нет. Я за полчаса могу напиться и ребенка вниманием [смеется] и влиянием, и женой».

Тем не менее практически во всех ответах четко прослеживается удовлетворенность браком. Это выражается, с одной стороны, удовлетворением собственным исполнением супружеской роли, фиксируемым у большинства опрошенных (81,2% выборки), а с другой стороны, представлением всех респондентов без исключения, что супруг доволен ими полностью (43,8%) или в большей части. Общее отношение семей участников опроса к их производственной деятельности емко выразил бизнесмен 42 лет: «Заинтересованно. Положительно. С по-

ниманием». При этом влияние производственной деятельности на отношения в семье иное: только пятеро (31,2%) высказали мнение об однозначно положительном влиянии их работы на взаимоотношения в семье («Чем больше я работаю, тем лучше семье»), оставшиеся говорили о разной направленности данного влияния — «мешает и помогает одновременно», «иногда моя деятельность раздражает ..., иногда вдохновляет».

Положительное воздействие работы на отношения с супругом связано, главным образом, с «созданием материального комфорта», но также и с формированием общих интересов, углублением взаимопонимания и взаимной заинтересованности («... Ей [жене] нравится, когда я ей рассказываю, что у меня на работе происходит, ... как я собираюсь выйти из каких-то ситуаций, чем они были обусловлены. ... И она очень любит слушать и любит быть не столько в курсе моих дел, сколько быть вот в таком душевном контакте, что ли. Чувствовать себя моим партнером по жизни»). Негативное же воздействие всегда имеет только одну причину — недостаток внимания («Муж очень недоволен, когда я задерживаюсь», «Иногда моя жена жалуется на недостаток внимания с моей стороны так мягко и аккуратно, что я действительно чувствую себя скотиной» [смеется]). Эта же причина лежит в основе недовольства собственным исполнением супружеской роли, если оно имело место. Таким образом, первая гипотеза подтвердилась лишь частично: значительное время, которое богатые люди вынуждены уделять своей работе, порождает определенное недовольство их супругов, однако серьезных проблем не создает, поскольку указанное недовольство имеет ситуационный (временный) характер и не сказывается

на общем позитивном отношении жен (мужей) к своему много работающему супругу, которое, в свою очередь, имеет основанием понимание, поддержку и взаимную заинтересованность.

Как было показано В.П. Левкович, острота и содержание психологических проблем в семьях крупных и мелких предпринимателей различны, т.е. уровень дохода оказывает влияние на супружеские отношения [6, с. 220–224]. В.П. Левкович писала, что в семьях крупных предпринимателей, после того как мужья занялись бизнесом, участились конфликты, связанные с противоречием социальных установок супругов относительно распределения ролей в семье. «В большинстве семей этой группы жены имели высшее образование и были ориентированы на внесемейную карьеру и эгалитарный тип супружеского взаимодействия. Во многих семьях до того, как муж начал заниматься предпринимательством, лидером в семье была жена. Успех в бизнесе часто приводил мужей к тому, что они начинали оспаривать у жен лидерские позиции в семье: проявляли властность, агрессивность, стремление жестко контролировать все сферы жизни жены, что вызывало острые конфликты между супругами в борьбе за лидерство» [6, с. 220]. Женщины этой группы были ориентированы на эгалитарный тип супружеских отношений, в то время как социальные установки мужчин либо изначально были традиционными, либо переориентировались на традиционные после повышения социального статуса мужчин. «Дисгармония установок супругов в ролевой сфере жизнедеятельности ухудшала их взаимоотношения, снижала уровень взаимопонимания и удовлетворенности браком» [6, с. 226].

Основываясь на результатах В.П. Левкович, мы выдвинули нашу

вторую гипотезу. Проверку ее истинности мы начали с анализа представлений участников исследования о семейных ролях и их исполнении супругами. Понимание ролей мужчины и женщины в семье — традиционное: муж — «кормилец, оплот, надежда, защита, одним словом — хозяин», жена — «хранительница очага», «надежный тыл», на ее ответственности «чувства, создание атмосферы». Позиции во взаимоотношениях супругов при этом видятся различно: подавляющее большинство, включая респондентов-женщин (82,7%), считает, что лидером должен быть муж, поскольку именно он «может принимать вызовы, устранять угрозы, которые носят и внутренний характер (внутри семьи), и внешний характер». Трое респондентов-мужчин уверены, что в семье должно быть равноправие («Я очень хотел бы не вести, вместе с тем не быть ведомым, но быть вместе»), обусловленное равной важностью выполняемых супругами функций: «Жена — это душа, муж — стена вокруг души».

Результаты свидетельствуют, что появление больших денег действительно влияет на супружеские взаимоотношения, но это не является абсолютным правилом: треть (37,7%) респондентов не заметили никаких изменений в собственных семьях, хотя и оговаривались, что имели возможность наблюдать трансформацию отношений между мужем и женой в других семьях.

Абсолютное большинство участников опроса отметили, что деньги в значительной степени помогают решить некоторые проблемы. Самое очевидное — решение материальных проблем, которые наши участники подразделили на две группы:

1) повседневные, бытовые — «пропадают мелкие поводы для ссор» за счет появления возможности «просто создать нормальный быт»; 2) проблемы, обусловленные ограниченностью потребительского выбора — «появляется степень свободы в выборе каких-то вещей, поездок, досуга». Избавление от материальных забот «влияет на взаимоотношения: ты освобождаешься, у тебя появляется время на какой-то отдых и взаимное общение дополнительное». Менее очевидно решение за счет богатства экзистенциальной проблемы: «Человек становится более свободен. Деньги помогают лишить людей зависимости друг от друга, если оба их имеют. ... И это очень важно, потому что человек большую часть своей жизни абсолютно несвободен».

В то же время появление богатства обуславливает негативные изменения семейных отношений. Несмотря на отсутствие личного опыта, почти все (за исключением двух человек) наши интервьюируемые уверены, что влияние богатства может иметь катастрофические последствия для брака.

В первую очередь это связано с возникновением глубокого экономического неравенства, зависимости и, соответственно, **разных социальных установок**. «Деньги — это страшная сила, и эта сила способна очень сильно влиять деформирующе на психику как мужчины, так и женщины. И должно быть с обеих сторон достаточно равномерное отношение к деньгам [имеется в виду доход, а не психологическое отношение — прим. автора, Ф.Е.], чтобы они могли заявлять, что это не имеет значения». В противном случае² «женщина чувствует себя немно-

² Автор приводимого следом высказывания априорно полагает, что деньги зарабатывает мужчина.

го тревожно, а мужчина себя чувствует, наоборот, более сильным и независимым, и в совокупности это может дисбаланс создавать, потому что женщина может ... на ощущение опасности неадекватно реагировать, пытаясь компенсировать, а мужчина ... может ... пытаться вырваться из каких-то рамок», и это именно тот сценарий, который описывала В.П. Левкович.

Такая ситуация иногда имеет место в относительно молодых семьях: «*был период, когда моя жена очень некомфортно себя чувствовала, что у меня много денег, она просто опасалась за стабильность семьи, назовем так*». Нам удалось взять интервью у некоторых жен бизнесменов, и в отдельных ответах отголоски обозначенной выше проблемы звучали: «*В его [мужа] понимании, власть и деньги состоят в знаке равенства, если есть деньги, то значит, уже есть и власть... С ним считаются, ... ему боятся что-то высказать, ... а, соответственно, у него трансформируется понимание себя и своего места... [Возникает] недопонимание, он не понимает критику с моей стороны, он ее не воспринимает, говорит: "Ну, если все вокруг со мной согласны, почему ты нет?"*» (женщина 33 лет, в браке 8 лет).

Второй и третьей возможной причиной распада брака у богатых людей наши респонденты назвали **неравномерность развития супругов** («... С приходом больших денег браки распались, потому что женщина становилась домохозяйкой..., интеллектуально не развивалась и т.д., а мужчина-то выбирал женщину и по интеллекту, и по уровню ближе к себе») и **переоценку ценностей**, в частности резкое снижение ценности семьи, эмоцио-

нальной связи с другим человеком и т.п. («*Женщины чаще от «жиру бесятся», у них все есть, работать не надо, вот и ищут удовольствие на стороне», «Деньги позволяют перейти определенные моральные барьеры, в народе говорят так: "Понесло"»*).

Стоит сказать, что большинство наших респондентов за долгие годы успешно преодолели проблемы, имеющие разрушительный для брака потенциал. Для этого мужья поощряли жен получать второе и даже третье высшее образование³, работать, развиваться во всех аспектах. Проблема экономического неравенства и связанной с этим неадекватности поведения также была решена как за счет дарения женщинам собственного бизнеса, так и за счет твердости «*постоянных ценностей, коими являются семья, дети*», хотя выявились и такие (всего три случая), кто отстранился от решения или не сумел ее решить, формально сохранив брак, но заплатив за это эмоциональным отчуждением, переориентацией в семье с друг друга на самого себя. Мы позволим себе привести ниже диалог интервьюера с политиком, который демонстрирует, как «*деньги только вредят*» супружеским отношениям:

— Она [жена] занимается только собой, своими делами. Единственная ее работа — деньги кончились.

— Можно сказать, что взаимоотношения стали хуже?

— Никоим образом!

— Но вы же сказали, что она за вами не следит, не заботится?

— Она же мне не хамит, не дерзит. Я сказал, что она ничего не делает, но для

³ Далеко не все наши респонденты отметили, сколько у них высших образований. Те, кто обратил на это внимание, имели от двух до четырех. Треть всей выборки характеризовалась наличием ученой степени.

этого есть домработницы, и они, слава богу, все делают.

— Так ваши отношения остались прежними?

— *Да хорошие [с ударением на это слово] у меня отношения!*

— Они лучше или хуже?

— *Они не лучше и не хуже, они — другие.*

Подведем промежуточные итоги. Вторая наша гипотеза о наличии семейных проблем, обусловленных разным экономическим положением супругов в семьях богатых людей, не подтвердилась в отношении абсолютного большинства наших респондентов, что обусловлено, главным образом, низкой ценностью денег и одновременно высокой ценностью семьи. Основная часть исследуемых семей сформировалась в советское время, в студенческие годы, когда восприятие денег как ценности было совершенно не нормой, при этом оба супруга были в равном экономическом положении — бедны. Это давало уверенность каждому, что в браке супругу интересен именно сам человек, а не его финансовое положение. Трудности, которые пришлось пережить нашим респондентам совместно с их семьями в начале 1990-х годов, закалили и укрепили семейные связи (*«С женой мы испытали все невзгоды и прожили такой ужасный период, когда сменялась одна формация на другую. С ней мы жили, когда нам было и замечательно, и хорошо, с ней мы жили, когда было очень тяжело и очень сложно материально, и сейчас нам стало жить гораздо легче: и в материальном плане, и наша любовь только укрепилась благодаря моей любимой, замечательной и единственной жене»* — совладелец одной из крупнейших в мире сетей отелей, 28 лет в браке). Опыт совместного преодоления трудностей дал семьям возможность пережить шок от

внезапного богатства, выступившего новым испытанием их прочности. В то же время два человека признались, что были весьма состоятельны уже в советское время, поэтому в их семьях очень большие деньги не выступили как деформирующий личность и семью фактор.

Нельзя также не сказать о высокой образованности и высоком интеллекте наших респондентов, которые позволили им отрефлексировать потенциальные угрозы, создаваемые деньгами брачным отношениям (особенно в условиях, когда многие наблюдали распады семей в своем окружении), и превентивно адекватно отреагировать на них (*«В том слое, где я общаюсь, мало у кого браки распадаются. ... Просто у них есть мозги в голове, они обычно и не разводятся»*).

Представления богатых людей об отношениях с детьми мы выделили в отдельный вопрос. В данном случае выявились три основные психологические проблемы.

Первая — **недостаток общения с детьми**, обусловленный необходимостью отцов или матерей много работать. Малая возможность *«больше внимания, времени уделять детям»* не приводила к обидам детей на родителей (*«Все понимают, что папа делом занят, не ерундой какой-то»*), но снижала родительскую самооценку (*«Я относительно доволен собой как супругом, я не доволен собой как отцом. Я недостаточно уделяю внимания детям, во всяком случае, меньше, чем хотелось бы. А остальное [в семье] я хорошо делаю, считаю»*).

Вторая проблема касается воспитания детей, конкретнее — формирования у них **моделей взрослого поведения**. И отцам, и матерям представляется очень важным, что папа подает нужный пример, дети видят, что *«он не бездельничает, а тру-*

дится». В семьях богатых людей супруги единодушны в том, что этот пример крайне важен для воспитания подрастающего поколения («У меня есть приятель, который уже лет 10 не работает. Заработал денег и не работает. У него и дети пошли по наклонной, к сожалению. Он сам это не признает никогда, но со стороны видно»). У неработающих, сидящих дома с детьми жен бизнесменов проблема будущего профессионального самоопределения детей является весьма злободневной. Вот как описывает ситуацию 38-летняя мать четверых детей: «Я уверена, худший пример — это я. Я сейчас не работаю [двое детей до 5 лет], и это вызывало определенные размышления у старших моих детей. ... Когда старшая дочь пошла в выпускной класс, я стала обсуждать с ней тему профориентации, на что моя дочь сказала: «Я хочу быть такой, как ты». Я поинтересовалась, что она имеет в виду. Дочь объяснила, что хочет быть домохозяйкой. Я была в ужасе!».

Третья проблема в семьях богатых людей также связана с воспитанием, но в отличие от обозначенной выше, не характерна для большинства населения, а является специфической. Это вопрос о **культуре богатства**. «У нас народ не имеет модели поведения, если он богат. ... Люди даже не представляют, как они должны себя вести. ... И самое главное, люди часто не остаются людьми, заработав денег». И это очень беспокоит предпринимателей, имеющих взрослых детей или готовящих в наследники близких родственников (племянников, например). Часть поколения двадцатилетних (т.н. «золотая молодежь») уверена, что им все позволено, практически ни с чем и ни с кем не считается, открыто демонстрирует неуважение к людям, стоящим ниже их на социальной лестнице. Это провоцирует

конфликты между молодыми людьми и их окружением, вредит бизнесу и вызывает раздражение у старшего поколения.

Представления богатых людей об отношениях с друзьями. Диалог, касающийся отношений к деньгам, проблемам семьи и деятельности проходил спокойно и размеренно, респонденты охотно отвечали на вопросы, улыбались и шутили. Однако все изменилось, когда стали обсуждаться взаимоотношения с друзьями. Почти все респонденты не были готовы обсуждать эту тему. Стали даваться свернутые ответы, возникали значительные паузы, предложения обрывались, не будучи законченными, — респонденты тщательно контролировали себя.

Сложности начались уже с самого первого вопроса темы — каким должен быть друг. Этот вопрос вызывал либо резкий однословный ответ — «надежный», «преданный», «настоящий», «предсказуемый» — и это исчерпывающий список ответов такого типа, либо растерянность («Это очень сложное понятие, это настолько сложное понятие, что даже представить сложно. На это понятие я даже в меньшей степени отвечаю, чем на понятие “любовь”»), либо глубокую задумчивость («Если друг оказался вдруг [пауза]...», «Друг, друг, друг, друг. Опять разные градации друзей...», «Каким должен быть друг [пауза]. Мне сложно сразу на это ответить...»).

Анализ дальнейших высказываний прояснил, почему тема дружбы для богатых людей такая болезненная. Выявился целый клубок тесно сплетенных между собой проблем, обусловленных взаимоотношениями с друзьями.

Вначале стоит сказать, что друзей у всех наших респондентов немного, «можно пересчитать на пальцах одной руки», чаще от одного до трех. Знакомых, при-

ятелей несравнимо больше — «огромное количество». Бизнес естественным образом порождает множество знакомств, все до одного респонденты говорили, что у них «много отношений с людьми, которые ... не интересны, но объективно нужны», поскольку эти люди выступают как деловые партнеры. Однако заинтересованность в деловых партнерах совсем не означает, что отношения с ними обязательно перейдут в иное качество — в дружбу. «У меня с ними абсолютно прохладные, здравые отношения, которые основаны на письменном соглашении о том, что мы не вмешиваемся в личную жизнь друг друга. Мы поддерживаем равные [отношения], без перепадов настроения, мы не говорим плохо друг о друге... Для других создается впечатление дружбы... Эти люди нужны, но это не дружеские отношения».

Малое количество друзей, т.е. людей, которые «разделяют [твои] основные принципы», «готовы подставить плечо», «понимают тебя», «имеют потребность ... перезваниваться, встречаться», и которых связывает с тобой такая «духовная близость», что они выступают «в какой-то степени больше, чем родственники», не является само по себе проблемой, «потому что, если настоящий друг, то их не так много». Проблемами являются две вещи. Во-первых, «новых друзей не появляется», во-вторых, вопрос в «качестве» старых друзей.

Начнем с анализа ситуации со «старыми друзьями».

У всех в школе, в институте были друзья, именно их мы называли в интервью «старыми». Эти люди были проверены годами совместной деятельности, многие общались несколько десятилетий и вместе преодолели немало трудностей. Однако богатство, пришедшее к одному,

иногда разделяло друзей практически неодолимой пропастью. Прежде всего, разница в социальных группах обуславливала **отсутствие общих интересов**, исчезли общие темы для общения, проблемы одного стали совершенно непонятны и неинтересны другому («... Обсуждать, условно говоря, с врачом районной больницы вопрос приобретения новой яхты, оно не пойдет»). Попытки приобщить друзей к своему делу приводили, скорее, к негативному результату: отношения трансформировались, из дружеских переходили в иную категорию («... Многих друзей я по дурацки ... подтянул в бизнес. Соответственно, отношения стали рабочие, руководитель—подчиненный...»).

Второй важный момент в общении со старыми друзьями — прямое **вмешательство денег в межличностные отношения**, проявляющееся в заинтересованности «бедного» друга в деньгах богатого и, как следствие, формирующее сомнения у последнего в том, есть ли здесь дружба («Все мои старые друзья ... не достигли того, чего достиг я. Они все живут за мой счет. У нас абсолютно разные интересы, поэтому они уже не понимают смысла той проблематики, которой я занимаюсь. Можно ли их называть другом? Можно, да. Потому что они меня бескорыстно любят, вернее, уже не бескорыстно, но любят и т.д. Можно, наверное, потому что много в памяти осталось. На сегодня, объективно, мне с ними неинтересно, потому что разные биоритмы жизни, разные темпы, разные задачи по жизни»).

Два человека отметили, что деньги разделяют людей и по другой причине: друзья «считают, что они тебе неинтересны». И здесь проблема «одиночества в толпе» звучит довольно пронзительно: «Я, скажем, с удовольствием видел бы их иногда, но пытаюсь не навязываться».

И отсутствие общих интересов, и денежный вопрос — все это, конечно, подрывает дружбу, но наши респонденты тем не менее решили в той или иной степени эту проблему. Глобальное несовпадение интересов вынужденно ограничивает круг общения вопросами семьи и общей (в прошлом) профессии, но все же позволяет как-то поддерживать связи, которые богатые люди считают важным для себя сохранить (хотя иногда эти связи носят характер телефонных разговоров с частотой один раз в несколько лет). В отношении денег стратегии выбираются разные: как внутреннее смирение с тем фактом, что друзья живут за твой счет («... Они часто ко мне обращаются, занимают у меня деньги, я им никогда не отказываю... В тех суммах, которые они просят, мне нетрудно им их давать, у меня они не вызывают совершенно никаких отрицательных эмоций...»), так и намеренное избегание «бедной» стороной встраивания материальных отношений в межличностные, или в друзьях остаются только те люди, которые «сами все с достатком». Вопросы о том, что же произошло с друзьями, которые остались бедны, вызвали мгновенную защитную реакцию, носящую в двух случаях агрессивный характер. И здесь мы подходим, пожалуй, к самой трудной проблеме в общении с друзьями — проблеме **доверия**, которая в той или иной степени, явно или неявно, но прозвучала **в каждом** интервью.

Богатые люди не доверяют старым друзьям по нескольким причинам:

- не верят, что с ними имеют дело без меркантильных мотивов;
- не хотят быть использованными;
- боятся испортить отношения демонстрацией богатства («... Есть у меня друзья со школьной скамьи. Кого-то я к себе в гости приглашу, и реакция будет

адекватной. А кого-то не могу, хотя у нас хорошие отношения, потому что я не уверен в адекватности реакции...»);

- имели опыт предательства друзей в прошлом и не могут доверять никому в настоящем («Ну что по нашим понятиям друг? Надежный — это общая фраза! А когда коснется, когда что-нибудь случится, то ни на кого нельзя положиться, кроме себя»).

Перейдем теперь к проблеме «новых» друзей. Она формулируется очень просто: друзья появляются крайне-крайне редко («Новых друзей у меня практически нет», «Как ни странно, у меня не появляются новые подруги. У меня есть масса людей, с которыми мне интересно общаться, я с удовольствием проведу отпуск и так далее, но, пожалуй, я не буду делиться с ними своими эмоциональными проблемами и переживаниями»). Трудности с переходом знакомых и деловых партнеров в категорию друзей обусловлены **глубоким недоверием** к людям. Хотя новые друзья — «из среды богатых людей», и проблема отсутствия общих интересов элиминирована («... Мы ходим в одни и те же места, нам интересно, в принципе, одно и то же»), но деньги все равно могут являться препятствием дружбе («... Деньги рождают осторожность у человека»). Недоверие к людям из своего социального слоя имеет основой, опять-таки, нежелание быть использованным («Я не знаю, могут ли у меня появиться новые друзья: я настороженно к этому отношусь. Мне кажется, им что-то от меня будет нужно»), иногда сказывается негативный опыт совместной работы с бизнес-партнером («Это те, которые старались казаться, что они в хороших со мной отношениях, но обманывали в деньгах. И я рвал [отношения]»), но главное, как нам кажется, богатые люди просто боятся поверить в саму возможность новой дружбы («Я очень настороженно отношусь к слову “друг”,

я считаю, что это очень глубоко, должно быть глубоко выстроено решение, кого ты можешь назвать другом»), несмотря на то, что человек «всегда живет верой, верой в то, что он приобретает. Если бы не было этой веры, то было бы совсем [конец предложения] ...».

Таким образом, исследование проблемы друзей и дружбы показало, что это, пожалуй, самая острая и трудноразрешимая проблема во взаимоотношениях богатых людей с референтной группой: человек чувствует себя одиноким среди множества знакомых, он желает дружбы и более теплых отношений, но не может позволить сократить психологическую дистанцию между собой и ближним окружением, поскольку очень мало доверяет людям.

Выводы

1. Деньги являются мощным фактором, влияющим на личность и межличностные отношения. Личностное влияние больших денег связано с изменениями в понимании мира и себя в этом мире, с динамикой ценностных ориентаций. Богатство обуславливает снижение ценности материальных благ и резкое повышение значимости социальных и духовных ценностей, вносит позитив в повседневную жизнь человека, связанный с созданием материального комфорта, но одновременно ограничивает свободу личности как в социальном аспекте, так и изнутри.

2. Влияние денег на супружеские отношения разнонаправлено. Важнейшим фактором при этом выступает устойчивость системы ценностных ориентаций личности, главенствующее положение в ней ценностей семьи и труда, восприятие денег как исключительно инструментальной ценности. В этом случае приход

больших денег только укрепляет брачные связи за счет совместного преодоления серьезного для супружеских отношений препятствия. Если же система ценностей человека, ставшего богатым, неустойчива, семья не воспринимается как доминирующая ценность, то в этом случае резкое изменение материального статуса, скорее всего, будет иметь негативные последствия для брака, вплоть до его распада.

3. Основными психологическими проблемами, связанными с воспитанием детей в богатых семьях, являются проблемы культуры богатства — формирование определенного отношения к деньгам, труду, к человеку; создание в головах подрастающего поколения нужных (воспринимаемых старшим поколением как правильные) смыслов и на их основе — сценариев жизни.

4. Наибольшее по силе влияние деньги оказывают на взаимоотношения богатого человека с друзьями. Это влияние носит преимущественно деструктивный характер — полностью сохранить отношения со старыми друзьями не получается ни у кого, а новые друзья появляются в крайне редких случаях. Основная причина разрушения старых или препятствования возникновению новых дружеских связей — недоверие к людям, основанное как на жизненном опыте, так и на рефлексии межличностной ситуации. Имеющая объективные основания осторожность во взаимодействии с людьми приводит к дефициту эмоционального общения, возникновению чувства одиночества и заставляет богатых людей, с одной стороны, поддерживать даже ставшие поверхностными дружеские связи, а с другой — укрепляет связь с супругом, в общении с которым обозначенные личностные проблемы в той или иной степени компенсируются.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Елецкая М.А.* Отношение современных россиян к богатству и бедности // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 82–96.
2. *Журавлев А.Л., Дробышева Т.В.* Представления о бедном и богатом человеке как феномен экономического сознания формирующейся личности // Психологический журнал. 2011. Том. 32. № 5. С. 46–68.
3. *Зарубина Н.Н.* Деньги и культура богатства: перспективы социальной ответственности бизнеса в условиях глобализации // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 13–23.
4. *Зарубина Н.Н.* Состояние культуры богатства как проявление аномии в современной России // Материалы V Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость» (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года). М.: РОС, 2016. С. 2650–2658.
5. *Кувшинова О.* На долю 10% россиян приходится почти 90% национального богатства: В мире пропорция такая же, но доля бедных в России выше среднемировой [Электронный ресурс] // Ведомости, 23 ноября 2016 г. URL: <https://vedomosti.ru/economics/articles/2016/11/23/666552-10-rossiyan-natsionalnogo-bogatstva> (дата обращения: 20.01.2019).
6. *Левкович В.П.* Особенности взаимоотношения супругов в семьях предпринимателей // Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства. М.: ИП РАН, 1999. С. 218–227.
7. *Моргачева Е.Б.* Богатые и бедные в современной России // Система ценностей современного общества. 2011. № 21. С. 119–123.
8. *Назарова А.А., Михеева И.В.* Представления студентов о бедности и богатстве // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования: Сборник научных статей международной конференции / Отв. ред. Е.Д. Родионов. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 1683–1686.
9. *Никулина Д.А.* Проблема богатства и бедности // Материалы X Международной научно-практической конференции «В мире научных открытий». (г. Таганрог, 23 декабря 2013 г.). М.: Спутник+, 2013. С. 119–122.
10. *Писарев А., Божко М.* Портрет миллионера: как богатые россияне избегают рискованных инвестиций [Электронный ресурс] // Деньги, 23 июня 2017 г. URL: <https://rbc.ru/money/23/06/2017/594d5f419a79477b8009e182> (дата обращения: 20.01.2019).
11. *Роздина Ю.О., Долгаева Е.И.* Богатство и бедность в политическом сознании россиян // Вестник Мордовского университета. 2011. № 3. С. 30–32.
12. *Федосеева М.А.* Студенческая молодежь о стремлении к материальной выгоде и роскоши // Образование и общество. 2016. № 101. С. 92–102.
13. *Филинкова Е.Б.* Отношение старшеклассников к деньгам и способам их зарабатывания // Социальная психология и общество. 2010. № 1. С. 152–172.
14. *Argyle M., Henderson M., Furnham A.* The rules of social relationships // British Journal of Social Psychology. 1985. Vol. 24 (2). P. 125–139. doi:10.1111/j.2044-8309.1985.tb00671.x
15. *Diener E., Horwitz J., Emmons R.A.* Happiness of the very wealthy // Social Indicators Research. 1985. Vol. 16 (3). P. 263–274.

16. Johnson W., Krueger R.F. How money buys happiness: Genetic and environmental processes linking finances and life satisfaction // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Vol. 90 (4). P. 680–691. doi:10.1037/0022-3514.90.4.680
17. Piff P.K., Moskowitz J.P. Wealth, Poverty, and Happiness: Social Class Is Differentially Associated // *Emotion*. 2018. Vol. 18 (6). P. 902–905. doi: 10.1037/emo0000387.
18. Willmott H. Studying managerial work: a critique and a proposal // *Journal of Management Studies*. 1987. Vol. 24 (3). P. 249–270.

Money as a source of psychological problems of wealthy people

E.B. FILINKOVA*,
Moscow State Regional University, Moscow, Russia,
jane421@yandex.ru

The article is devoted to the study of money as a factor affecting personality and interpersonal relations. According to the results of in-depth interviews with 16 very rich people it was demonstrated the personal influence of big money is associated with changes in the understanding of the world and oneself in this world, with the dynamics of value orientations. The money influence on marital relations is multidirectional and depends on the system of value orientations stability and the position of family, labor and money values in it for the spouses. Money has the greatest influence on the relationship of a rich person with friends. This influence is mainly destructive, the dominant reason for the destruction of the old or the emergence of new friendships is distrust. Distrust leads to a lack of emotional communication and makes rich people to maintain even become superficial friendships, on one hand, and strengthens the emotional connection with the spouse, which is to some extent compensation for the lack of friendly interaction, on the other hand.

Keywords: money, wealth, family, friends, trust.

REFERENCES

1. Eletskaia M.A. Otnoshenie sovremennyh rossiyan k bogatstvu i bednosti [The attitude of people in modern Russia to wealth and poverty]. *Sociologicheskij zhurnal* [*Sociological journal*], 2009, no. 2, pp. 82–96. (In Russ.).
2. Zhuravlev A.L., Drobysheva T.V. Predstavleniya o bednom i bogatom cheloveke kak fe-nomen ekonomicheskogo soznaniya formiruyushejsya lichnosti [Representation of

For citation:

Filinkova E.B. Money as a source of psychological problems of wealthy people. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo* [*Social Psychology and Society*], 2019. Vol. 10, no. 3, pp. 100–117. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100307

* Filinkova Evgeniya B. — PhD in Psychology, Associate Professor, Moscow State Regional University, Moscow, Russia, jane421@yandex.ru

- poor and rich manas a phenomenon of economic consciousness of developing personality]. *Psihologicheskij zhurnal [Psychological journal]*, 2011. Vol. 32, no. 5, pp. 46–68. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Zarubina N.N. Dengi i kultura bogatstva: perspektivy socialnoj otvetstvennosti biznesa v usloviyah globalizacij [Money and the culture of wealth: the prospects of social responsibility of business in the context of globalization]. *Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2008, no.10, pp. 13–23. (In Russ.).
 4. Zarubina N.N. Sostoyanie kultury bogatstva kak proyavlenie anomii v sovremennoj Rossii [The state of wealth culture as a manifestation of anomie in modern Russia]. Materialy V Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa “*Sociologiya i obshchestvo: socialnoe neravenstvo i socialnaya spravedlivost*” (Ekaterinburg, 19–21 oktjabrja 2016 g.) [Proceedings of V All-Russian Sociological Congress “*Sociology and society: social inequality and social justice*”]. Moscow: ROS, 2016, pp. 2650–2658.
 5. Kuvshinova O. Na dolyu 10% rossiyan prikhoditsya pochti 90% natsional'nogo bogatstva: V mire proporsiya takaya zhe, no dolya bednykh v Rossii vyshe srednemiroyoi [Elektronnyi resurs] [The share of 10% of Russians accounts for almost 90% of national wealth: in the world the proportion is the same, but the share of the poor in Russia is higher than the world average]. *Vedomosti, 23 noyabrya 2016 g. [Statements, November 23, 2016]*. Available at: <https://vedomosti.ru/economics/articles/2016/11/23/666552-10-rossiyan-natsionalnogo-bogatstva> (Accessed 20.01.2019).
 6. Levkovich V.P. Osobennosti vzaimootnosheniya suprugov v semyah predprinimatelej [The relationship between spouses and in entrepreneur families]. *Socialno-psihologicheskie issledovaniya rukovodstva i predprinimatelstva [Socio-psychological research of management and entrepreneurship]*. Moscow: IP RAN, 1999, pp. 218–227.
 7. Morgacheva E.B. Bogatyie i bednye v sovremennoj Rossii [Rich and poor in modern Russia]. *Sistema cennostej sovremennogo obshchestva [System of values of modern society]*, 2011, no. 21, pp. 119–123. (In Russ.).
 8. Nazarova A.A., Miheeva I.V. Predstavleniya studentov o bednosti i bogatstve [Students' perceptions of poverty and wealth]. In Rodionov E.D. (ed.). *Lomonosovskie chteniya na Altae: fundamentalnye problemy nauki i obrazovaniya: Sbornik nauchnykh statej mezhdunarodnoj konferencii [Lomonosov readings in Altai: fundamental problems of science and education]*. Barnaul: AltGU, 2017, pp. 1683–1686.
 9. Nikulina D.A. Problema bogatstva i bednosti [The problem of wealth and poverty]. Materialy X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii “*V mire nauchnykh otkrytij*” (g. Taganrog, 23 dekabrja 2013 g.) [Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference “*In the world of scientific discoveries*”]. Moscow: Sputnik+, 2013, pp. 119–122.
 10. Pisarev A., Bozhko M. Portret millionera: kak bogatyie rossiyanie izbegayut riskovannykh investitsii [Portrait of a millionaire: how rich Russians avoid risky investments]. *Den'gi, 23 iyunya 2017g [Money, June 23, 2017]*. Available at: <https://rbc.ru/money/23/06/2017/594d5f419a79477b8009e182> (Accessed 20.01.2019).
 11. Rozdina Yu.O., Dolgaeva E.I. Bogatstvo i bednost v politicheskom soznanii rossiyan [Wealth and poverty in the political consciousness of Russians]. *Vestnik Mordovskogo universiteta [Mordovia University Bulletin]*, 2011, no. 3, pp. 30–32. (In Russ.).

12. Fedoseeva M.A. Studencheskaya molodezh o stremlenii k materialnoj vygode i roskoshi [Students about the pursuit of material gain and luxury]. *Obrazovanie i obshchestvo* [Education and society], 2016, no. 101, pp. 92–102. (In Russ.).
13. Filinkova E.B. The attitudes of senior pupils to money and ways of their earning. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2010, no. 1, pp. 152–173. (In Russ., abstr. in Engl.)
14. Argyle M., Henderson M., Furnham A. The rules of social relationships. *British Journal of Social Psychology*, 1985. Vol. 24, no. 2, pp. 125–139. doi.org/10.1111/j.2044-8309.1985.tb00671.x
15. Diener E., Horwitz J., Emmons R.A. Happiness of the very wealthy. *Social Indicators Research*, 1985. Vol. 16, no. 3, pp. 263–274.
16. Johnson W., Krueger R.F. How money buys happiness: Genetic and environmental processes linking finances and life satisfaction. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006, no. 90(4), pp. 680–691. doi.org/10.1037/0022-3514.90.4.680
17. Piff P.K., Moskowitz J.P. Wealth, Poverty, and Happiness: Social Class Is Differentially Associated. *Emotion*, 2018. Vol. 18, no. 6, pp. 902–905. doi:10.1037/emo0000387
18. Willmott H. Studying managerial work: a critique and a proposal. *Journal of Management Studies*, 1987. Vol. 24, no. 3, pp. 249–270.

Взаимосвязь взрослой и детской бедности с психологическими характеристиками личности

М.В. ЕФРЕМОВА*,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
mefremova@hse.ru

О.В. ПОЛУЭКТОВА**,
Университет Якобса, Бремен, Германия,
olga_poluektova@hotmail.com

В данной статье рассматривается взаимосвязь низкого социально-экономического статуса в детстве и во взрослом возрасте с психологическими характеристиками личности, такими как ценности, самооффективность, самооценка, психологическое благополучие и доверие. Оцениваются эффекты взаимодействия детского и взрослого социально-экономического статуса на психологические показатели. В исследовании приняли участие бедные — люди, имеющие доход ниже прожиточного минимума (N=162, возраст M=41, 39,5% — женщины), и небедные (N=188, возраст M=34, 58,5% — женщины). Измерение детского социально-экономического статуса производилось по ретроспективной оценке. Результаты показали, что ценности личности и самооценка различаются в зависимости от взрослого социально-экономического статуса. Выявлена взаимосвязь взрослого и детского социально-экономического статуса с удовлетворенностью жизнью и доверием. Взрослый социально-экономический статус связан с доверием только в группе респондентов, не имеющих низкого социально-экономического статуса в детстве. Удовлетворенность жизнью и доверие тех, кто имел низкий социально-экономический статус в детстве, ниже, чем у тех, кто не испытывал бедность никогда.

Ключевые слова: *взрослый социально-экономический статус, детский социально-экономический статус, детская бедность, самооффективность, самооценка, удовлетворенность жизнью, индивидуальные ценности, доверие.*

Для цитаты:

Ефремова М.В., Полуэктова О.В. Взаимосвязь взрослой и детской бедности с психологическими характеристиками личности // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 3. С. 118–136. doi:10.17759/sps.2019100308

* *Ефремова Мария Викторовна* — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, *mefremova@hse.ru*

** *Полуэктова Ольга Владимировна* — аспирант, Бременская международная высшая школа социальных наук (BIGSSS), Университет Якобса, Бремен, Германия, *olga_poluektova@hotmail.com*

Введение

Проблема бедности в современном научном и общественном дискурсе относится к числу наиболее актуальных и развивающихся областей исследований. В настоящее время отечественными социологами активно изучается феномен бедности и неравенства. Комплексные характеристики категории бедных разработаны благодаря современным работам по категоризации бедных как социальной группы [12], рассматривающим различные факторы и формы бедности [10; 13]. Также анализируются социальные представления о бедности и богатстве [1; 2], причины и портрет бедности в современном российском самосознании [4]. Помимо социально-демографического портрета бедности, авторы также изучают психологические особенности людей, пребывающих в бедности. Так, рассмотрены ценностно-нормативные системы бедных и их представления о морали [3], особенности самоконцепции различных категорий бедных, субъективное экономическое благополучие [15], формы атрибуции ответственности за бедность [6].

Исследования в области социологии бедности подчеркивают, что необходимо принимать во внимание продолжительность пребывания в бедности. Основываясь на показателях бедности по доходам и по лишениям (депривационный подход П. Таузенда), выделяют ситуационную, плавающую, хроническую и многопоколенную бедность [13]. Проанализированы последствия каждого типа бедности. Так, например, ситуационная бедность непродолжительна и быстро компенсируется без ущерба для социально-экономического положения человека в обществе, в то время как хроническая

бедность (пребывание в бедности более 4 лет) оказывает негативное влияние как на объективное экономическое положение человека, так и на его образ жизни, круг общения, поведение, систему ценностей [11; 13; 14].

В этой связи важно упомянуть детскую бедность, исследования которой активно развиваются за рубежом [22; 29; 30; 31], и в недавнее время она стала привлекать интерес отечественных исследователей [5; 7]. Несмотря на сложность операционализации данного феномена, исследователи подчеркивают необходимость научного осмысления и разработки методологических оснований для изучения детской бедности, что будет способствовать нахождению способов искоренения данного явления [5].

Пристальное внимание исследователей к проблеме детской бедности объясняется серьезностью ее негативных последствий для личности и общества в целом. Согласно статистическим данным, в России 60% семей с детьми по уровню дохода находятся ниже прожиточного уровня [9]. Зарубежные исследования в рамках психологии развития [22; 29], а также поведенческой экономики [19] свидетельствуют о значимом влиянии детского социально-экономического статуса и материальных условий семьи в период взросления на личность и ее поведение во взрослом возрасте. Так, согласно исследованию В. Гришкевичиуса и коллег [31], люди, имеющие низкий социально-экономический статус в детстве (измеряемый ретроспективно), более склонны к риску и импульсивны в неблагоприятных условиях, чем те, кто вырос в семьях с более высоким социально-экономическим статусом.

Несмотря на то, что проведенные исследования подтверждают наличие систематического влияния бедности на личность [33; 40], психологические показатели бедных и способы формирования выборов (в которые включаются «абсолютно бедные» и «относительно бедные») оказываются весьма разрозненными. Также психологические исследования профилей бедных в целом редко включают широкий набор психологических характеристик. Так, в исследованиях внимание уделялось влиянию социально-экономического статуса на доверие [32], ценности и убеждения, связанные с бедностью [3; 13], саморегуляцию [38], уровень благосостояния [15; 33], но в комплексе эффекты бедности, особенно пережитой в детском возрасте, не рассматривались. Опираясь на прошлые исследования по проблеме, нами был проведен теоретический обзор, позволивший выделить ряд основных психологических переменных, характеризующих людей, пребывающих в бедности, таких как индивидуальные ценности, самооффективность, доверие, удовлетворенность жизнью, самооценка. Эти характеристики были рассмотрены в данной работе [41].

Учитывая дефицит работ, рассматривающих роль детского статуса, в данном исследовании мы планируем выявить взаимосвязь детского и взрослого социально-экономического статуса (СЭС) с широким набором психологических характеристик личности. Данное исследование носит эксплораторный характер и ставит следующий исследовательский вопрос: Как детский и взрослый социально-экономический статус, а также их взаимодействие взаимосвязаны с психологическими характеристиками?

Обзор исследований о взаимосвязи между взрослой и детской бедностью и психологическими характеристиками личности

Бедность и психологическое благополучие. Субъективное благополучие часто используется как один из индикаторов благосостояния. Данный конструкт включает оценку различных аспектов жизни: удовлетворенность жизнью, работой и отношениями, наличие интереса и цели в жизни, здоровье [27]. Вероятно, что удовлетворенность жизнью, будучи тесно связанной с эмоциональным опытом и эмоциональной саморегуляцией [34], может быть обусловлена воздействием физических и психосоциальных стрессоров, связанных с детской бедностью [30]. Это позволяет предположить, что детский СЭС будет связан с удовлетворенностью жизнью.

Доверие и детская бедность. Большинство ученых подчеркивают, что базовая установка на доверие формируется в раннем детстве и затем выступает системным свойством, определяющим постоянные способы взаимодействия индивида с миром (К. Роджерс, Э. Эрикссон). В нашей работе мы опираемся на подход, где базовое доверие понимается как психологическое состояние, основанное на убеждении, что большинство людей являются надежными, хорошими и добрыми, действующими честно, не нанося ущерба намеренно [44].

Основываясь на исследованиях, указывающих, что базовое доверие формируется в раннем детстве и опосредовано средовыми факторами (такими как условия и качества взаимодействия с ребенком) [17; 21], а также, что доверие является ценностью, которую мы познаем на ранней стадии жизни, устойчивой

как к позитивному, так и к негативному жизненному опыту [49], мы предполагаем, что детский СЭС будет связан с уровнем базового доверия. Изменение уровня благосостояния и, соответственно, взрослый СЭС также могут быть связаны с уровнем доверия.

Бедность и индивидуальные ценности.

Индивидуальные ценности являются центральными элементами структуры личности и определяются как желаемые цели, которые мотивируют поведение человека [46]. Исследования показывают, что люди с более высоким СЭС в большей степени ценят самоактуализацию и компетентность [36; 42]. В то же время люди с более низким СЭС ценят конформность и традиции (ценности, основанные на тревоге) гораздо больше, чем те, кто обладает более высоким СЭС [45]. Вероятно, что люди с низким СЭС во взрослом возрасте будут в большей мере ориентированы на социальные ценности, в частности, ценности *Традиции*, *Конформности* и *Безопасности*, в то время как более обеспеченные люди — на ценности *Самостоятельности*, *Стимуляции* и *Достижения*.

Бедность и самооффективность.

Основным фактором, влияющим на развитие чувства самооффективности, является опыт личных достижений и успешных действий, которые отражаются в представлениях человека о своих способностях; повторяющиеся неудачи имеют обратное влияние на самооффективность [18; 19]. Другим важным фактором, влияющим на самооффективность, является положительный пример других людей [19], что скорее не свойственно среде семей с низким СЭС. Можно предположить, что самооффективность будет отрицательно связана с СЭС в детстве.

Бедность и самооценка. Психологическое благополучие тесно связано с высокой самооценкой [20]. Высокая самооценка помогает справляться со стрессом в сложных жизненных ситуациях и вырабатывать устойчивость при столкновениях с неудачами. Высокий уровень стресса — типичная характеристика бедности. Менее обеспеченным людям свойственен более низкий уровень удовлетворенности жизнью и психологического благополучия. В исследованиях М. Лири с коллегами было установлено, что чем выше уровень воспринимаемой социальной эксклюзии, тем ниже самооценка [37]. Мы предполагаем, что взрослый низкий СЭС отрицательно связан с самооценкой.

Методика исследования

Выборка и процедура. Общий объем выборки составил 350 человек, где 162 респондента — люди, находящиеся в тяжелой материальной ситуации (бедные), рекрутированные через центры помощи людям, пребывающим в бедности, и 188 человек — небедные, включая студентов. Опрос проходил в Москве и Московской области. Социально-демографические характеристики выборки представлены в табл. 1.

Из приведенной таблицы видно, что выборки бедных и небедных людей незначительно отличаются друг от друга по среднему возрасту респондента. В то же время в выборке бедных больше мужчин, меньше доля людей с высшим образованием и, естественно, значительно ниже средний доход, так как именно доход (или объективная бедность) и стал основным критерием разделения выборки на группы бедных и небедных

людей. В нашей работе для обозначения категории бедных и небедных людей во взрослом возрасте мы используем понятие «взрослый социально-экономический статус» (СЭС).

Наряду с тем, что в исследовании не контролировались объективные показатели бедности, нами было произведено сравнение средних значений по показателю уровня депривации. Так, *t*-критерий для двух независимых выборок показал, что оценки в уровне депривации были значимо выше в группе бедных ($M=3,32$, $SD=0,81$), чем в группе небедных ($M=2,03$, $SD=0,59$), $t(348)=17,02$, $p<0,001$, $d=0,67$.

Методы исследования. Исследование проводилось с помощью социально-психологического опроса. Разработанный инструментарий был предварительно адаптирован на выборке людей, пребывающих в бедности (см. [8]).

Инструментарий исследования. Индивидуальные ценности измерялись с

помощью сокращенной версии опросника «Portrait Value Questionnaire», состоящего из 14 пунктов (PVQ-R) [8; 46]. Пример: Ценность блока Самоутверждение (ресурсы) – «Для него важно быть богатым» (1 – совсем не похож на меня, 5 – очень похож на меня).

Самоэффективность измерялась с помощью обобщенной шкалы самоэффективности Generalized Self-Efficacy Scale [16]. Нами использовалась короткая версия из десяти вопросов ($\alpha=0,85$).

Самооценка была измерена с помощью шкалы самооценки Rosenberg Self-Esteem Scale [43]. Шкала состоит из десяти утверждений ($\alpha=0,88$).

Доверие было измерено с помощью шкалы General Trust Scale [50]. Шкала состоит из шести пунктов, где 1 – совсем не согласен; 5 – полностью согласен ($\alpha=0,76$).

Удовлетворенность жизнью оценивалась с помощью шкалы «Удовлетворенность жизнью» (SWLS) [26]. Шкала

Таблица 1

Социально-демографические характеристики выборки

Параметры выборки		Бедные (N=162)				Небедные (N=188)			
		N	%	Mean	SD	N	%	Mean	SD
Пол	Мужчины	98	60,5			78	41,5		
	Женщины	64	39,5			110	58,5		
Возраст	18–29 лет	19	19	41,28	11,42	29	29	34,10	13,55
	30–40 лет	53	51,5			48	48		
	41–55 лет	24	23,3			21	21		
	>55 лет	7	6,8			2	2		
Образование	Среднее	14	13,5			4	4		
	Сред. спец.	67	65,1			12	12		
	Высшее	22	21,4			84	84		
Доход	<7500	76	100	7500	.70	1	1	32000	1,36
	7500–15000		0			2	2		
	>15000		0			97	97		
Занятость			18,5				100		

состоит из пяти пунктов, где 1 — совсем не согласен; 5 — полностью согласен ($\alpha=0,87$).

Доход оценивался по одному вопросу: «Каков был ваш доход из всех источников за последний месяц?» (1 = менее 2500 рублей, 2 = 2500–7500 рублей, 3 = 7501–15000 рублей, 4 = 15001–25000 рублей, 5 = 25001–40000 рублей, 6 = 40001–60000 рублей, 7 = 60001–80000 рублей, 8 = 80001–100000 рублей, 9 = более 100000 рублей).

Депривация (в рамках деривационного подхода П. Таузенда [48]) измерялась с помощью адаптированной шкалы депривации [11], где представлены виды лишений при удовлетворении базовых потребностей из списка, включающего 9 лишений (покупка еды, одежды, лекарств, покупка необходимых вещей для дома, развлечения, приглашения и/или посещение друзей и родственников, отпуск, образовательные и медицинские услуги) (1 — никогда, 2 — редко, 3 — довольно часто, 4 — часто, 5 — очень часто).

Социально-экономический статус в детском возрасте измерялся с использованием 3 вопросов ($\alpha=0,83$) [31]. Пример: «У моей семьи обычно было достаточно денег, когда я рос» (1 — совсем не согласен, 5 — полностью согласен). В нашей работе для обозначения категории бедных и небедных людей в детстве, опираясь на прошлые исследования в данной области [31], мы используем понятие «детский социально-экономический статус» по ретроспективной оценке респондентов.

Результаты исследования были обработаны с помощью статистического пакета SPSS 20. Проведен многомерный дисперсионный анализ MANOVA и одномерный дисперсионный анализ с ковариацией ANCOVA.

Результаты исследования

Для оценки эффектов взрослого и детского социально-экономического статуса на психологические характеристики был проведен многомерный анализ с показателями взрослой и детской бедности в качестве предикторов и индивидуальных психологических характеристик в качестве зависимых переменных. Мы провели отдельные процедуры для двух наборов зависимых переменных: мотивационных (индивидуальные ценности) и когнитивных (самооценка, самоэффективность, удовлетворенность жизнью и доверие).

Так как группы бедных и небедных различаются по полу и возрасту, что потенциально могло повлиять на результаты, то мы включили пол и возраст в модель как ковариаты. Поскольку детская бедность измерялась в порядковой шкале, для включения ее в анализ мы создали категориальную переменную с тремя уровнями, используя разбивку, основанную на процентилях-группировках. Группы, которые мы получили, были следующими:

1. те, кто был бедным в детстве (между 0 и 33 процентилями, $N=92$);
2. люди со средним уровнем благосостояния (между 33 и 66 процентилями, $N=164$);
3. богатые в детстве (выше 66 процентов, $N=94$).

Мотивационный уровень. Результаты MANCOVA выявили значимый многомерный эффект взрослой бедности (Уилкс $\Lambda=0,69$, $F=25,69$ (6,337), $p<0,001$, $\eta^2=0,31$) и возраста (Уилкс $\Lambda=0,85$, $F=9,86$ (6, 337), $p<0,001$, $\eta^2=0,15$). Эффекты пола, детского статуса и взаимодействия между взрослым статусом и детским статусом были не значимыми. Последующий анализ (ANCOVA) показал значимый одномерный эффект взрослого СЭС на От-

крытость изменениям, Самопреодоление, а также возраста — на ценности Сохранения ($F=40,60$ (1, 342), $p<0,001$, $\eta^2=.11$) и Самоутверждения ($F=4,28$ (1, 342), $p=0,399$, $\eta^2=0,01$). Попарные сравнения показали, что средние баллы по Открытости изменениям и Самопреодолению были значительно ниже (табл. 2).

Когнитивный уровень. Результаты MANCOVA выявили значимый эффект многомерного взаимодействия взрослого и детского СЭС (Wilks' $\Lambda=.95$, $F=1.91$ (10; 676), $p=.041$, $\eta^2=.03$). Основные эффекты были значимыми для взрослого СЭС (Wilks's $\Lambda=.72$, $F=27.00$ (5, 338), $p<.001$, $\eta^2=.29$), детского СЭС (Уилкс $\Lambda=.91$, $F=3.41$ (10; 676), $p<0,001$, $\eta^2=0,05$) и возраста (Уилкс $\Lambda=0,94$, $F=4,70$ (5; 338), $p<0,001$, $\eta^2=0,07$). Мы отслеживали эти результаты с помощью двухсторонних ANCOVA, простого анализа эффектов и парных сравнений.

Одномерные эффекты взаимодействия взрослого и детского статуса были значимыми для доверия ($F=4,78$ (1, 342), $p=0,009$, $\eta^2=0,03$) (рис. 1) и удовлетворенности жизнью ($F=3,67$ (1, 342), $p=0,027$, $\eta^2=0,02$) (рис. 2). Простой анализ эффектов показал, что взрослый статус связан с доверием только в группах тех, кто не испытывал бедности в детстве, т.е. в груп-

пе со средним уровнем благосостояния в детстве ($F=15,04$ (1, 342), $p<.001$, $\eta^2=.04$), и состоятельной группе ($F=18.76$ (1, 342), $p<.001$, $\eta^2=.05$). В этих группах участников средний уровень доверия был значительно ниже у тех, кто стал бедным во взрослом возрасте. В то же время уровень доверия тех, кто был бедным в детском возрасте (имел низкий СЭС в детстве), независимо от того, остались ли они в бедности или сумели ее избежать, не различался. Кроме того, мы обнаружили, что взрослый СЭС выступает значимым предиктором удовлетворенности жизнью во всех трех группах: тех, кто был бедным в детстве ($F=6,70$ (2, 342), $p=0,010$, $\eta^2=0,02$), со средним уровнем богатства в детстве ($F=53,26$ (2, 342), $p<0,001$, $\eta^2=.14$), а также тех, кто провел детство в состоятельной семье ($F=33,28$ (2, 342), $p<0,001$, $\eta^2=0,09$). Однако эффект детского статуса на удовлетворенность жизнью был значимым только в группе небедных людей в зрелом возрасте ($F=10,90$ (2, 342), $p<0,001$, $\eta^2=0,06$). Средний уровень удовлетворенности жизнью у тех, кто имел низкий детский статус, но в последующие годы избежал бедности, был значительно ниже, чем в группах тех, кто не испытывал бедности на протяжении всей своей жизни.

Таблица 2

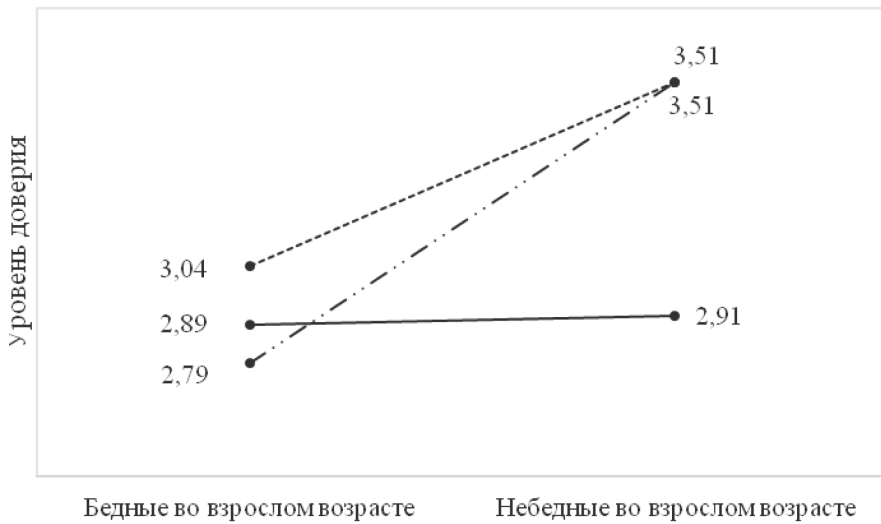
Одномерные эффекты взрослого социально-экономического статуса на психологические характеристики мотивационного уровня

	df	F	η^2	p	Mean (SD)	
					Бедные во взрослом возрасте ^a	Небедные во взрослом возрасте ^b
Открытость изменениям	1	51.05	.130	<.001	3.67(0.72)	4.22(0.45)
Самопреодоление	1	24.72	.067	<.001	3.80(0.72)	4.18(0.52)
Сохранение	1	0.28	.001	.597	3.50(0.78)	3.35(0.70)
Самоутверждение	1	1.26	.004	.262	3.17(0.73)	3.31(0.65)

Примечание. Чтобы уменьшить вероятность ошибки 1 типа, использовалась коррекция Бонферрони ($p < .05$). ^aN=162. ^bN=188

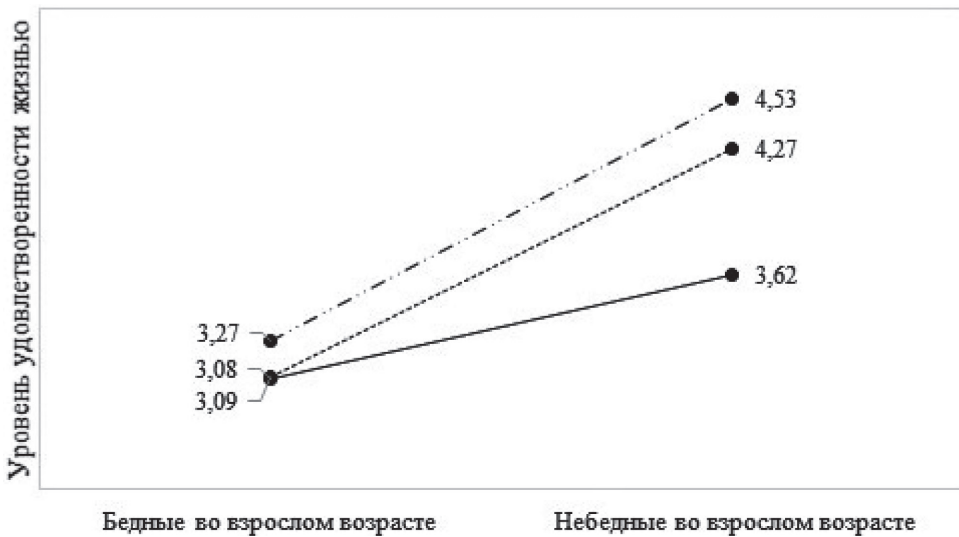
Результаты ANCOVA также показали значимый одномерный эффект взросло-

го СЭС на самооценку, детского СЭС — на самооффективность, возраста — на

—●— Бедные в детстве ---●--- Средний уровень достатка в детстве -●- Богатые в детстве

Рис. 1. Взрослая и детская бедность (СЭС): интеракция на уровень доверия

—●— Бедные в детстве ---●--- Средний уровень достатка в детстве -●- Богатые в детстве

Рис. 2. Взрослая и детская бедность (СЭС): интеракция на удовлетворенность жизнью

удовлетворенность жизнью ($F=12.45$ (1, 342), $p<.001$, $\eta^2=.04$). Парное сравнение с использованием коррекции Бонферрони показало, что группа лиц со средними доходами в детстве значимо не отличалась по показателям самооэффективности от бедных и богатых групп (табл. 3). Средние баллы по самооценке были значимо ниже в группе бедных участников, а средние баллы по самооэффективности – в группе тех, кто испытал бедность в детстве, по сравнению с теми, кто в детстве был богат (табл. 4).

Результаты MANCOVA выявили значимый многомерный эффект взрослого СЭС (Уилкс $\Lambda=0,69$, $F=25,69$ (6,337), $p<0,001$, $\eta^2=0,31$) и возраста (Уилкс $\Lambda=0,85$, $F=9,86$ (6, 337), $p<0,001$, $\eta^2=0,15$). Эффекты пола, детского статуса и взаимодействия между взрослым и детским статусом были не значимыми. Последу-

ющий анализ (ANCOVA) показал значимый одномерный эффект взрослого статуса на ценности Открытости изменениям, Самопреодоления, а также возраста на ценности Сохранения ($F=40,60$ (1, 342), $p<0,001$, $\eta^2=.11$) и Самоутверждения ($F=4,28$ (1, 342), $p=0,399$, $\eta^2=0,01$).

Обсуждение результатов

Наше исследование сфокусировано на изучении взаимосвязи детского и взрослого социально-экономического статуса, а также их взаимодействия с такими психологическими характеристиками, как доверие, удовлетворенность жизнью, самооценка, самооэффективность и индивидуальные ценности.

Взаимосвязь детского и взрослого социально-экономического статуса с удов-

Таблица 3

Одномерный эффект взрослого социально-экономического статуса на психологические характеристики

	df	F	η^2	p	Mean (SD)	
					Бедные во взрослом возрасте (a)	Небедные во взрослом возрасте (b)
Самооценка	1	95.21	.218	<.001	2.55(0.41)	3.02(0.41)
Самооэффективность	1	1.02	.003	.313	2.87(0.46)	2.94(0.37)

Примечание. Чтобы уменьшить вероятность ошибки 1 типа, использовалась коррекция Бонферрони ($p<.05$). ^a N=162. ^b N=188.

Таблица 4

Одномерный эффект детского социально-экономического статуса на психологические характеристики

	df	F	η^2	p	Mean (SD)		
					Бедные в детстве (a)	Средний уровень достатка в детстве (b)	Богатые в детстве (c)
Самооценка	2	0.88	.005	.417	2.76(0.42)	2.78(0.37)	2.88(0.48)
Самооэффективность	2	4.69	.027	.010	2.79(0.41) c	2.92(0.39)	2.99(0.44) a

Примечание. Чтобы уменьшить вероятность ошибки 1 типа, использовалась коррекция Бонферрони ($p<.05$). ^a N=92. ^b N=164. ^c N=94

летворенностью жизнью. Выявлено, что взрослый социально-экономический статус связан с удовлетворенностью жизнью, независимо от уровня благосостояния семьи, в которой индивид провел детство. Однако социально-экономический статус в детстве значимо связан с удовлетворенностью жизнью только в группе небедных людей. Средний уровень удовлетворенности жизнью у тех, кто охарактеризовал свое детство бедным, но в последующие годы избежал бедности, был значительно ниже, чем в группах тех, кто не испытывал бедности на протяжении всей своей жизни. Удовлетворенность жизнью у тех, кто имел низкий социально-экономический статус в детстве, ниже, чем у тех, кто не испытывал бедность никогда. Предшествующие исследования психологического благополучия демонстрируют, что изменение уровня благосостояния, например, заметное понижение или повышение дохода, оказывает существенное влияние на психологическое благополучие личности, но лишь на короткий промежуток времени, по прошествии которого субъективное благополучие возвращается на прежний уровень [25]. Как упоминалось ранее, субъективное благополучие тесно связано с эмоциональным опытом и эмоциональной саморегуляцией и, вероятно, обусловлено воздействием физических и психосоциальных стрессоров, связанных с детской бедностью [30; 34]. Полученные значимые различия в удовлетворенности жизнью у тех, кто по ретроспективной оценке своего социально-экономического статуса в детстве имел опыт пребывания бедности, и тех, кто не испытывал бедность никогда, подтверждают наше предположение о взаимосвязи детского социально-экономического статуса в период взросления с удовлетворенностью жизнью во взрослом возрасте.

Взаимосвязь детского и взрослого социально-экономического статуса и доверия. Результаты анализа показали, что взрослый социально-экономический статус связан с доверием только у тех, кто не имел низкий социально-экономический статус в детстве, т.е. по ретроспективной оценке не был бедным в детстве. В прошлых исследованиях показано, что базовое доверие выступает одним из важнейших компонентов удовлетворенности жизнью: заметное понижение дохода оказывает существенное негативное влияние на психологическое благополучие личности [27], тем самым снижая общий уровень доверия. Предыдущие исследования демонстрируют негативные последствия снижения материального уровня жизни для представлений бедных о себе и их самоуважения [23; 25], что также влечет за собой снижение уровня психологического благополучия [20] и, как следствие, уровня доверия. Также исследование, посвященное изучению переживания бедности россиянами в период экономических реформ 90-х гг., показывает, что бедным свойственны низкий уровень диспозиционной надежды на положительные изменения в будущем, низкая вера в справедливый мир [6].

Выявлено, что уровень доверия тех, кто имел низкий социально-экономический статус в детстве (был бедным в детстве), независимо от изменения статуса во взрослом возрасте, не изменяется. Этот результат пересекается с исследованиями, подчеркивающими важность в раннем детстве условий и качества взаимодействия с ребенком в формировании привязанности и, как следствие, базового доверия [21]. Отмечается, что нарушения привязанности могут возникнуть при нарушении семейного функционирования, различных травмирующих ситуациях

[17], в числе которых — бедность. Полученный результат может лечь в основу будущих исследований, направленных на прояснение и выявление взаимосвязи социально-экономического статуса в детстве с психологическими характеристиками личности.

Взаимосвязь детского и взрослого социально-экономического статуса с индивидуальными ценностями личности. В нашем исследовании выявлено, что ценности Открытости изменениям и Самопреодоления различаются в зависимости от взрослого социально-экономического статуса. Ценности Открытости изменениям (*Самостоятельность и Стимуляция*) и Самопреодоления (*Универсализм, Благожелательность*) менее важны для индивидов с низким экономическим статусом, что подтверждается теорией потребностей А. Маслоу. Согласно данной теории, ценности, направленные на личностный рост (такие, как самоактуализация), развиваются только в том случае, когда ценности более низкого уровня, основанные на тревожности и фрустрации, уже удовлетворены [39]. Обнаруженная взаимосвязь между взрослой бедностью и ценностями Открытости изменениям и Самопреодоления согласуется также с результатами более ранних исследований, где показано, что люди с более высоким социально-экономическим статусом более самостоятельны, открыты новому, больше заботятся об окружающей среде [36]. Кроме того, исследования ценностей на уровне культуры показывают, что материалистические ценности преобладают в бедных странах, в то время как ценности постматериализма, в том числе стремление к равенству и терпимость по отношению к другим людям и группам, более распространены в экономически развитых странах [35].

Нами не была обнаружена взаимосвязь социально-экономического статуса в детстве с индивидуальными ценностями. Возможно, это связано с тем, что детский статус и индивидуальные ценности являются категориями разного порядка, и данный дизайн исследования не позволяет проследить взаимосвязь.

Взаимосвязь детского и взрослого социально-экономического статуса с самооценкой. Анализ полученных результатов позволил выявить связь взрослого социально-экономического статуса с самооценкой. Средние баллы по самооценке ниже в группе бедных участников, что подтверждается рядом прошлых исследований. Ввиду того, что самооценка является одним из аспектов субъективного благополучия, которое ниже у людей с низким доходом [23; 25], вполне закономерно, что уровень самооценки значительно ниже в группе бедных. Имеющиеся в обществе негативные установки по отношению к бедным и их социальная эксклюзия негативно сказываются на представлениях бедных о себе и их самоуважении. Низкий уровень самоуважения также обнаружен в группе бедных в исследовании К. Муздыбаева, где изучалось переживание россиянами бедности [6].

Взаимосвязь детского и взрослого социально-экономического статуса с самоофективностью. В рамках проведенного исследования найдена положительная взаимосвязь между экономическим статусом в детстве и самоофективностью. Показатели по самоофективности были значительно ниже в группе тех, кто имел низкий социально-экономический статус в детстве, по сравнению с теми, кто провел детство в обеспеченной семье. Сделанный нами вывод о негативных последствиях детской бедности для формирования убеждений относительно своей

эффективности подтверждается положениями теории самоэффективности: положительный опыт — один из ключевых факторов формирования самоэффективности [19; 47].

Выводы

Обобщая результаты проведенного исследования, можно сделать следующие выводы. Обнаружены различия между группами бедных и небедных в уровне самооценки, самоэффективности и индивидуальных ценностях в зависимости от взрослого и детского социально-экономического статуса. Детский статус связан с таким психологическим измерением, как самоэффективность. Показатели самооэффективности значительно ниже в группе тех, кто имел низкий социально-экономический статус (по ретроспективной оценке, испытывал бедность в детстве), по сравнению с теми, кто провел детство в обеспеченной семье. Выявлена взаимосвязь изменения статуса с удовлетворенностью жизнью и доверием: удовлетворенность жизнью у тех, кто испытал бедность в детстве, но в последние годы избежал бедности, значительно ниже, чем в группах тех, кто не испытывал бедности на протяжении всей своей жизни. Взрослая бедность связана с уровнем доверия только у тех, кто не испытывал бедности в детстве (т.е. представителей группы со средним уровнем благосостояния в детстве). В этой группе участников средний уровень доверия был значительно ниже у тех, кто стал бедным во взрослом возрасте. В то же время обнаружено, что у тех, кто был бедным в детском возрасте, независимо от того, изменился или нет

их экономический статус, уровень доверия не отличается.

Выявлена взаимосвязь взрослого социально-экономического статуса с индивидуальными ценностями. Группы бедных и небедных людей значимо отличаются по выраженности ценностей Открытости изменениям и Самопреодоления, которая оказалась значительно ниже в группе бедных участников. Нами не была обнаружена связь детского социально-экономического статуса с индивидуальными ценностями.

Таким образом, в рамках данной поисковой работы был расширен анализ феномена взрослого и детского социально-экономического статуса в контексте его взаимосвязи с различными психологическими характеристиками личности. Однако ограничением данного исследования является ретроспективный способ измерения детского социально-экономического статуса. На ретроспективную оценку своего детского статуса может оказывать влияние ряд таких побочных факторов, как погрешности припоминания, изменение отношения к событиям прошлого, например, вследствие своего текущего социально-экономического статуса. В то же время прошлые исследования подтвердили тесную связь между ретроспективным детским социально-экономическим статусом и фактическим детским социально-экономическим статусом [24; 31], что подтверждает обоснованность полученных результатов. Необходимы дальнейшие лонгитюдные исследования, которые будут способствовать расширению знаний о роли детской бедности, фактических, а также психосоциальных условий проживания в детстве в формировании психологических особенностей личности, жизненных стратегий, моделей поведения.

Финансирование

Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Благодарности

Авторы благодарят за помощь в реализации исследования Сегера Брейгельманса (Университет Тилбурга).

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Богатство и бедность в представлениях россиян // Социологические исследования. 2004. №. 3. С. 16–21.
2. Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Конструирование социальных проблем в СМИ и в представлениях граждан (на примере бедности) [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2015. №. 39 (8). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n39/1085-emelyanova39.html> (дата обращения: 20.05.2019).
3. Мареева С.В. О ценностных установках и особенностях морали бедных // Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихонова. М.: Весь мир, 2014. С. 171–190. 320 с.
4. Мареева С.В., Тихонова Н.Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России: Социология, этнология. 2016. № 25 (4). С. 37–67.
5. Митрофанова С.Ю. Детская бедность: социологические теории детства как основа исследования проблемы // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2010. № 1 (75). С. 32–37.
6. Муздыбаев К. Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегия совладания и индикаторы депривации // Социологический журнал. 2001. №. 1. С. 5–32.
7. Овчарова Л. Н. Анализ положения детей в Российской Федерации: на пути к обществу равных возможностей [Электронный ресурс] // Совместный доклад Независимого института социальной политики и Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ). 2011. С. 1–38. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/zswq512tsm/direct/120052552> (дата обращения: 10.07.2019).
8. Полуэктова О.В., Ефремова М.В. Адаптация инструментария социально-психологического исследования на выборке людей, пребывающих в бедности // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 179–203. doi:10.17759/sps.2018090212
9. Российский статистический ежегодник — 2016 [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_13/Main.htm (дата обращения: 12.07.2019).
10. Слободенюк Е.Д., Аникин В.А. Где пролегает «черта бедности» в современной России? // Вопросы экономики. 2018. № 1. С. 104–127.
11. Слободенюк, Е.Д. Особенности и структура социальной группы бедных в современной России // Terra Economicus. 2014. № 12 (4). С. 114–129.

12. Тихонова Н.Е. Гетерогенность бедности в современной России // Бедность и бедные в современной России / Под ред. Н.Е. Тихоновой, М.К. Горшкова. М.: Весь мир, 2014. 320 с.
13. Тихонова Н.Е. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 7–19.
14. Тихонова Н.Е. Низший класс в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 24–35.
15. Хащенко В.А. Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация // Экспериментальная психология. 2011. Том 4. № 1. С. 106–127.
16. Шварцер Р., Ерусалем, М., Ромек В. Русская версия шкалы общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 71–77.
17. Ainsworth M.D. S. Attachment: Retrospect and prospect // The place of attachment in human behavior / In Parkes C.M., Stevenson-Hinde J. (eds.). New York: Basic books, 1982. P. 3–30.
18. Bandura A. Perceived Self-Efficacy in Cognitive Development and Functioning // Educational Psychologist. 1993. Vol. 28(2). P. 117–148. doi: 10.1207/s15326985ep2802_3
19. Bandura A., Barbaranelli C., Caprara G., Pastorelli C. Multifaceted Impact of Self-Efficacy Beliefs on Academic Functioning // Child Development. 1996. Vol. 67 (3). P. 1206–1222. doi: 10.2307/1131888
20. Baumeister R. Rethinking Self-Esteem: Why Nonprofits Should Stop Pushing Self-Esteem and Start Endorsing Self-Control // Stanford Social Innovation Review. 2005. Vol. 3 (4). P. 34–41.
21. Bowlby J. Attachment and Loss. Vol.1: Attachment. Basic Books, 1969. 312 p.
22. Brooks-Gunn J., Duncan G.J. The effects of poverty on children // The future of children. 1997. Vol. 7 (2). P. 55–71. doi: 10.2307/1602387
23. Clark A.E., Oswald A.J. Satisfaction and Comparison Income // Journal of public Economics. 1996. Vol. 61. P. 359–381. doi: 10.1016/0047-2727(95)01564-7
24. Cohen S., Janicki-Deverts, D., Chen E., Matthews K.A. Childhood socioeconomic status and adult health // Annals of the New York Academy of Sciences. 2010. №. 1186 (1). P. 37–55. doi: 10.1111/j.1749-6632.2009.05334
25. Diener E., Oishi S., Lucas R. Personality, culture, and subjective well-being: Emotional and cognitive evaluations of life // Annual Review of Psychology. 2003. Vol. 54 (1). P. 403–425.
26. Diener E.D., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The satisfaction with life scale // Journal of Personality Assessment. 1985. Vol. 49 (1). P. 71–75.
27. Diener E., Ryan K. Subjective well-being: A general overview // South African Journal of Psychology. 2009. Vol. 39 (4). P. 391–406. doi: 10.1177/008124630903900402
28. Duncan G.J., Yeung W.J., Brooks-Gunn J., Smith J.R. How much does childhood poverty affect the life chances of children? // American sociological review. 1998. Vol. 63 (3). P. 406–423.
29. Evans G.W. The environment of childhood poverty // American Psychologist. 2004. Vol. 59 (2). P. 77–92.
30. Evans G.W., Kim P. Childhood poverty, chronic stress, self-regulation, and coping // Child Development Perspectives. 2013. Vol. 7 (1). P. 43–48.

31. *Griskevicius V., Ackerman J.A., Cantu S.M., Delton A.W., Robertson T.E., Simpson J.A., Tybur J.M.* When the economy falters, do people spend or save? Responses to resource scarcity depend on childhood environment // *Psychological Science*. 2013. Vol. 24. P. 197–205. doi: 10.1177/0956797612451471
32. *Hamamura T.* Are cultures becoming individualistic? A cross-temporal comparison of individualism–collectivism in the United States and Japan // *Personality and Social Psychology Review*. 2012. Vol. 16 (1). P. 3–24.
33. *Haushofer J., Fehr E.* On the psychology of poverty // *Science*. 2014. Vol. 344(6186). P. 862–867. doi:10.1126/science.1232491
34. *Hofmann W., Schmeichel B.J., Baddeley A.D.* Executive functions and self-regulation // *Trends in cognitive sciences*. 2012. Vol. 16 (3). P. 174–180. doi: 10.1016/j.tics.2012.01.006
35. *Inglehart R.* *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. New Jersey: Princeton University Press, 1997. 464 p.
36. *Kohn M.L., Schooler C.* Job conditions and personality: A longitudinal assessment of their reciprocal effects // *American Journal of Sociology*. 1982. Vol. 87. P. 1257–1286. doi:10.1086/227593
37. *Leary M.R., Tambor E.S., Terdal S.K., Downs D.L.* Self-esteem as an interpersonal monitor: The sociometer hypothesis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 68. P. 518–530. doi: 10.1037/0022-3514.68.3.518
38. *Mani A., Mullainathan S., Shafir E., Zhao J.* Poverty Impedes Cognitive Function // *Science*. 2013. Vol. 341. P. 976–980. doi: 10.1126/science.1238041
39. *Maslow A.* *Motivation and personality*. 3rd ed. New York: Harper and Row, 1987. 293 p.
40. *Pepper G.V., Nettle D.* The behavioural constellation of deprivation: causes and consequences // *Behavioral and Brain Sciences*. 2017. P. 1–72. doi: 10.1017/S0140525X1600234X
41. *Poluektova O., Efremova M., Breugelmanns S.* Poverty and psychology // Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP. 2015. Vol. 49. doi: 10.2139/ssrn.2699103
42. *Rokeach M.* *The nature of human values*. New York: Free Press, 1973. 438 p.
43. *Rosenberg M.* Rosenberg self-esteem scale (RSE). Acceptance and commitment therapy. Measures package. 1965. Vol. 61. 52 p.
44. *Rosenberg M.* Misanthropy and Political Ideology // *American Sociological Review*. 1956. Vol. 21. P. 690–695.
45. *Schwartz S.H.* Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1992. Vol. 25. P. 1–65. doi: 10.1016/S0065-2601(08)60281-6
46. *Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Ramos A., Verkasalo M., Lönnqvist J.-E., Demirutku K., Dirilen-Gumus O., Konty M.* Refining the theory of basic individual values // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 103 (4). P. 663–688. doi:10.1037/a0029393
47. *Townsend P.* Meaning of Poverty. *The British Journal of Sociology*. 2010. Vol. 61. P. 85–102. doi:10.2307/587266
48. *Uslaner E.M.* *The moral foundations of trust*. New York: Cambridge University Press, 2002. 298 p.
49. *Yamagishi T., Yamagishi M.* Trust and commitment in the United States and Japan // *Motivation and Emotion*. 1994. Vol. 18 (2). P. 129–166.

The relationship of adult and childhood poverty with the individual psychological characteristics

M. V. EFREMOVA*,
NRU HSE, Moscow, Russia,
mefremova@hse.ru

O. V. POLUEKTOVA**,
Jacobs University, Bremen, Germany,
olga_poluektova@hotmail.com

In this paper examines the effects of low socioeconomic status in adulthood and in childhood on psychological characteristics, such as individual values, self-efficacy, self-esteem, psychological well-being and trust. The sample included people with low socio-economic status (namely poor) (N=162) and non-poor (N=188). Measurement of children's socio-economic status was carried out by retrospective assessment. The results showed that values and self-esteem differ depending on the adult SES. The results revealed the significant effect of adult and childhood SES for trust and life satisfaction. The analysis revealed that adult status had a significant impact on trust only in the groups of those who did not experience poverty in childhood, i.e. the group with average levels of wealth in childhood, and the wealthy group. In conclusion, our study revealed the impact of childhood and adult SES on various individual psychological characteristics.

Keywords: SES, environmental factors, child poverty, adult poverty, self-efficacy, self-esteem, life satisfaction, trust.

Funding

The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program and funded by the Russian Academic Excellence Project '5-100'.

Acknowledgements

The authors are grateful for assistance in study implementation to Seger Breugelmans (Tilburg University).

REFERENCES

1. Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. Bogatstvo i bednost' v predstavleniyakh rossiyan [Wealth and poverty in the views of Russians]. *Sotsiologicheskije issledovaniya* [Sociological studies], 2004, no. 3, pp. 16–21. (In Russ.)

For citation:

Efremova M.V., Poluektova O.V. The relationship of adult and childhood poverty with the individual psychological characteristics. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019. Vol. 10. no. 3, pp. 118–136. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100308

* Efremova Maria V. – PhD in Psychology, Senior Research Fellow, International laboratory for sociocultural research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, mefremova@hse.ru

** Poluektova Olga V. – PhD Student, Bremen International Graduate School of Social Sciences, Jacobs University, Bremen, Germany, olga_poluektova@hotmail.com

2. Emel'yanova T.P., Drobysheva T.V. Konstruirovaniye sotsial'nykh problem v SMI i v predstavleniyakh grazhdan (na primere bednosti) [Elektronnyi resurs] [Construction of social problems in the media and in the perceptions of citizens (in case of poverty)]. *Psikhologicheskie issledovaniya: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Psychological research: electronic scientific journal], 2015, no. 39(8). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n39/1085-emelyanova39.html> (Accessed 20.05.2019).
3. Mareeva S.V. O tsennostnykh ustanovkakh i osobennostyakh morali bednykh [About value attitudes and peculiarities of the morality of the poor]. In Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. (ed.) *Bednost' i bednye v sovremennoi Rossii* [Poverty and the poor in modern Russia]. Moscow: Ves' mir, 2014, pp. 171–190.
4. Mareeva S.V., Tikhonova N.E. Bednost' i sotsial'nye neravenstva v Rossii v obshchestvennom soznanii [Poverty and social inequalities in Russia in the public consciousness]. *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya* [World of Russia: Sociology, Ethnology], 2016, no. 25 (4), pp. 37–67.
5. Mitrofanova S.U. Detskaya bednost': sotsiologicheskie teorii detstva kak osnova issledovaniya problemy [Childhood poverty: sociological theories of childhood as the basis for researching the problem]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology], 2010, no. 1(75), pp. 32–37.
6. Muzdybaev K. Perezhivaniye bednosti kak sotsial'noi neudachi: atributsiya otvetstvennosti, strategiya sovladaniya i indikatory deprivatsii [The experience of poverty as a social failure: responsibility attribution, coping strategies and indicators of deprivation]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Journal of Sociology], 2001, no. 1, pp. 5–32.
7. Ovcharova L.N. Analiz polozheniya detei v Rossiiskoi Federatsii: na puti k obshchestvu ravnnykh vozmozhnostei [Elektronnyi resurs] [Analysis of the situation of children in the Russian Federation: towards an equal opportunity society]. Sovmestnyi doklad Nezavisimogo instituta sotsial'noi politiki i Detskogo fonda OON (YuNISEF) [Joint Report of the Independent Institute for Social Policy and the United Nations Children's Fund (UNICEF)], 2011, pp. 1–38. Available at: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/zswq512tsm/direct/120052552> (Accessed 10.07.2019).
8. Poluektova O.V., Efremova M.V. Adapting a psychological instrument on the “hard-to-survey” population: the case of poor people in Russia. *Sotsial'naiya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 179–203. doi:10.17759/sps.2018090212. (In Russ., abstr. in Engl.)
9. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik 2016 [Elektronnyj resurs] [Russian statistical yearbook – 2016]. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_13/Main.htm (Accessed: 12.07.2019).
10. Slobodenyuk E.D., Anikin V.A. Gde prolegaet «cherta bednosti» v sovremennoi Rossii? [Where is the “poverty line” in modern Russia?]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2018, no. 1, p. 104–127.
11. Slobodenyuk, E.D. Osobennosti i struktura sotsial'noi gruppy bednykh v sovremennoi Rossii [Features and structure of the social group of the poor in modern Russia]. *Terra Economicus*, 2014, no. 12(4), pp. 114–129.
12. Tikhonova N.E. Geterogenost' bednosti v sovremennoi Rossii [Heterogeneity of poverty in modern Russia]. In Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. (ed.) *Bednost' i bednye v sovremennoi Rossii* [Poverty and the poor in modern Russia]. Moscow: Ves' mir, 2014, pp. 13–37.

13. Tikhonova N.E. Fenomen bednosti v sovremennoi Rossii [The phenomenon of poverty in modern Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2014, no. 1, pp. 7–19.
14. Tikhonova N.E. Nizshii klass v sotsial'noi strukture rossiiskogo obshchestva [Lower class in the social structure of Russian society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2011, no. 5, pp. 24–35.
15. Khashchenko V.A. Subjective economic well-being and its measurement: constructing and validating a questionnaire. *Eksperimental'naâ psihologiâ* [Experimental Psychology (Russia)], 2011. Vol. 4, no. 1, pp. 106–127. (In Russ., abstr. in Engl.)
16. Shvarcer R. Erusalem M. Romek V. Russkaya versiya shkaly obshchei samoehffektivnosti R.S. Shvarcera i M. Erusalema [Russian version of the scale of general self-efficacy of R. Schwarzer and M. Erusalem]. *Inostrannaya psihologiya* [Foreign psychology], 1996, no. 7, pp. 71–77.
17. Ainsworth M.D.S. Attachment: Retrospect and prospect. In Parkes C.M., Stevenson-Hinde J. (eds.). *The place of attachment in human behavior*. New York: Basic books, 1982, pp. 3–30.
18. Bandura A. Perceived Self-Efficacy in Cognitive Development and Functioning. *Educational Psychologist*, 1993. Vol. 28 (2), pp. 117–148. doi: 10.1207/s15326985ep2802_3
19. Bandura A., Barbaranelli C., Caprara G., Pastorelli C. Multifaceted Impact of Self-Efficacy Beliefs on Academic Functioning. *Child Development*, 1996. Vol. 67 (3), pp. 1206–1222. doi: 10.2307/1131888
20. Baumeister R. Rethinking Self-Esteem: Why Nonprofits Should Stop Pushing Self-Esteem and Start Endorsing Self-Control. *Stanford Social Innovation Review*, 2005. Vol. 3 (4), pp. 34–41.
21. Bowlby J. Attachment and Loss. Vol.1: Attachment. Basic Books, 1969. 312 p.
22. Brooks-Gunn J., Duncan G.J. The effects of poverty on children. *The future of children*, 1997. Vol. 7 (2), pp. 55–71. doi: 10.2307/1602387
23. Clark A.E., Oswald A.J. Satisfaction and Comparison Income. *Journal of public Economics*, 1996. Vol. 61, pp. 359–381. doi: 10.1016/0047-2727(95)01564-7
24. Cohen S., Janicki-Deverts, D., Chen E., Matthews K.A. Childhood socioeconomic status and adult health. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 2010, no. 1186 (1), pp. 37–55. doi: 10.1111/j.1749-6632.2009.05334
25. Diener E., Oishi S., Lucas R. Personality, culture, and subjective well-being: Emotional and cognitive evaluations of life. *Annual Review of Psychology*, 2003. Vol. 54 (1), pp. 403–425.
26. Diener E.D., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The satisfaction with life scale. *Journal of Personality Assessment*, 1985. Vol. 49 (1), pp. 71–75.
27. Diener E., Ryan K. Subjective well-being: A general overview. *South African Journal of Psychology*, 2009. Vol. 39(4), pp. 391–406. doi: 10.1177/008124630903900402
28. Duncan G.J., Yeung W.J., Brooks-Gunn J., Smith J.R. How much does childhood poverty affect the life chances of children? *American sociological review*, 1998. Vol. 63(3), pp. 406–423.
29. Evans G.W. The environment of childhood poverty. *American Psychologist*, 2004. Vol. 59 (2), pp. 77–92.
30. Evans G.W., Kim P. Childhood poverty, chronic stress, self-regulation, and coping. *Child Development Perspectives*, 2013. Vol. 7 (1), pp. 43–48.
31. Griskevicius V., Ackerman J.A., Cantu S.M., Delton A.W., Robertson T.E., Simpson J.A., Tybur J.M. When the economy falters, do people spend or save? Responses

- to resource scarcity depend on childhood environment. *Psychological Science*, 2013. Vol. 24, pp. 197–205. doi: 10.1177/0956797612451471
32. Hamamura T. Are cultures becoming individualistic? A cross-temporal comparison of individualism–collectivism in the United States and Japan. *Personality and Social Psychology Review*, 2012. Vol. 16 (1), pp. 3–24.
33. Haushofer J., Fehr E. On the psychology of poverty. *Science*, 2014. Vol. 344 (6186), pp. 862–867. doi:10.1126/science.1232491
34. Hofmann W., Schmeichel B.J., Baddeley A.D. Executive functions and self-regulation. *Trends in cognitive sciences*, 2012. Vol. 16 (3), pp. 174–180. doi:10.1016/j.tics.2012.01.006
35. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. New Jersey: Princeton University Press, 1997. 464 p.
36. Kohn M.L., Schooler C. Job conditions and personality: A longitudinal assessment of their reciprocal effects. *American Journal of Sociology*, 1982. Vol. 87, pp. 1257–1286. doi:10.1086/227593
37. Leary M.R., Tambor E.S., Terdal S.K., Downs D.L. Self-esteem as an interpersonal monitor: The sociometer hypothesis. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1995. Vol. 68, pp. 518–530. doi: 10.1037/0022-3514.68.3.518
38. Mani A., Mullainathan S., Shafir E., Zhao J. Poverty Impedes Cognitive Function. *Science*, 2013. Vol. 341, pp. 976 – 980. doi: 10.1126/science.1238041
39. Maslow A. *Motivation and personality*. 3rd ed. New York: Harper and Row, 1987. 293 p.
40. Pepper G.V., Nettle D. The behavioural constellation of deprivation: causes and consequences. *Behavioral and Brain Sciences*, 2017, pp. 1–72. doi:10.1017/S0140525X1600234X
41. Poluektova O., Efremova M., Breugelmanns S. Poverty and psychology. *Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP*, 2015. Vol. 49. doi:10.2139/ssrn.2699103
42. Rokeach M. *The nature of human values*. New York: Free Press, 1973. 438 p.
43. Rosenberg M. Rosenberg self-esteem scale (RSE). Acceptance and commitment therapy. Measures package, 1965. Vol. 61. 52 p.
44. Rosenberg M. Misanthropy and Political Ideology. *American Sociological Review*, 1956. Vol. 21, pp. 690–695.
45. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, 1992. Vol. 25, pp. 1–65. doi: 10.1016/S0065-2601(08)60281-6
46. Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Ramos A., Verkasalo M., Lönnqvist J.-E., Demirutku K., Dirilen-Gumus O., Konty M. Refining the theory of basic individual values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2012. Vol. 103 (4), pp. 663–688. doi:10.1037/a0029393
47. Townsend P. Meaning of Poverty. *The British Journal of Sociology*, 2010. Vol. 61, pp. 85–102. doi:10.2307/587266
48. Uslaner E.M. *The moral foundations of trust*. New York: Cambridge University Press, 2002. 298 p.
49. Yamagishi T., Yamagishi M. Trust and commitment in the United States and Japan. *Motivation and Emotion*, 1994. Vol. 18 (2), pp. 129–166.

Социальная идентичность и ценностные ориентации у приемных родителей с разным количеством детей

А.А. АЛДАШЕВА*,
ИП РАН, Москва, Россия,
aigulmama@mail.ru

М.Е. ЗЕЛЕНОВА**,
ИП РАН, Москва, Россия,
mzelenova@mail.ru

О.Н. СИВАШ***,
ИП РАН, Москва, Россия,
maiskya@gmail.com

Статья посвящена исследованию особенностей социальной идентичности и ценностных ориентаций профессиональных приемных родителей. Результаты проведенного эмпирического исследования показали наличие достоверных взаимосвязей между количеством детей-сирот, принятых в семью на воспитание, структурой позитивной социальной идентичности и ценностными ориентациями приемных родителей. Установлено, что с увеличением числа детей в семье наблюдается тенденция к нарастанию признаков социального маргинализма, снижению структурированности и целостности социальной идентичности приемных родителей, появлению трудностей при выделении референтных социальных групп. Показано, что многодетные приемные родители преимущественно выбирают для идентификации группы по критериям, связанным с профессией, и в меньшей степени ориентированы на группы ближнего круга общения. Установлено, что иерархия ценностей многодетных приемных родителей достоверно отличается от ценностного профиля приемных родителей с одним-двумя воспитанниками.

Для цитаты:

Алдашева А.А., Зеленова М.Е., Сиваш О.Н. Социальная идентичность и ценностные ориентации у приемных родителей с разным количеством детей // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 3. С. 137–156. doi:10.17759/sps.2019100309

* *Алдашева Айгуль Абдулхаевна* — доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия, *aigulmama@mail.ru*

** *Зеленова Марина Евгеньевна* — кандидат психологических наук, научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия, *mzelenova@mail.ru*

*** *Сиваш Ольга Николаевна* — кандидат психологических наук, ассоциированный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия, *maiskya@gmail.com*

Ключевые слова: социальная идентичность, позитивная личностная идентификация, жизненные ценности, профессиональные приемные родители, дети-сироты.

Введение

В связи с реализацией социальной политики государства, направленной на семейное устройство детей, оставшихся без попечения взрослых, проблемы, возникающие в ходе воспитания детей-сирот в приемной семье, приобрели особую актуальность и практическую значимость. Глава Минпросвещения России Ольга Васильева в интервью представителям СМИ объявила, что Министерство просвещения Российской Федерации рассматривает законодательную инициативу, предполагающую ужесточение требований к кандидатам в приемные родители и сокращение допустимого числа принимаемых на воспитание одной семьей детей [16].

Приемная семья является малой социальной группой, которую можно рассматривать как своеобразную микромодель общества, имеющую свои границы, структуру, особенности внутригруппового взаимодействия, и в которой вырабатываются определенные этические нормы, ценности, формируется социальная позиция ее членов. Воспитательная деятельность детерминирует процесс социализации принятых в семью детей и определяется смысложизненными ориентациями, индивидуально-личностными качествами, интересами приемных родителей [15; 26]. Анализ исследований в области психологии семьи и социального сиротства позволяет говорить о важности изучения социальной идентичности приемных родителей для обеспечения жизнеспособности замещающей семьи и профилактики возврата детей в государственные учреждения [1; 14; 18 и др.].

Результаты социологических опросов свидетельствуют о преобладании позитивного отношения к приемной семье в современном российском обществе [23]. Одновременно исследователи отмечают значительные расхождения в представлениях о приемной семье в общественном мнении, у замещающих родителей, профессионалов, непосредственно работающих с такими семьями [19]. Подчеркивается, что отсутствие целостного образа приемной семьи и четкого понимания ее задач и функций приводит к «размытости» идентичности замещающих родителей, что может негативно отразиться на воспитании и социализации детей [10].

Большинством ученых идентичность определяется как сложное многоуровневое образование, особый личностный конструкт, отражающий принятие индивидом социальных идеалов, групповых норм и стандартов поведения [5; 6; 25 и др.]. Изучаются этническая, гендерная, религиозная, семейная, профессиональная, виртуальная (цифровая) виды идентичности человека. При этом, как отмечают Е.Б. Белинская и О.А. Тихомандрицкая, практически все авторы опираются на теорию Э. Эриксона, выделяющего персональную и социальную идентичность, а также его положение об их тесной взаимозависимости [7]. Активно обсуждаются вопросы структуры и уровневого строения идентичности, этапы ее развития в онтогенезе, проводятся эмпирические исследования взаимосвязи идентичности с другими личностными конструктами и психологическими феноменами [6; 11; 21 и др.]. По мнению специалистов, изучение со-

циальной идентичности является одной из центральных проблем современной психологии социального познания [4].

В настоящее время анализу эмпирических и теоретических исследований по проблеме идентичности посвящено большое число монографий и научных статей [5; 7; 19; 25 и др.]. В связи с этим мы не будем подробно останавливаться на рассмотрении специфики подходов разных авторов, а, исходя из целей нашей работы, обозначим лишь те положения, выделенные нами в ходе теоретического анализа литературы, которые имеют наибольшую значимость в контексте представленного эмпирического исследования. В данной работе мы опирались на следующие постулаты и положения теории идентичности:

— Социальная идентичность является следствием сравнения (самоидентификации) человека с социальными группами принадлежности, значимые характеристики которых присваиваются и становятся важными эталонами в регуляции поведения и деятельности. Результат позитивного сравнения является основой *позитивной социальной идентичности*, негативное сравнение приводит к *негативной социальной идентичности*.

— Социальная идентичность в ходе жизнедеятельности индивида наполняется *«ценностно-смысловым» содержанием*, отражающим различные аспекты Я-концепции человека, его социальную и личностную позицию.

— Социальная идентичность выступает важным механизмом субъектно-личностного освоения социальной действительности и является значимой характеристикой человека, свидетельствующей о целостности, самостоятельности, социальной и личностной зрелости.

Подчеркивая практическую значимость изучения социальной идентично-

сти, следует учитывать функции, которые выполняет социальная идентичность и которые могут быть востребованы в деятельности профессиональной приемной семьи: адаптационную (адаптация к разным социальным условиям); ориентировочную (поиск и нахождение своего места в социуме); структурную (категоризация и упорядочивание Я-концепции); целевую (целеполагание, построение моделей поведения); экзистенциальную (осмысление своего Я и его места в мире) [12].

Используя в своей работе в качестве одного из ключевых *понятие социальной идентичности*, мы будем опираться на определение, предложенное В.А. Ядовым, для которого социальная идентичность выступает как «...осознание, ощущение, переживание своей принадлежности к различным социальным общностям — таким, как малая и большая группы, в частности семья, территориальная общность, этнонациональная группа, народ, государство и человечество в целом...» [28, с. 159].

Анализ и обобщение классификаций Дж. Тернера, В.А. Ядова и других авторов [25; 27; 29], рассматривающих различные уровни идентификации, а также учет структурных особенностей методического инструментария [9] позволили нам выделить следующие *уровни социальной идентичности*: 1. первичный (идентификация с такими социальными общностями, как «семья», «друзья» и т.д.); 2. мезоуровень (идентификация с группами «коллеги», «люди такой же профессии» и т.д.); 3. метауровень (социальная идентификация по признаку принадлежности к «этносу», «религии», «человечеству» и т.д.).

Первичный уровень — семейное окружение и друзья — это те группы, в которых человек получает эмоциональную

поддержку, признание, может чувствовать себя уверенно и безопасно. Выбор групп этого уровня свидетельствует о значимости идентификации с данными группами и формировании (сохранении) позитивной идентичности на этом уровне. Идентификация с социальными группами на мезоуровне свидетельствует о трудовой позиции человека, его профессиональной идентификации, значимости для индивида профессионального сообщества. Метауровень показывает особенности выбора («присвоения») индивидом идеологических и культурных ценностей общества, его включенность в большие социальные группы, отражает формирование этнической, гражданской, религиозной и др. идентичности. Формирование социальной идентичности на всех уровнях предполагает принятие индивидом ценностей и норм референтных социальных групп и отражение в менталитете, поведении, деятельности.

Таким образом, актуальность задач, связанных с необходимостью отбора, формирования и подготовки приемных семей, а также анализ литературы по проблеме позволили обозначить *цель* представленного эмпирического исследования — изучение социальной идентичности в непосредственной связи со структурой ценностно-смысловых ориентаций приемных родителей.

Организация исследования

Исследование проводилось на базе ГБУ Центр «Детство» совместно сотрудниками Центра и Института психологии РАН. В опросе приняли участие приемные родители, воспитывающие детей из социальных учреждений на основе трудового договора за соответствующее материальное вознаграждение.

В настоящее время в Государственной Думе обсуждается законопроект «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и Трудовой кодекс Российской Федерации в части передачи детей на социальное воспитание», где решается вопрос о юридическом статусе профессиональных опекунов — приемных родителей, которые фактически являются специалистами-профессионалами. Рассматриваются вопросы, связанные с включением этой новой профессии в существующий реестр с названием «социальный воспитатель». В исследовании приняли участие именно такие приемные семьи, которые мы обозначаем как «профессиональные приемные семьи».

Выборка. Всего обследовано 144 человека; средний возраст — $45,5 \pm 5$ лет; стаж приемного родительства — $6,4 \pm 5$ лет; образование среднее или среднее специальное. В ходе анализа выборка приемных родителей была разбита на группы в зависимости от количества детей в семье: ПР1 (1–2 приемных ребенка, $N=98$); ПР2 (3–5 приемных детей; $N=21$); ПР3 (более 6-ти детей, $N=25$).

В исследовании применялись следующие методики:

1. Методика социологического шкалирования Н.И. Дадрих для изучения социальной идентичности, содержащая перечень из 16-ти групп разного социального формата и позволяющая получить коэффициенты позитивной социальной идентификации для каждой из оцениваемых групп [9].

2. Опросник Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» (УСЦД); опросник позволяет получить структуру терминальных ценностей респондента и включает следующие шкалы (терминальные ценности): 1. Активная де-

ятельная жизнь; 2. Здоровье; 3. Интересная работа; 4. Красота природы и искусства; 5. Любовь; 6. Материально обеспеченная жизнь; 7. Наличие хороших и верных друзей; 8. Уверенность в себе; 9. Познание; 10. Свобода как независимость в поступках и действиях; 11. Счастливая семейная жизнь; 12. Творчество [22].

Статистическая обработка данных включала метод анализа структуры как целостной системы А.В. Карпова, корреляционный анализ (к Спирмена и “ τ ” Кендалла), сравнительный анализ (U-Манна—Уитни).

В ходе статистической обработки и анализа результатов были использованы эмпирические данные, полученные нами в предыдущих исследованиях [2; 3], а также данные Н.И. Даудрих, полученные на большой социологической выборке [9].

Результаты исследования и их обсуждение

1. Исследование структуры социальной идентичности приемных родителей с разным количеством детей

В ходе статистической обработки опросника Н.И. Даудрих вычислялись коэффициенты позитивных выборов для каждой из перечисленных в методике социальных групп и были получены профили социальной идентичности, характерные для приемных родителей, имеющих разное количество детей (ПР1, ПР2, ПР3), а также для всей выборки приемных родителей, принявших участие в исследовании (ПР). Результаты представлены в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, наиболее значимыми социальными группами для приемных родителей, независимо от количества

Таблица 1

Коэффициенты позитивной идентичности в группах приемных родителей с разным количеством детей

Социальные группы	Коэффициенты идентичности (КИ)			
	ПР	ПР1	ПР2	ПР3
1. Семья	94,4	93,2	90	100
2. Друзья	76,8	75,4	80	75
3. Соседи	27,1	26,3	30	25
4. Единомышленники	62,2	51,7	60	75
5. Люди Вашего возраста	60,3	50,8	80	50
6. Люди Вашего достатка	42,3	38,1	70	18,8
7. Коллеги	58,8	47,5	60	68,8
8. Люди Вашей профессии	64,7	49,2	70	75
9. Имеющие те же проблемы	41,9	45,8	30	50
10. Люди Вашей национальности	53,7	44,9	60	56,3
11. Люди Вашей религии	59,1	44,9	70	62,5
12. Человечество	35,7	29,7	40	37,5
13. Россияне	42,5	50	40	37,5
14. Европейцы	20,0	21,2	20	18,8
15. Советские люди	48,6	45,8	50	50
16. Горожане	46,0	38,1	50	50

принятых на воспитание детей, выступают «семья» и «друзья». Самые низкие коэффициенты идентификации были получены для таких социальных общностей, как «человечество», «соседи», «европейцы». То есть приемные родители в первую очередь ориентированы на конкретные группы, включающие знакомых людей (ближайшее окружение), и в меньшей степени — на большие социальные группы, которые по отношению к отдельному человеку являются абстрактными. Представленные в таблице 1 данные во многом соответствуют результатам социологического опроса Н.И. Даудрих, показавшего, что ведущими группами по критерию общности интересов и целей выступают «семья» (74%), «друзья» (64%) и «люди с теми же проблемами» (59%),

наименьший процент позитивных выборов получили социальные группы «человечество» (20%), «россияне» (20%), «горожане» (13%). То есть социальная идентичность приемных родителей как представителей определенной социальной группы по своей структуре в основном соответствует социальной идентичности среднестатистического россиянина.

Применение межгруппового сравнительного анализа и сопоставление профилей социальной идентичности ПР1, ПР2 и ПР3 обнаружили наличие достоверных различий между группами по степени идентификационной близости в отношении отдельных социальных общностей. Результаты статистической обработки представлены в таблице 2 и на рисунке.

Профили социальной идентичности приемных родителей с разным количеством детей

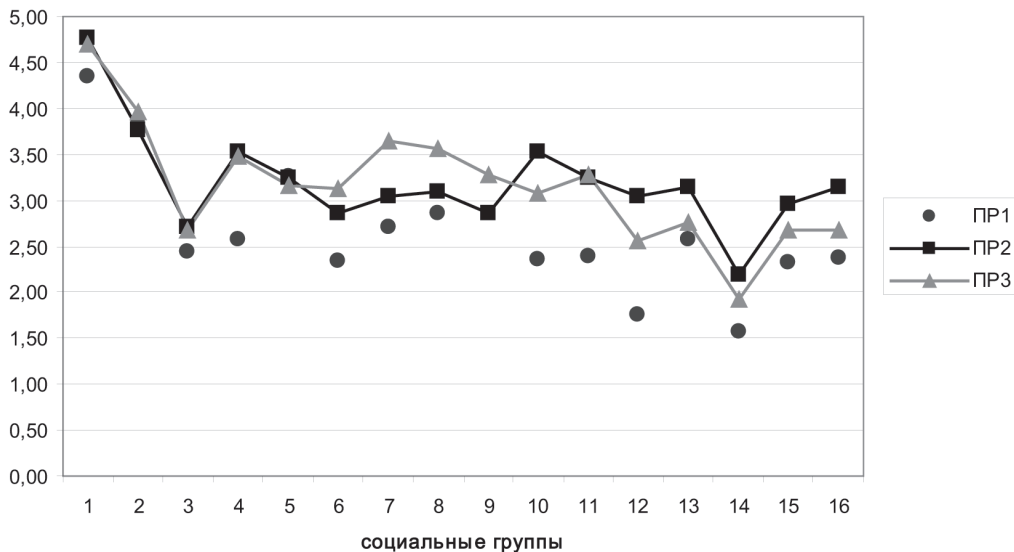

Рис. Профили социальной идентичности в группах ПР1, ПР2 и ПР3

Примечание: 1. Семья; 2. Друзья; 3. Соседи; 4. Единомышленники; 5. Люди Вашего возраста; 6. Люди Вашего достатка; 7. Коллеги; 8. Люди Вашей профессии; 9. Имеющие те же проблемы; 10. Люди Вашей национальности; 11. Люди Вашей религии; 12. Человечество; 13. Россияне; 14. Европейцы; 15. Советские люди; 16. Горожане.

Как видно из таблицы 2, в наибольшей степени структура социальной идентичности отличается в группах ПР1 и ПР3. Получены статистически достоверные различия в выборе таких социальных общностей, как «семья», «единомышленники», «люди Вашего достатка», «коллеги», «люди Вашей религии» ($P < 0,05$) и «человечество» (на уровне статистической тенденции). Степень позитивной идентификации с перечисленными группами у ПР3 выше, чем у ПР1. Наибольшее сходство профили социальной идентичности имеют у воспитывающих от трех до пяти детей и приемных родителей, взявших на воспитание шесть и более детей (группы ПР2 и ПР3). Сравнение структуры социальной идентичности приемных родителей из групп ПР1 и ПР2 показало наличие достоверно бо-

лее высоких значений в группе ПР2 при оценивании таких групп, как «семья», «люди Вашей национальности» и «человечество» ($P < 0,05$).

Анализ социальных групп, идентификация с которыми вызвала у респондентов трудности, показал, что пункт «затрудняюсь ответить» наиболее часто встречается в отношении социальных общностей «европейцы», «человечество», «россияне», «горожане» и «люди вашей религии», т.е. больших групп, состоящих преимущественно из незнакомых людей. В этой связи важно отметить, что приемные родители ПР1 значительно чаще, по сравнению с респондентами ПР2 и ПР3, испытывали затруднения при оценке своей общности с большими социальными группами, а количество групп идентичности у них в

Таблица 2

**Сравнение структуры социальной идентичности приемных родителей
(U-критерий)**

Социальные группы	Уровень значимости ($P <$)		
	ПР1-ПР2	ПР1-ПР3	ПР2-ПР3
1. Семья	0,01	0,05	0,39
2. Друзья	0,93	0,47	0,64
3. Соседи	0,40	0,63	0,71
4. Единомышленники	0,06	0,05	0,98
5. Люди Вашего возраста	0,95	0,79	0,81
6. Люди Вашего достатка	0,24	0,05	0,57
7. Коллеги	0,78	0,02	0,04
8. Люди Вашей профессии	0,82	0,12	0,20
9. Имеющие те же проблемы	0,69	0,34	0,20
10. Люди Вашей национальности	0,03	0,19	0,39
11. Люди Вашей религии	0,08	0,05	0,90
12. Человечество	0,01	0,08	0,29
13. Россияне	0,24	0,91	0,36
14. Европейцы	0,13	0,39	0,57
15. Советские люди	0,29	0,45	0,79
16. Горожане	0,13	0,53	0,45

наибольшей степени соответствует выборам среднестатистических россиян. То есть приемные родители с одним-двумя детьми строят свою идентичность в соответствии с ориентациями на ценности, интересы и эталоны поведения, присущие знакомым или близким людям и представленные в конкретных форматах и образцах.

Рассмотрение данных таблицы 1 показывает также, что у ПР с разным количеством детей наблюдается неодинаковое число выборов референтных групп, коэффициенты позитивной идентификации с которыми имеют высокие значения ($KI \geq 50\%$). Так, для родителей ПР1 число референтных групп равно 5-ти, для ПР2 — 9-ти, для ПР3 — 11-ти. Т.е. с увеличением числа детей в семье увеличивается число значимых групп, включенность в которые респонденты оценивают как «часто ощущаю общность интересов, взглядов с группой...» или «всегда ощущаю общность интересов, взглядов с группой...». Обычно респонденты при «закрытых» формах вопросов отмечают не более 4-х групп, а в ситуации «открытых» вопросов их число составляет 1,3. При этом в основе выбора чаще всего лежат критерии семейной, дружеской и профессиональной близости [9].

С целью более глубокого анализа особенностей социальной идентичности приемных родителей применялась методика статистического анализа А.В. Кар-

пова [13], которая позволяет вычислить индексы когерентности (ИКС), дивергентности (ИДС) и организованности (ИОС), характеризующие степень структурированности и целостности изучаемого феномена как системы, а также функциональную роль и значимость входящих в эту систему компонентов. Результаты представлены в таблице 3.

Данные таблицы 3 показывают, что структура социальной идентичности группы ПР1 характеризуется высокой степенью когерентности (ИКС=265) и организованности (ИОС=257). При этом величина индекса дивергентности (ИДС=8) свидетельствует о наличии выраженной дифференцированности структуры социальной идентичности приемных родителей, взявших на воспитание одного-двух детей, т.е. четком выделении межгрупповых границ и осознанной оценке степени своей принадлежности к конкретной группе. Анализ полученных индексов позволяет сделать вывод о том, что структура социальной идентичности ПР1 представляет собой целостную, внутренне непротиворечивую систему с равномерно и высоко развитыми компонентами. В ходе статистического анализа было также установлено, что основными (базовыми) структурными компонентами социальной идентичности респондентов ПР1 выступают такие социальные группы, как «люди Вашего достатка», «люди Вашей профессии» и «единомыш-

Таблица 3

Целостность структуры социальной идентичности в разных группах приемных родителей

Показатели	ИКС	ИДС	ИОС
ПР1	265	8	257
ПР2	162	0	162
ПР3	91	0	91

ленники». Из таблицы 3 также следует, что все индексы, характеризующие особенности «социальной идентичности» как системного образования, уменьшаются в направлении ПР1→ПР2→ПР3. То есть структура социальной идентичности приемных родителей с увеличением детей в семье становится менее дифференцированной, более диффузной, уровень развития и взаимосвязанность ее компонентов снижаются. При этом основное место в структуре социальной идентичности многодетных приемных родителей начинают занимать большие и абстрактные социальные общности, такие как «горожане», «люди Вашей религии», «человечество».

Интерпретируя полученные результаты в контексте исследований в области социальной психологии и психологии личности, важно отметить следующее. Согласно мнению ученых [8; 24], выбор большого числа групп идентификации может свидетельствовать о слабой сформированности и недостаточной целостности социальной идентичности человека. Некоторые авторы считают, что сильно выраженная и «множественная идентификация» является следствием проявления феномена «самосверхконформности» («superior conformity of the self»), обнаруженного Ж. Дешамп и Т. Девос [19]. По мнению В.А. Ядова, хаотичность и неустойчивость социальных самоидентификаций приводит к маргинальности и снижению мотивации при выполнении деятельности [27]. Е.П. Ермолаева рассматривает маргинализм профессиональных приемных родителей как фактор, затрудняющий процесс становления социальной и персональной идентичности приемных детей [10]. Кроме того, широкая вовлеченность и отождествление себя с большим коли-

чеством групп выступает индикатором «нечувствительности» как к групповым границам, посредством которых индивид определяет свое положение в социуме, так и к границам субъективного пространства другого человека. Неспособность осознавать и очерчивать границы другого является личностной характеристикой, затрудняющей внутрисемейное взаимопонимание и взаимодействие, и относится к числу нежелательных личностных качеств у приемных родителей.

Таким образом, полученные нами эмпирические данные позволяют выделить определенные риски, связанные со структурой социальной идентичности профессиональных приемных родителей, которые могут негативно сказаться на процессе воспитания приемных детей.

2. Ценности как содержание социальной идентичности приемных родителей

Социальная идентификация относится к числу механизмов субъективно-личностного освоения социальной действительности и тесно связана с системой ценностей и личностных смыслов [19; 21; 28 и др.]. В своей статье Б. Шефер и Б. Шледер подчеркивают, что именно «ценности создают идентичность», и что через раскрытие содержания «основополагающих аттитюдов» возможно понимание особенностей социальной идентичности индивида [24, с. 175].

Следующей задачей, решаемой в нашем исследовании, выступило изучение ценностных ориентаций приемных родителей в их взаимосвязи с позитивной идентификацией с группами, расположенными на разных уровнях социального пространства. Были построены профили, отражающие иерархию ценностей УСЦД Е.Б. Фанталовой для разных

групп ПР, и проведен статистический анализ, позволивший получить коэффициенты корреляций, отражающие взаимосвязи ценностей и социальной идентичности («наполненность социальной идентичности ценностями»). Результаты представлены в таблицах 4, 5.

Анализ данных таблицы 4 показал, что наибольшую значимость (ранги с 1-го по 3-ий) для всех групп ПР имеют такие ценности, как «счастливая семейная жизнь», «здоровье (физическое и психическое)» и «любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)». Наиболее низкие ранги (с 9-го по 12-ый) получили такие ценности, как «познание», «интересная работа», «творчество».

Сопоставляя результаты данного исследования с результатами наших предыдущих работ, важно отметить следующее. Выделение приемными родителями независимо от количества детей в семье

в качестве основных жизненных ориентиров таких терминальных ценностей, как «счастливая семейная жизнь», «здоровье» и «любовь» в полной мере соответствует выбору «обычных родителей». Однако анализ ценностей, получивших наиболее низкие рейтинги, выявил лишь частичное совпадение. Если ценностям «творчество» и «познание» обычными и приемными родителями присвоены «низкий» и «средний» рейтинги, то ценность «интересная работа» у обычных родителей получила «высокий» рейтинг, тогда как у ПР она относится к ценностям с «низким» рейтингом и занимает 11-е место из 12-ти возможных. Низкий рейтинг ценности «интересная работа» можно объяснить особенностями профессионального менталитета приемных родителей. Отсутствие четких границ между «профессиональными» и «родительским» обязанностями приводит к тому, что в со-

Таблица 4

Иерархия ценностей в разных группах приемных родителей

Ценности	Ранги в группах			
	ПР	ПР1	ПР2	ПР3
Счастливая семейная жизнь	1	1	1	2
Здоровье (физическое и психическое)	2	2	2	4
Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)	3	4	3	1
Наличие хороших и верных друзей	4	3	4	9
Активная, деятельная жизнь	5	6	5	3
Уверенность в себе (отсутствие внутренних противоречий, сомнений)	6	5	8	8
Красота природы и искусства (переживание прекрасного)	7	9	7	6
Свобода (независимость в поступках и действиях)	8	8	11	10
Материально обеспеченная жизнь (материальные блага, отсутствие материальных затруднений)	9	7	10	11
Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры)	10	10	9	6
Интересная работа	11	11	6	5
Творчество (возможность творческой деятельности)	12	12	12	12

знании ПР забота о воспитанниках не представлена как целенаправленная профессиональная деятельность. Разграничение образов «Я профессионал» и «Я родитель» сопровождается определенными трудностями, осложняющими формирование профессиональной идентичности. Данное предположение подтверждается результатами корреляционного анализа, показавшего, что с увеличением количества детей в семье, с одной стороны, возрастает уровень идентификации по критерию «люди Вашей профессии» ($r=0,17$; $P<0,01$), с другой – значимость ценности «интересная работа» ($r=0,15$; $P<0,05$). Т.е. чем более многодетной является приемная семья, тем в большей степени ПР воспринимают себя и свою заботу о детях во взаимосвязи с содержанием и характером выполняемой профессионально педагогической деятельности. Возможно, значительную роль здесь играет фактор времени, так как на практике увеличение числа воспитанников происходит постепенно, и многодетные семьи имеют большой стаж и опыт приемного родительства. Можно также предположить, что с увеличением количества детей-сирот в семье, она все больше по структуре и принципам организации жизнедеятельности начинает копировать воспитательную группу. Т.е. воспитательная деятельность ПР все в большей мере приобретает черты профессиональной, а их идентификация с такими социальными группами, как «люди Вашей профессии», «коллеги» и «единомышленники» усиливается (см. табл. 1). Приемные родители, воспитывающие одного-двух детей, преимущественно рассматривают себя и свои обязанности в контексте родительно-семейных взаимоотношений.

Проведение межгруппового сравнения также не выявило достоверных

различий между группами ПР1-ПР2 и ПР2-ПР3. Статистически значимые различия были обнаружены только при сопоставлении структуры ценностей в группах ПР1-ПР3. При этом установлено, что приемные родители, имеющие шесть и более детей (ПР3), в большей степени, чем приемные родители, воспитывающие одного-двух детей (ПР1), ориентированы на такие ценности, как «интересная работа», «красота природы и искусства», «любовь» ($P\leq 0,05$). Абсолютные оценки таких терминальных ценностей, как «материальная обеспеченная жизнь» и «наличие хороших и верных друзей» оказались более высокими в группе ПР1. То есть ПР1 в большей степени нацелены на «конкретные» ценности, имеющие большое значение для семейного благополучия (материальное благосостояние и наличие верных друзей). Многодетные родители (ПР3) в большей степени выделяют ценности, относящиеся к «ценностям профессиональной и личностной самореализации и личной жизни» (интересная работа, переживание красоты природы и искусства, любовь близкого человека). В этой связи следует подчеркнуть, что многие исследователи такие показатели, как «финансовая свобода семьи» и «наличие семейной и дружеской поддержки» относят к числу наиболее значимых «семейных ресурсов», обеспечивающих функциональность и жизнеспособность приемной семьи [20].

Таблица 5 отражает «наполненность» ценностным содержанием трех уровней социальной идентичности у ПР с разным количеством детей в семье.

Как видно из таблицы 5, ценности, составляющие содержание первичного уровня социальной идентичности ПР1, характеризуют ориентацию респонден-

тов на активную жизнь, взаимодействие с друзьями и возможность творчества. Первичный уровень социальной идентичности ПР2 имеет очень насыщенную структуру и включает в равной мере как абстрактные, так и конкретные ценности, значимые для взаимодействия в малых группах, куда входят близкие и знакомые люди. Для родителей ПР3 на уровне семейно-дружеских взаимоотношений не обнаружено взаимосвязи ни с одной из ценностных структур, пред-

ставленных в методике УСЦД. Полученный факт можно интерпретировать как слабую значимость для родителей группы ПР3 ценностных ориентиров (идентификационных идеалов), присутствующих «семейному окружению» и конкретным «малым контактными группам» (по Ядову) [28].

На мезоуровне, охватывающем группы взаимодействия, имеющие отношение к трудовой занятости и характеризующие профессиональную идентичность

Таблица 5

Ценностное содержание социальной идентичности (СИ) в разных группах приемных родителей

Уровни СИ	Ценности ПР1	Ценности ПР2	Ценности ПР3
ПЕРВИЧНЫЙ	«активная, деятельная жизнь» ($r=,27$; $p\leq 0,01$); «наличие хороших и верных друзей» ($r=,27$; $p\leq 0,01$); «творчество» ($r=,20$; $p\leq 0,05$)	«активная, деятельная жизнь» ($r=,43$; $p\leq 0,05$); «интересная работа» ($r=,61$; $p\leq 0,01$); «красота природы и искусства» ($r=,57$; $p\leq 0,01$); «счастливая семейная жизнь» ($r=,44$; $p\leq 0,05$); «любовь» ($r=,51$; $p\leq 0,05$); «познание» ($r=,63$; $p\leq 0,01$); «творчество» ($r=,56$; $p\leq 0,01$)	нет значимых взаимосвязей
МЕЗАУРОВЕНЬ	«интересная работа» ($r=,25$; $p\leq 0,05$)	«любовь» ($r=,45$; $p\leq 0,05$); «познание» ($r=,53$; $p\leq 0,05$); «творчество» ($r=,53$; $p\leq 0,05$)	«красота природы и искусства» ($r=,42$; $p\leq 0,05$); «свобода как независимость в поступках» ($r=,42$; $p\leq 0,05$)
МЕТАУРОВЕНЬ	«активная, деятельная жизнь» ($r=,22$; $p\leq 0,05$); «красота природы и искусства» ($r=,25$; $p\leq 0,05$); «любовь» ($r=,23$; $p\leq 0,05$); «наличие хороших и верных друзей» ($r= -,21$; $p\leq 0,05$)	«материально обеспеченная жизнь» ($r= -,47$; $p\leq 0,05$); «наличие хороших и верных друзей» ($r= -,49$; $p\leq 0,05$); «красота природы и искусства» ($r=,44$; $p\leq 0,05$)	«активная, деятельная жизнь» ($r=,46$; $p\leq 0,05$); «материально обеспеченная жизнь» ($r=,47$; $p\leq 0,05$); «наличие хороших и верных друзей» ($r= -,51$; $p\leq 0,01$); «творчество» ($r=,41$; $p\leq 0,05$)

индивида, для ПР1 установлена тесная взаимосвязь с ценностью «интересная работа». Для ПР2 содержание данного уровня составляют абстрактные ценности, отражающие когнитивную направленность и ориентацию на творческую деятельность, возможность повышения образовательного и культурного уровня, созерцание и переживание прекрасного (ценности «творчество», «познание», «красота природы и искусства»). Ценность «любовь» (духовная и физическая близость с любимым человеком), также вошедшая в список ценностей мезоуровня ПР2, согласно классификации М. Рокича, относится к категории «ценности личной жизни». Анализируя ценности, значимые на мезоуровне, следует отметить, что в определенной степени они отражают профессиональную направленность приемных родителей как воспитателей-педагогов, так как одной из целей воспитательного процесса является когнитивное развитие детей, расширение их общеобразовательного и культурного кругозора. Для родителей ПР3 профессиональная сфера тесно связана с такими ценностями, как «красота природы и искусства (переживание прекрасного)» и «свобода как независимость в поступках и действиях». Абстрактная ценность «красота природы и искусства» отражает эстетическую направленность ПР3 и наличие у них установок на созерцательность и гедонизм. Высокая значимость ценности «свобода» для ПР3, возможно, определяется наличием сильного контроля со стороны государственных организаций, постоянное «вмешательство» которых, по мнению большинства приемных родителей, нарушает обычный ритм жизни приемной семьи и осложняет выполнение воспитательных (родительских) обязанностей.

Рассмотрение содержания социальной идентичности приемных родителей с разным количеством детей на метауровне, характеризующем ориентацию на освоение культурных, идеологических, этнических и т.д. ценностей общества, позволило выявить следующие взаимосвязи. Респонденты ПР1 при оценке своей принадлежности к большим социальным группам выделяют значимость таких ценностей, как «активная деятельная жизнь», «красота природы и искусства», «любовь», а также выявлено отсутствие хороших друзей на этом уровне. Отрицательная взаимосвязь социальной идентичности с ценностью «наличие хороших и верных друзей» на метауровне вполне логична и характерна для всех приемных родителей. Родители ПР2 к малозначимым ценностям на метауровне относят еще и такую ценность, как «материальная обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений)». Для родителей ПР3 на метауровне не значимы такие ценности, как «наличие хороших и верных друзей» и «материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений)», а в качестве наиболее значимых выступают «активная деятельная жизнь» и «творчество».

Анализируя наполненность ценностями уровней социальной идентичности приемных родителей, следует отметить, что для успешности и благополучия семьи наибольшее значение имеют конкретные взаимосвязи, устанавливаемые с группами первичного уровня, т.е. при идентификации с лицами, составляющими группы ближнего круга общения (семья, друзья, соседи). Для ПР1 при идентификации с близким кругом наибольшее значение имеют ценности «активная жизнь», «друзья» и «творчество». Родители ПР2 на первичном уровне

выделяют большую группу ценностей ($n=7$), куда входят как абстрактные (когнитивные), так и конкретные ценности, в том числе ценность семейной жизни и ценности, традиционно относимые к категории «ценности дела» (активная жизнь и интересная работа). Для ПРЗ не выявлено ни одной значимой взаимосвязи ни с одной из терминальных ценностей списка методики УСЦД, что можно рассматривать как тревожный момент, за которым могут скрываться как особенности ценностно-смысловых установок приемных родителей данной группы, так и возможные нарушения в межличностном взаимодействии на этом уровне.

Выводы

Проведенное эмпирическое исследование позволило получить новые научные факты и сформулировать следующие выводы.

1. Выявлены достоверно значимые взаимосвязи между структурой социальной идентичности, ценностными ориентациями профессиональных приемных родителей и количеством детей, принятых в семью на воспитание.

2. Показано, что степень структурированности и целостности социальной идентичности приемных родителей как системного психологического феномена (величина индексов когерентности, дивергентности и организованности) снижается с увеличением числа воспитанников.

3. Установлено, что число референтных групп идентификации и степень отождествления с ними у приемных родителей увеличиваются с ростом количества приемных детей. Так как число референтных групп идентификации, согласно литературным данным, отражает

степень социального маргинализма, то применительно к полученным в исследовании результатам данный факт может свидетельствовать о нарастании социального маргинализма у приемных родителей, стремящихся к расширению семьи и принимающих все большее количество воспитанников.

4. Анализ степени идентификационной значимости групп, расположенных на разных иерархических уровнях социального пространства, выявил ориентацию многодетных приемных родителей (ПРЗ) на группы мезо- и метауровня и слабую ориентацию на группы первичного уровня. Для приемных родителей, воспитывающих одного-двух детей (ПР1), при выборе референтных групп характерна ориентация на малые социальные группы, включающие лиц ближнего круга. Установлено также, что с увеличением числа детей в семье приемные родители при выборе референтных групп чаще ориентируются на критерии профессиональной принадлежности, что может свидетельствовать о более выраженных профессиональных установках, осознанности своей заботы о приемных детях как профессиональной деятельности (сформированности профессионального менталитета) и профессиональном отношении к выполнению обязанностей приемного родителя.

5. Показано, что иерархия ценностей приемных родителей связана с количеством детей, принятых на воспитание. Приемные родители, воспитывающие одного-двух детей, в большей степени ориентированы на ценности, которые исследователи относят к категории основных семейных ресурсов, имеющих значение для функциональности и жизнеспособности семьи («материальный уровень», «здоровье», «семейная и дружеская

поддержка»). Многодетные родители в большей степени выделяют такие группы ценностей, как «ценности профессиональной и личностной самореализации» и «ценности личной жизни».

6. Анализ содержания социальной идентичности показал, что социальная идентичность приемных родителей, воспитывающих одного-двух детей, базируется на ценностях семейной жизни, дружеского общения, профессиональной реализации, активности, познания и т.д., распределенных в социальном пространстве в соответствии с уровневой принадлежностью и особенностями социальных групп. Для многодетных приемных родителей характерна множественность и слабая дифференцированность ценностно-идентификационных установок. При

этом не выявлено ни одной статистически значимой взаимосвязи идентичности с ценностями на первичном уровне социального взаимодействия (семья, друзья, соседи), что позволяет предположить либо высокую степень декларативности ответов респондентов в отношении значимости семьи и семейных ценностей, либо возможные нарушения при взаимодействии на этом уровне.

Подводя итоги, следует отметить, что полученные в исследовании результаты могут быть учтены на этапе отбора кандидатов в приемные родители, в ходе сопровождения приемной семьи, при прохождении кандидатами психологического обследования в ситуациях, связанных с желанием семьи увеличить число приемных детей.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-013-00118 «Профессиографический анализ трудовой деятельности приемных родителей («социальных воспитателей»»)).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алдашева А.А., Зеленова М.Е.* К проблеме построения профессиограммы специалиста «замещающий родитель» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 1. С. 99–114. doi: 10.18384/2310-7235-2016-1-99-114
2. *Алдашева А.А., Зеленова М.Е.* Профессиональный менталитет приемных родителей как фактор успешности замещающей семьи // Вестник Университета Российской академии образования. 2017. № 5. С. 23–29.
3. *Алдашева А.А., Гуцыкова С.В., Зеленова М.Е.* Профессиональный менталитет как регулятор деятельности социальных воспитателей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 2. С. 20–36. doi: 10.18384/2310-7235-2018-2-20-36
4. *Андреева Г.М.* Психология социального познания: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2009. 303 с.
5. *Антонова Н.В.* Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131–143.
6. *Баклушинский С.А., Белинская Е.П.* Развитие представлений о понятии «социальная идентичность» // Идентичность: Хрестоматия / Сост. Л.Д. Шнейдер. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2008. С. 116–135.

7. *Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А.* Социальная психология личности: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. 301 с.
8. *Борневассер М.* Социальная структура, идентификация и социальный контакт // Иностранная психология. 1993. Т. 1. № 1. С. 68–72.
9. *Давдрих Н.И.* Социальная идентичность: методический аспект // Социологические исследования. 2000. № 13. С. 77–95.
10. *Ермолаева Е.П.* Идентификационные аспекты профессиональной приемной семьи [Электронный ресурс] // Мир науки. 2015. № 4. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/18PSMN415.pdf> (дата обращения: 15.04.2019).
11. *Зеленова М.Е.* Профессиональная идентичность как фактор психологического здоровья субъекта труда [Электронный ресурс] // Психологические проблемы смысла жизни и акме: Эл. сборник материалов XX симпозиума / Под ред. Г.А. Вайзер, Н.В. Кисельниковой, Т.А. Поповой. М.: ФГНУ «Психологический институт РАО», 2015. С. 148–152. URL: <https://www.pirao.ru/images/labs/gporl/%D0%A5%D0%A5-simposium.pdf> (дата обращения 16.08.2018).
12. *Иванова Н.Л.* Проблема психологического анализа социальной идентичности // Журнал Высшей школы экономики. Психология. 2006. Т. 3. № 4. С. 14–38.
13. *Карпов А.В.* Психология деятельности: В 5 т. Т. 5. Качественная гетерогенная организации. М.: РАО, 2015. 528 с.
14. *Лукьянченко Н.В.* Формирование позитивной родительской идентичности родителей детей с особенностями развития в контексте работы служб сопровождения // Психологическая наука и образование. 2013. № 2. С. 35–42.
15. *Махнач А.В., Прихожан А.М., Толстых Н.Н.* Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители: Практическое руководство. М.: Изд-во «ИП РАН», 2013. 219 с.
16. *Мисник Л.* Родителей выбирают небрежно: систему опеки ждут реформы [Электронный ресурс] // ГАЗЕТА.RU. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2018/08/16/11898325.shtml> (дата обращения: 03.04.2019).
17. *Нартова-Бочавер С.К., Бочавер К.А., Бочавер С.Ю.* Жизненное пространство семьи: объединение и разделение. М.: Генезис, 2011. 320 с.
18. *Николаева Е.И., Япарова О.Г.* Особенности личностных характеристик детей и родителей в эффективных и неэффективных приемных семьях // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 37–43.
19. *Павленко В.И.* Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии // Идентичность: Хрестоматия / Сост. Л.Д. Шнейдер. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2008. С. 156–168.
20. Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект / Отв. ред. Махнач А.В., Прихожан А.М., Толстых Н.Н. М.: Изд-во «ИП РАН», 2015. 670 с.
21. *Стефаненко Т.Г.* Социальная и этническая идентичность // Идентичность: Хрестоматия / Сост. Л.Д. Шнейдер. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2008. С. 196–221.
22. *Фанталова Е.Б.* Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара: Издательский дом БАХРАХ, 2001. 128 с.
23. *Читао Р.А.* Особенности субъективных представлений о замещающих родителях: гендерный аспект // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. 2014. № 2. С. 47–58.

24. Шеффер Б., Шледер Б. Социальная идентичность и групповое сознание как медиаторы межгруппового поведения // Идентичность: Хрестоматия / Сост. Л.Д. Шнейдер. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2008. С. 170–195.
25. Шнейдер Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность. Теория и методы диагностики: Учебно-методическое пособие. М.: МПСИ, 2007. 128 с.
26. Шульга Т.И. Социализация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. 2012. № 3. С. 73–82.
27. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1975. С. 89–106.
28. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3-4. С. 158–181.
29. Turner J.C. Social Categorization and Self-Concept: A Social Cognitive Theory of Group Behavior. In *Advances in Group Process: Theory and Research* / In E.J. Lawler (ed.). Greenwich, Connecticut: JAI Press, 1985. P. 77–12.

Social identity and value orientations of adoptive parents with different numbers of children

A.A. ALDASHEVA *,
IP RAS, Moscow, Russia,
aigulmama@mail.ru

M.E. ZELENNOVA **,
IP RAS, Moscow, Russia,
mzelenova@mail.ru

O.N. SIVASH ***,
IP RAS, Moscow, Russia,
maiskya@gmail.com

The article is devoted to the study of social identity and value orientation characteristics of professional adoptive parents. The results of the empirical study have demonstrat-

For citation:

Aldasheva A.A., Zelenova M.E., Sivash O.N. Social identity and value orientations of adoptive parents with different numbers of children. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019. Vol. 10. no. 3, pp. 137–156. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100309

* Aldasheva Aigul A. — Doctor of Science in Psychology, Leading Researcher, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, aigulmama@mail.ru

** Zelenova Marina E. — PhD in Psychology, Research Fellow, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, mzelenova@mail.ru

*** Sivash Olga N. — PhD in Psychology, Associate Research Fellow, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, maiskya@gmail.com

ed a positive correlation between the number of orphans adopted into a family, the structure of a positive social identity and value orientations of adoptive parents. The study has established that with an increase in the number of children in a family there is a tendency towards social marginality, lowered structuredness and coherence of adoptive parents' social identity, difficulties in identifying benchmark social groups. It has been shown that in their identification process the adoptive parents with many adopted children are more likely to choose a group based on the criteria related to their profession and to a lesser extent opt for their immediate social network groups. The study has established that the hierarchy of values of adoptive parents with many adopted children significantly differs from the values profile of adoptive parents with one or two adopted children.

Keywords: social identity, positive personal identification, life values, professional adoptive parents, orphans.

Funding

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research No. 18-013-00118 «The professionographic analysis of the labor activity of foster parents (“social educators”)».

REFERENCES

1. Aldasheva A.A., Zelenova M.E. K probleme postroeniya professiogrammy` specialista «zameshhayushhij roditel`» [To the problem of establishment of professionogram of a specialist “adoptive parent”]. *Vestnik MGOU. Seriya: Psihologicheskie nauki [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology]*, 2016, no. 1, pp. 99–114. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.18384/2310-7235-2016-1-99-114.
2. Aldasheva A.A., Zelenova M.E. Professional`ny`j mentalitet priemny`x roditel'ej kak faktor uspešnosti zameshhayushhej sem`i [Professional mentality of foster parents as a success factor of foster family]. *Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya [Bulletin of the University of the Russian Academy of Education]*, 2017, no. 5, pp. 23–29. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Aldasheva A.A., Gucykova S.V., Zelenova M.E. Professional`ny`j mentalitet kak regulyator deyatel`nosti social`ny`x vospitatelej [Professional mentality as a regulator of social educators' activities] *Vestnik MGOU. Seriya: Psihologicheskie nauki [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology]*, 2018, no. 2, pp. 20–36. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.18384/2310-7235-2018-2-20-36.
4. Andreeva G.M. Psixologiya social`nogo poznaniya: Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov [Psychology of social cognition: Textbook manual for university students]. Moscow: Aspect Press, 2009. 303 p.
5. Antonova N.V. Problema lichnostnoj identichnosti v interpretacii sovremennogo psixoanaliza, interakcionizma i kognitivnoj psixologii [The problem of personal identity in the interpretation of modern psychoanalysis, interactionism and cognitive psychology]. *Voprosy` psixologii [Questions of psychology]*, 1996, no. 1, pp. 131–143.
6. Baklushinskij S.A., Belinskaya E.P. Razvitie predstavlenij o ponyatii “social`naya identichnost`” [The development of ideas about the concept of “social identity”]. In L.D. Shnejder (ed.). *Identichnost` : Xrestomatiya [Identity: Reader]*. Moscow: Publ MPSI; Voronezh: NPO MODE`K, 2008, pp. 116–135.

7. Belinskaya E.P., Tixomandriczkaya O.A. Social'naya psixologiya lichnosti: Uchebnoe posobie dlya vuzov [Social psychology of personality: Textbook for universities]. Moscow: Aspect Press, 2001. 301 p.
8. Bornevasser M. Social'naya struktura, identifikaciya i social'ny`j kontakt [Social structure, identification and social contact]. *Inostrannaya psixologiya* [Foreign Psychology], 1993. Vol. 1, no. 1, pp. 68–72.
9. Daudrix N.I. Social'naya identichnost`: metodicheskij aspekt [Social Identity: Methodological Aspect]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2000, no. 13, pp. 77–95.
10. Ermolaeva E.P. Identifikacionny`e aspekty` professional`noj priemnoj sem`i [Elektronny` resurs] [The identifying aspects of professional foster family]. *Mir nauki* [The world of science], 2015, no. 4. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/18PSMN415.pdf>. (accessed: 05.04.2019).
11. Zelenova M.E. Professional'naya identichnost` kak faktor psixologicheskogo zdorov`ya sub`ekta truda [Elektronny` resurs] [Professional identity as factor of psychological health of working specialists]. In: G.A. Vajzer, N.V. Kisel`nikova, T.A. Popova (eds.). *Psixologicheskie problemy` smy`sla zhizni i akme: E`l. sbornik materialov XX simpoziuma* [Psychological problems of life sense and acme: an electronic collection of materials of the XX symposium]. Moscow: FGNU "Psixologicheskij institut RAO", 2015, pp. 148–152. URL: <https://www.pirao.ru/images/labs/gporl/%D0%A5%D0%A5-simpozium.pdf> (Accessed 16.08.2018).
12. Ivanova N.L. Problema psixologicheskogo analiza social`noj identichnosti [The problem of psychological analysis of social identity]. *Zhurnal Vy`sšej shkoly` e`konomiki. Psixologiya* [Journal of the Higher School of Economics. Psychology], 2006. Vol. 3, no. 4, pp. 14–38.
13. Karpov A.V. Psixologiya deyatel`nosti: v 5 t.. T. 5: Kachestvennaya geterogeniya organizacii [Psychology of activity: In 5 vol. Vol. 5 Qualitative heterogeneity of the organization]. Moscow: RAO, 2015. 528 p.
14. Lukyanenko N.V. Formation of positive parental identity of parents of children with features of development in a context of work of escort services. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2013, no. 2, pp. 35–42. (In Russ., abstr. in Engl.).
15. Maxnach A.V., Prihozhan A.M., Tolstyh N.N. Psihologicheskaja diagnostika kandidatov v zameshchajushhie roditeli: Prakticheskoe rukovodstvo [Psychological diagnosis of candidates in adoptive parents: a practical guide]. Moscow: Publ. "Institute of Psychology Russian Academy of Sciences", 2013. 219 p.
16. Misnik L. Roditelej vy`birayut nebrezhno: sistem u opeki zhdu reformy` [Elektronny`j resurs] [Parents choose carelessly: the guardianship system is waiting for reform]. *GAZETA.RU*. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2018/08/16/11898325.shtml> (Accessed 05.04.2019).
17. Nartova-Bochaver S.K., Bochaver K.A., Bochaver S.Yu. Zhiznennoe prostranstvo sem`i: ob`edinenie i razdelenie [Family living space: association and separation]. Moscow: Genesis, 2011. 320 p.
18. Nikolaeva E.I., Yaparova O.G. Osobennosti lichnostny`x xarakteristik detej i roditel'ev v`effektivny`x i ne`effektivny`x priemny`x sem`yax [Features of the personal

- characteristics of children and parents in effective and inefficient foster families]. *Voprosy psixologii* [Questions of psychology], 2007, no. 6, pp. 37–43. (In Russ., abstr. in Engl.).
19. Pavlenko V.I. Predstavleniya o sootnoshenii social'noj i lichnostnoj identichnosti v sovremennoj zapadnoj psixologii [Representations of the relationship between social and personal identity in modern Western psychology]. In L.D. Shnejder (ed.). *Identichnost': Xrestomatiya* [Identity: Reader]. Moscow: MPSI; Voronezh: NPO MODE`K, 2008, pp. 156–168.
20. Problema sirotstva v sovremennoj Rossii: Psixologicheskij aspekt [The problem of orphanhood in modern Russia: the psychological aspect]. Maxnach A.V., PRIXOZHAN A.M., Tolsty`x N.N. (eds). Moscow: Publ. "Institut psixology RAS", 2015. 670 p.
21. Stefanenko T.G. Social'naya i e`tnicheskaya identichnost` [Social and Ethnic Identity]. In L.D. Shnejder (ed.). *Identichnost': Xrestomatiya* [Identity: Reader]. Moscow: MPSI; Voronezh: NPO MODE`K, 2008, pp. 196–221.
22. Fantalova E.B. Diagnostika i psixoterapiya vnutrennego konflikta [Diagnosis and psychotherapy of internal conflict]. Samara: Publishing House Bakhrakh, 2001. 128 p.
23. Chitao R.A. Osobennosti sub`ektivny`x predstavlenij o zameshhayushhix roditelyax: genderny`j aspekt [Features of substitute parents' subjective perceptions: gender aspect]. *Vestnik MGOU. Seriya: Psixologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2014, no. 2, pp. 47–58.
24. Sheffer B., Shleder B. Social'naya identichnost` i gruppovoe soznanie kak mediatory` mezhgruppovogo povedeniya [Social identity and group consciousness as mediators of intergroup behavior]. In L.D. Shnejder (ed.). *Identichnost': Xrestomatiya* [Identity: Reader]. Moscow: MPSI; Voronezh: NPO MODE`K, 2008. pp. 170–195. (In Russ.).
25. Shnejder L.B. Lichnostnaya, gendernaya i professional'naya identichnost`. Teoriya i metody` diagnostiki. Uchebno-metodicheskoe posobie [Personal, gender and professional identity. Theory and methods of diagnosis. Teaching manual]. Moscow: MPSI, 2007. 128 p.
26. Shul`ga T.I. Socializaciya detej-sirot i detej, ostavshixsya bez popecheniya roditel'ej [Socialization of orphans and children left without parental care]. *Vestnik MGOU. Seriya: Psixologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology], 2012, no 3, pp. 73–82.
27. Yadov V.A. O dispozicionnoj regulyacii social'nogo povedeniya lichnosti [On the dispositional regulation of the social behavior of the individual]. In E.V. Shoroxova (ed.). *Metodologicheskie problemy` social'noj psixologii* [Methodological problems of social psychology]. Moscow: Science, 1975, pp. 89–106.
28. Yadov V.A. Social'ny`e i social'no-psixologicheskie mexanizmy` formirovaniya social'noj identichnosti lichnosti [Social and socio-psychological mechanisms for the formation of social identity of the person]. *Mir Rossii* [World of Russia], 1995, no. 3–4, pp. 158–181.
29. Turner J.C. Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behaviour. In E.J. Lawler (eds.). *Advances in Group Process: Theory and Research*. Greenwich, Connecticut: JAI Press, 1985, pp. 77–121.

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ METHODOLOGICAL TOOLS

Альтруистическое инвестирование как нетворкинг-стратегия личности: разработка шкалы и проверка конструктивной валидности

Л.В. МАРАРИЦА*,
ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия,
larisamararitsa@mail.ru

Т.В. КАЗАНЦЕВА**,
ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия,
tatakaz@mail.ru

Л.Г. ПОЧЕБУТ***,
ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия,
ludmila.pochebut@gmail.com

А.Л. СВЕЩИЦКИЙ****,
ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия,
social.psychology@spbu.ru

В статье описан процесс разработки и проверки конструктивной валидности «Шкалы альтруистического инвестирования». Альтруистическое инвестиро-

Для цитаты:

Марарица Л.В., Казанцева Т.В., Почебут Л.Г., Свищицкий А.Л. Альтруистическое инвестирование как нетворкинг-стратегия личности: разработка шкалы и проверка конструктивной валидности // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 3. С. 157–176. doi:10.17759/sps.2019100310

* *Марарица Лариса Валерьевна* — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия, larisamararitsa@mail.ru

** *Казанцева Татьяна Валерьевна* — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия, tatakaz@mail.ru

*** *Почебут Людмила Георгиевна* — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия, ludmila.pochebut@gmail.com

**** *Свищицкий Анатолий Леонидович* — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия, social.psychology@spbu.ru

вание — одна из нетворкинг-стратегий, которые позволяют рассматривать социальное поведение личности с точки зрения ее включенности в обращение социального капитала социальной сети. Результаты эмпирического исследования подтверждают теоретическую модель и показывают, что разработанная шкала соотносится с компонентами стратегии, измеренными альтернативным путем. Проверка этой гипотезы проводилась при помощи структурного моделирования ($n=362$). Надежность шкалы составила 0,74 (альфа Кронбаха, $n=670$), оценки по ней не зависят от пола, не связаны с социальной желательностью и коррелируют ожидаемым образом с другими шкалами альтруизма и эгоизма. Показана принципиальная новизна конструкта альтруистическое инвестирование, который, в отличие от альтруистической мотивации, является более сложным феноменом и включает в себя также ценностный и поведенческий компоненты. Кроме того, шкала альтруистического инвестирования не измеряет альтруизм первого уровня.

Ключевые слова: социальный капитал, стратегии нетворкинга, социальные стратегии личности, альтруистическое инвестирование, просоциальное поведение, альтруизм.

Введение

Межличностные связи человека часто рассматриваются, с одной стороны, как его социальное богатство, с другой — как система взаимных обязательств, существующих между ним и его партнерами или группой [17]. Исследования нетворкинг-поведения и социального капитала показали, что люди отличаются по формируемой ими структуре неформальных отношений, паттерну связей в социальной сети и способу взаимодействия с социальным окружением [8; 21].

Данное исследование посвящено «альтруистическому инвестированию» (АИ) — нетворкинг-стратегии, характеризующейся, с одной стороны, просоциальной направленностью, с другой — направленностью на накопление и приумножение социального капитала [5]. Своим названием, звучащим, на первый взгляд, как оксюморон, стратегия обязана как раз этим двум измерениям. Оно отражает соответствие данной социальной стратегии критериям альтруизма, а также принадлежность к

сфере «капитала». Социальный капитал можно определять как инвестирование в социальные отношения и получение «прибавочной стоимости» именно через них [15]. Только в случае альтруистического инвестирования выгоду человек получает косвенную, улучшая условия взаимодействия в социальной среде, к которой он сам принадлежит. В данной работе мы рассматриваем теоретические основания стратегии, а затем — разработку и проверку валидности шкалы АИ.

Альтруистическое инвестирование как нетворкинг-стратегия: обоснование конструкта и проверка теоретической модели

Для того чтобы описать логику создания шкалы, необходимо обратиться к понятиям нетворкинга; модели 4-х нетворкинг-стратегий и ее предпосылкам; критериям и структуре стратегии АИ, выделенным в результате анализа феноменов альтруизма.

Термин «нетворкинг» чаще всего используется в контексте организационной психологии и означает социальное поведение, направленное на более эффективное достижение личных или организационных целей посредством выстраивания и активации социальных связей [12; 16; 22].

В течение последних десяти лет нетворкинг начал рассматриваться в более широком контексте (в контексте социальной сети) как отношение человека к формированию межличностных связей, например, как «склонность контактировать» [20] или как «персональная стратегия управления социальным капиталом» [18], которая создает эффекты, выходящие за рамки эго-сети человека.

Одна из теорий социального капитала описывает его через особенности социальных сетей, которые обеспечивают необходимые условия для доступа и пользования имеющимися в социальной сети ресурсами [15]. Характеристики социальной сети могут менять количество и качество доступных человеку ресурсов. Нас же ин-

тересует включенность личности в функционирование социальной сети. В этом контексте нетворкинг — это характерный для человека способ взаимодействия со своим социальным окружением, который, с одной стороны, определяется характеристиками социальных сетей, а с другой — сам может оказывать влияние на их функционирование и развитие. Социальная сеть — это среда для обмена ресурсами и общения. Именно в социальной сети человек участвует в накоплении и использовании социального капитала, стремясь найти баланс между просоциальной и эгоцентрической линиями поведения.

Предпосылками модели нетворкинг-стратегий стали релевантные идеи и концепции, разрабатываемые социологами и психологами [8]. Как видно из рис. 1, четыре стратегии выделяются на стыке 4-х векторов. Это, с одной стороны, ориентация на просоциальное или эгоцентрическое поведение, а с другой — ориентация на приумножение или использование социального капитала. Та-

Рис. 1. Модель 4-х нетворкинг-стратегий

ким образом, АИ — это просоциальная стратегия личности с ориентацией на приращение социального капитала.

Для уточнения психологического содержания стратегии и дифференциации со смежными стратегиями был проведен анализ понятия и феноменов альтруизма. Наиболее значимым для наших целей оказалось разведение альтруизма первого и второго уровня [11] и вычленение тех феноменов, которые «маскируются» под альтруизм, таковыми не являясь (вынужденный альтруизм, реципрокный альтруизм, родственный альтруизм, репутационный альтруизм и др.). Поле феноменов, включенных в формирование представления о стратегии АИ, представлено в табл. 1.

Альтруизм первого уровня направлен на помощь конкретному человеку, в то время как альтруизм второго уровня обусловлен заботой об общем благе, процветании сообщества. Реализация альтруизма второго уровня становится возможной благодаря нескольким механизмам [11]: альтруистическому вознаграждению за кооперативное поведение и соблюдение норм общежития, альтруистическому наказанию за пренебрежение ими (в ущерб себе, но во имя общественных интересов),

а также возможности альтруистической компенсации пострадавшему в результате нечестного взаимодействия [14]. Все эти механизмы работают только при условии, что осуществляются с целью обеспечения и максимизации общего блага. Таким образом, бескорыстно помогая и контролируя соблюдение норм взаимопомощи и кооперации другими членами сообщества, личность сознательно инвестирует усилия в создание благоприятной для всех социальной среды, косвенный выигрыш от чего в равной степени получит и сам альтруист, и все другие участники.

По результатам анализа феноменов альтруизма мы сформулировали пять критериев, которым должна отвечать стратегия АИ:

- 1 — готовность и расположенность помогать;
- 2 — доброжелательность как норма отношения к другим людям;
- 3 — нацеленность на общее благо, на улучшение ситуации для всех;
- 4 — готовность помогать бескорыстно, без отдачи и вне перспективы сотрудничества;
- 5 — важность общего блага по сравнению с личной репутацией.

Таблица 1

Феномены альтруизма и их соответствие содержанию стратегии АИ

Феномены, относящиеся к АИ	Феномены, не относящиеся к стратегии
Альтруистическое вознаграждение	Альтруизм лидера
Альтруистическое наказание	Альтруизм по отношению к родственникам
Альтруизм второго уровня	Альтруизм первого уровня
Социально-психологический капитал	Альтруизм власть имущих
Альтруистическая компенсация	Вынужденный альтруизм
Непрямой, нереципрокный альтруизм	Реципрокный альтруизм
Волонтерство	Репутационный альтруизм
Альтруистический интерес	
Альтруистическая мотивация	

Социальная стратегия отличается от многих других психологических конструктов тем, что она должна «читаться», быть понятной и адекватно воспринятой окружающими людьми. Поэтому мы сопоставили выделенные на основе анализа феноменов критерии стратегии с результатами исследования социальных представлений [7]. В этом исследовании респондентов просили привести примеры альтруистов и альтруистических поступков и описать их отличительные особенности. Чаще всего упоминались бескорыстность поступков, стремление принести пользу, отсутствие каких-либо выгод или даже жертвование личными интересами, ориентация на ценности доброты, поддержки и привлечение к этому других людей (выборка исследования: городская молодежь — 155 человек в возрасте 18—30 лет, 54% женщин). Эти ответы были получены в исследовании, проходившем параллельно теоретическому анализу и независимо от него. Поскольку данные результаты о социальных представлениях согласуются с критериями стратегии АИ, выделенными на основе теоретического анализа феноменов, мы считаем их подтверждением корректности выбранного подхода.

АИ рассматривается нами именно как стратегия, что предполагает наличие в структуре стратегии нескольких компонентов: ценностного, поведенческого и мотивационно-целевого. Ценностный компонент стратегии составляют ценности доброты и универсализма; поведенческий компонент составляют феномены альтруистического наказания и компенсации; мотивационно-целевой компонент стратегии основывается на субъективном представлении о причинах и целях собственных поступков (например, «нацеленность на общее благо, на

улучшение ситуации для всех», «готовность помогать бескорыстно, без отдачи и вне перспективы сотрудничества»).

В 2017 году мы проверили эту апрорную теоретическую модель структуры стратегии, согласно которой стратегия состоит из 3-х компонентов: ценностного (ценности доброты и универсализма в терминах Ш. Шварца), мотивационно-целевого (нацеленность на общее благо) и соответствующего поведения (в ситуациях типа социальных дилемм). При помощи методов структурного моделирования было показано, что выделение трех связанных между собой компонентов согласуется с эмпирическими данными [5].

Разработка шкалы альтруистического инвестирования и первые результаты проверки ее психометрических свойств

Пункты шкалы были сформулированы и отобраны группой из 5 экспертов на основе представления о критериях стратегии и относящихся к ней феноменах. В исследовании 2015 года на выборке 267 человек (городская молодежь 18—29 лет, 55% женщин) был апробирован текст шкалы из 22 пунктов. Альтруистическое поведение подвержено социальной желательности, поэтому были исключены пункты, которые не давали разброса ответов и/или сильно коррелировали со шкалой социальной желательности, учитывались и связи между пунктами и с суммарным баллом по шкале. В итоговом варианте шкала состояла из 7 вопросов (см. Приложение 1), надежность ее составила 0.75 по коэффициенту альфа Кронбаха; корреляция с сокращенной версией шкалы

социальной желательности Марлоу-Крауна оказалась не значима ($r=0,105$), что важно для шкал подобного содержания и может рассматриваться как первый аргумент в пользу дискриминантной валидности шкалы.

В 2016 году шкала прошла первую проверку на конвергентную валидность в двух исследованиях под нашим руководством. В первом исследовании М.А. Недошивиной была показана положительная связь шкалы АИ с установкой личности на альтруизм ($r=0,523$, $p\leq 0,01$) и отрицательная – на эгоизм по методике О.Ф. Потемкиной ($r=-0,419$, $p\leq 0,01$, на выборке $n=170$, возраст 18–35 лет, 68% женщин). Несмотря на достаточно высокий уровень корреляции между установкой на альтруизм и стратегией АИ, за этими феноменами стоят различные мотивационные механизмы. Результаты регрессионного анализа показали, что стремление к принятию со стороны группы является значимым предиктором балла по шкале АИ ($F(1,168)=18,24$, $p<0,001$, скорр. $R^2=0,093$), а страх отвержения – нет ($F(1,168)=0,60$, $p=0,81$, скорр. $R^2=-0,006$). А для установки на альтруизм, измеренной по методике О.Ф. Потемкиной, уже страх отвержения становится значимым предиктором ($F(1,168)=14,90$, $p<0,001$, скорр. $R^2=0,076$), а стремление к принятию – незначимым ($F(1,168)=0,03$, $p=0,87$, скорр. $R^2=-0,006$). Стремление к принятию и страх отвержения оценивались при помощи опросника аффилиации А. Мехрабиана [10]. Отсутствие связи между АИ и страхом отвержения – это еще одно подтверждение дискриминантной валидности шкалы. В этом же исследовании было получено подтверждение и прогностической валидности шкалы: она позволяет предсказать го-

товность человека помочь другому в различных ситуациях, таких, например, как помощь пожилым людям [7].

В исследовании И.А. Андреева получена отрицательная корреляция со шкалой диспозиционного эгоизма К. Муздыбаева ($r=-0,332$, $p\leq 0,01$, на выборке $n=101$, возраст 20–60 лет, 67% женщин). Была показана связь шкалы с предоставлением поддержки не родственникам ($r=0,271$, $p\leq 0,01$) на материале модифицированного опросника воспринимаемой социальной поддержки (Social Support Questionnaire 6 (SSQ6) [19]), в то время как связи стратегии с объемом предоставляемой социальной поддержки родственникам обнаружено не было. Этот результат можно рассматривать как важный аргумент в пользу дискриминантной валидности методики: она не измеряет альтруизм первого уровня. В этом же исследовании показано, что социальная поддержка играет принципиально разную роль в жизни людей с высокими и низкими показателями АИ. Для тех, кто имеет высокие показатели по этой стратегии, получение и оказание социальной поддержки связано с удовлетворенностью жизнью ($r=0,423$, $p\leq 0,01$ и $r=0,290$, $p\leq 0,05$ соответственно, на подвыборке $n=54$). В то же время у людей с низкими показателями по стратегии АИ получение и оказание поддержки связано с самочувствием ($r=0,417$, $p\leq 0,01$ и $r=0,443$, $p\leq 0,01$ соответственно, на подвыборке $n=47$). Как и предполагалось, для людей с выраженной стратегией АИ поддержка других важна при оценке своей жизни в целом, для остальных она оказывается значимой на более тактическом, ситуативном уровне переживания субъективного благополучия и не определяет общую оценку жизни [1].

Дизайн исследования по проверке конструктивной валидности шкалы альтруистического инвестирования и его результаты

Целью настоящего эмпирического исследования являлась проверка конструктивной валидности шкалы АИ, для чего было необходимо изучить: 1) связь АИ как комплексного феномена с ценностными ориентациями, поведенческими стратегиями и осознаваемыми целями, оцененными независимо другими методиками; 2) характер связи АИ с альтруистической и эгоцентрической направленностью личности; 3) отсутствие связи АИ с полом и возрастом респондентов в соответствии с пониманием функции данной стратегии.

Процедура исследования

Исследование проводилось онлайн, что позволило контролировать время заполнения методик и исключить влияние присутствия исследователя (что важно для адекватной оценки социального поведения). Выборка формировалась методом снежного кома в виртуальной социальной сети («ВКонтакте»). Подавляющее большинство респондентов проживают в г. Санкт-Петербурге и в г. Москве, имеют высшее или неоконченное высшее образование.

В 2015 году первичная выборка составила 167 человек, после отбора в нее вошли 153 человека в возрасте от 17 до 68 лет (медиана — 26 лет, среднее — 27.93), 61% женщин. В 2016 году в исследовании участвовало 694 человека, из которых после отбора в выборку вошли 670 человек в возрасте от 18 до 64 лет (медиана — 28 лет, среднее — 29.99), 64% женщин.

Методы и результаты проверки гипотез

Первая гипотеза о связи шкалы с компонентами стратегии, оцененны-

ми независимо другими методиками, проверялась на объединенной выборке 2015 и 2016 гг., в итоге в нее вошли 362 человека (возраст от 17 до 62 лет, медиана — 27 лет, среднее — 28.69, 60% женщин). Объединение выборок связано с требованием определенного соотношения переменных, включенных в анализ, и необходимого для проверки гипотезы количества наблюдений.

Методики, включенные в исследование для проверки первой гипотезы

Стратегия альтруистического инвестирования оценивалась по разработанной нами методике из 7 утверждений с 5-балльной шкалой Ликерта для оценки степени согласия с ними от «совершенно согласен» до «совершенно не согласен» (см. Приложение 1). Компоненты стратегии выделялись как латентные факторы, согласно верифицированной модели стратегии [5]. Ценностный компонент оценивался на основе шкал доброты и универсализма методики ценностных ориентаций Ш. Шварца [4]. Поведенческий компонент — на основе выбора той или иной линии поведения в социальных ситуациях, релевантных стратегии, которые исследовались при помощи специально разработанного опросного листа «социальных дилемм» [2]. Мотивационно-целевой компонент оценивался при помощи прямого закрытого вопроса, предъявляемого после ответов на опросный лист: «Чем может руководствоваться человек, который ответил так же, как Вы?» Важно отметить, что подобный методический прием определения мотивационно-целевого компонента, безусловно, порождает связь между двумя компонентами (мотивационно-целевым и поведенческим), поскольку мотивировка представляет собой рефлексивный уровень принятого решения. Однако мы считаем этот прием наиболее адекватным

способом оценки содержания мотивационно-целевого компонента.

*Методика анализа данных
для первой гипотезы*

Гипотеза о том, что стратегия АИ, оцененная разработанной нами шкалой, связана с тремя компонентами этой же стратегии, представляющими собой латентные факторы, выделенные на основе существующих психологических методик и приемов оценки ценностей, выбора линии поведения и ее мотивировки, предполагает конфирматорный анализ. Для его реализации подходят методы структурного моделирования с оценкой качества модели, ее соответствия эмпирическим данным. Мы построили модель и проверили ее методом структурного моделирования (SEM). Обработка и анализ данных были проведены с помощью языка

программирования R (версия 3.3.2) в среде Rstudio (версия 1.1.350). Структурное моделирование произведено с помощью пакета Lavaan (версия 0.5-23.1097); для построения моделей использовался метод максимального правдоподобия. Пороговые значения и методология анализа выбирались на основе работы Р. Кляйна [13]. Пороговыми значениями критериев для принятия модели мы поставили $CFI > 0.95$, $RMSEA < 0.05$, $SRMR < 0.05$. В рамках анализа мы сравниваем две факторные модели с помощью LTR теста (теста отношения правдоподобия).

*Результаты проверки
первой гипотезы*

Переменные, включенные в анализ, указаны в табл. 2. В модели присутствуют три латентных компонента стратегии, полученных на основе приведенных в

Таблица 2
Переменные, включенные в построение модели методом SEM

Переменные	Краткие обозначения	Компонент стратегии
Альтруистическое наказание	A_P	Поведенческий
Альтруистическая компенсация	A_C	Поведенческий
Конформное инвестирование в группу	C_I	Поведенческий
Взаимное инвестирование в группу	M_I	Поведенческий
Универсализм	Univ	Ценностный
Доброта	Ben	Ценностный
Желание помочь другому человеку, удовольствие от этого	cr1	Мотивационный
Доброжелательное отношение ко всем людям без исключения	cr2	Мотивационный
Желание улучшить ситуацию в целом, для всех	cr3	Мотивационный
Готовность помогать просто так, без отдачи (бескорыстие)	cr4	Мотивационный
Готовность помогать, даже если при этом тебя поймут неправильно	cr5	Мотивационный
Балл по разработанной нами шкале альтруистического инвестирования (altruistic investment, AI)	AI	Стратегия в целом как объединение всех компонентов

табл. 2. переменных: ценностный (Vls), поведенческий компонент (Alt_s) и мотивационно-целевой (Alt_m).

Первым этапом анализа в рамках построения и проверки модели для конфирматорного факторного анализа является проверка данных на мультиколлинеарность. Такую проверку мы осуществили методом подсчета квадрата множественного коэффициента корреляции (SMC). Ни у одной из переменных он не превысил 0,8. Следующим этапом нашего анализа являются построение модели и ее проверка. Важно указать, что подробный анализ выделения и проверки содержания компонентов стратегии, представленных в модели латентными факторами, про-

водился нами ранее и показал корректность априорной модели, поэтому мы не будем останавливаться подробно на этом в данной работе [5].

В настоящей работе мы рассмотрим более сложную структурную модель. Мы предполагаем, что выделенные в предыдущем анализе латентные переменные – компоненты стратегии – могут предсказывать значения по нашей шкале АИ.

В первую очередь проверим модель, в которой мы используем все три компонента для расчета значений шкалы АИ (см. рис. 2). Значения критериев соответствия показывают хорошую сходимость модели и данных (CFI>0.95, RMSEA<0.05, SRMR<0.05). Точные значения приведены в табл. 3.

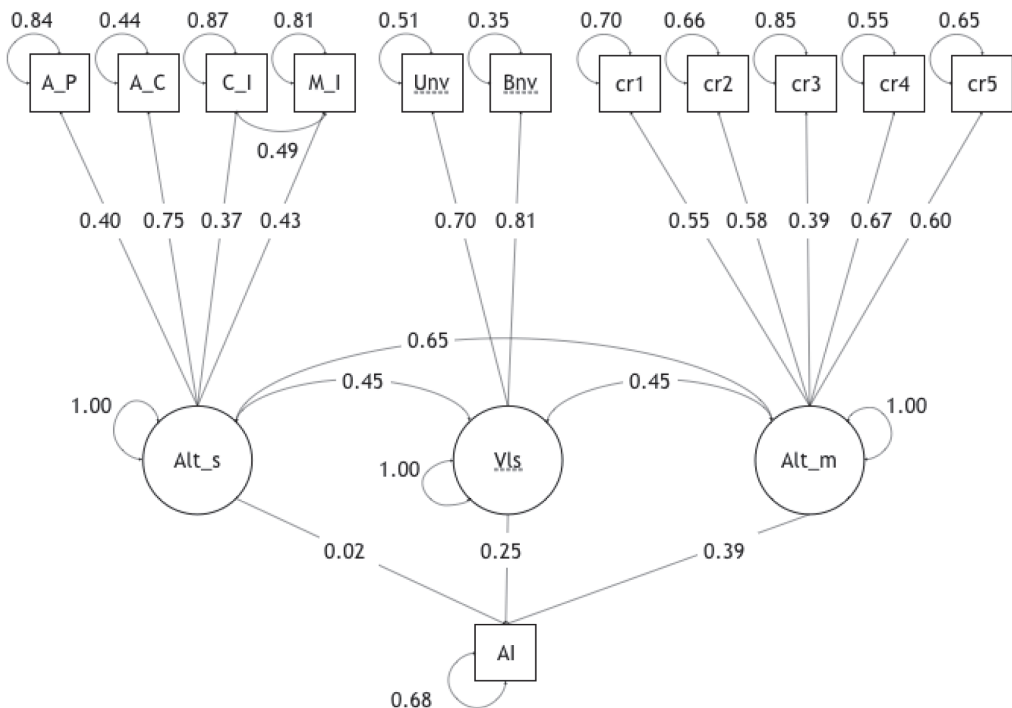

Рис. 2. Структурная модель для предсказания значений шкалы АИ на основе всех трех ее компонентов (полная)

Так как факторная модель показывает идентичные результаты, полученные в ранней работе [5], сконцентрируемся на показателях регрессии. В табл. 4 видно, что не все латентные взаимосвязи одинаково сильно связаны со шкалой: практически нет связи с поведенческим компонентом. Этот эффект хорошо объясняют корреляции, которые возникли между латентными переменными. Взаимосвязь между поведенческим и мотивационным компонентами сильная — 0.65, такая связь между компонентами ожидаема и связана с методическими особенностями исследования: мотивационный компонент измерялся через мотивировку выбранной линии поведения (которая и составляет поведенческий). Так как мотивационный компонент измерялся как группа бинарных переменных, то вероятнее всего он просто перетягивает предсказательный эффект на себя за

счет меньшего разброса данных. Проверим, как будет выглядеть модель без связи между мотивационным компонентом и шкалой альтруистического инвестирования (см. рис. 3).

В этой модели («частичная модель») мы не рассматриваем мотивационный компонент как один из предикторов оценок в регрессии, чтобы проверить, будет ли в его отсутствие поведенческий компонент предсказывать оценки по шкале альтруистического инвестирования.

Критерии сходимости, приведенные в табл. 5, так же показывают, что эта модель сошлась и правдоподобно описывает наши данные.

Рассмотрим построенную в рамках модели регрессию и корреляции между латентными переменными. Теперь поведенческий компонент играет ключевую роль, что подтверждает наше предположение о коллинеарности латентных переменных, представляющих поведен-

Таблица 3

Показатели полной структурной модели предсказания значений шкалы АИ на основе всех трех ее компонентов

Переменные	Значение
Кол-во параметров	26.000
Степени свободы	40.000
X ²	62.458
CFI	0.971
RMSEA	0.039
SRMR	0.041

Таблица 4

Коэффициенты регрессии в полной модели предсказания оценки по шкале АИ на основе трех компонентов стратегии

Переменная	Коэффициент	Ст. отклонение	Р-уровень
Поведенческий компонент	0.0259819	0.0985498	0.7920558
Ценностный компонент	0.2523947	0.0680328	0.0002073
Мотивационный компонент	0.3870721	0.0858847	0.0000066

ческий и мотивационный компоненты стратегии (см. табл. 6), и говорит о важности этого компонента.

Сравним полную и частичную модели по качеству описания данных (табл. 7). Для этого оценим разницу в показателях

теста χ^2 с помощью LTR теста (теста отношения правдоподобия).

Этот тест показывает, что полная модель статистически значимо ($p < 0.0001$) лучше описывает данные. Стоит еще раз отметить, что в рамках проведения исследова-

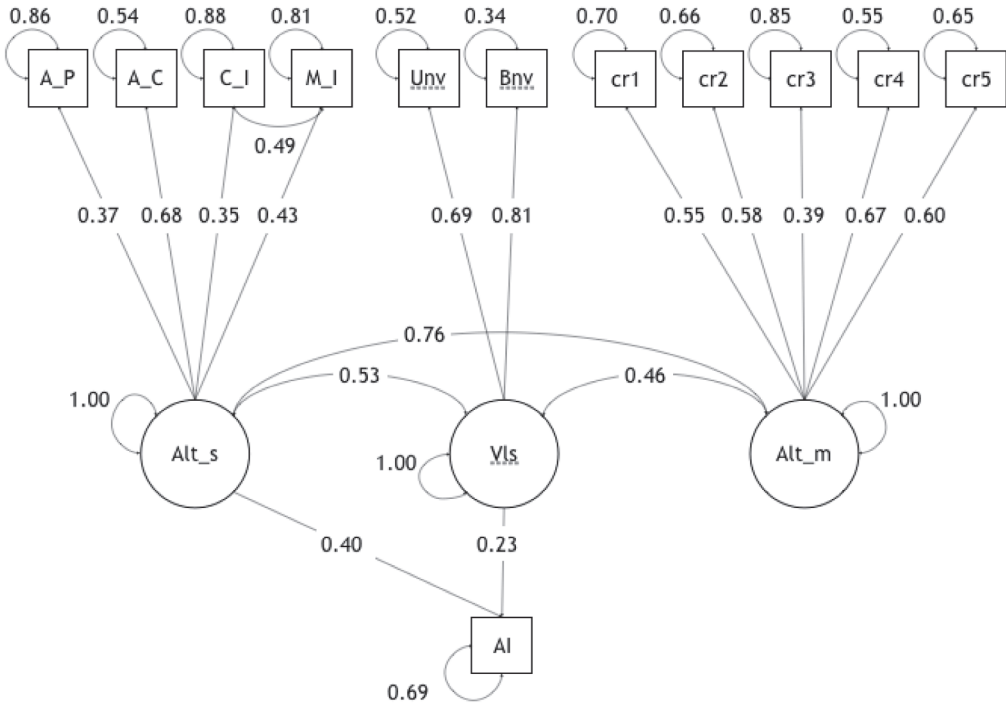

Рис. 3. Структурная модель (частичная) для предсказания значений шкалы AI на основе двух ее компонентов, без учета мотивационного

Таблица 5

Показатели частичной структурной модели предсказания значений шкалы AI на основе двух ее компонентов, без учета мотивационного

Переменные	Значение
Кол-во параметров	26.000
Степени свободы	40.000
χ^2	62.458
CFI	0.971
RMSEA	0.039
SRMR	0.041

дования респонденты в ответах на мотивационную часть опросника (по которой оценивался мотивационный компонент) опирались на решения, принятые в поведенческой части (по которой оценивался поведенческий компонент) — это объясняет сильную корреляцию между двумя факторами и приводит к такому поведению полной и частичной моделей. Исходя из приведенного анализа, мы можем сказать, что описанная нами теоретическая модель нашла подтверждение в данных и может быть использована в дальнейшем анализе.

Вторая гипотеза о связи шкалы АИ со шкалами, измеряющими близкие конструкты, проверялась через три частные гипотезы на подвыборках исследования 2016 года.

2.1. Шкала АИ положительно связана со шкалой альтруизма из методики «Измерение показателей заботы» (M. Donius «Instrumental Caring Inventory (ICI)»), адаптированной И.А. Фурмановым, Н.В. Кухтовой [4].

2.2. Шкала АИ отрицательно связана со шкалой диспозиционного эгоизма К. Муздыбаева [6].

2.3. Шкала АИ связана со шкалами методики «Социально-психологическая установка на альтруизм и эгоизм» О.Ф. Потемкиной [9]: положительно для установки на альтруизм и отрицательно с установкой на эгоизм.

Выбор инструментария для подтверждения конвергентной валидности определялся исходя из доступности методик на русском языке на момент проведения исследования. Гипотеза проверялась при помощи рангового коэффициента корреляции Спирмена и t-критерия Стьюдента. Обработка и анализ данных были проведены с помощью языка программирования R (версия 3.3.2) в среде Rstudio (версия 1.1.350).

Результаты проверки второй гипотезы

Результаты корреляционного анализа представлены в табл. 8. Как видно из таблицы, шкала альтруистического инвестирования ожидаемым образом связана со шкалами, измеряющими альтруистические и эгоистические установки и диспозиции. Сила эффектов также соответствует нашим ожиданиям, что позволяет сделать вывод о подтверждении второй гипотезы.

Таблица 6

Коэффициенты регрессии в частичной модели предсказания оценки по шкале АИ при исключении мотивационного компонента

Переменная	Коэффициент		P-уровень
Поведенческий компонент	0.3957918	0.0741658	0.0000001
Ценностный компонент	0.2303850	0.0752196	0.0021925

Таблица 7

Сравнение полной и частичной моделей по качеству описания данных

	AIC	BIC	X2	LTR-тест	P-уровень
Полная модель	16317.51	16434.26	69.83983	-	-
Частичная модель	16331.68	16444.54	86.01687	16.17704	5.77e-05

Третья гипотеза о независимости шкалы от пола и возраста проверялась на всей выборке 2016 года. Также на всей выборке был подсчитан коэффициент надежности шкалы — альфа Кронбаха. Третья гипотеза проверялась, как и вторая, при помощи рангового коэффициента корреляции Спирмена и t-критерия Стьюдента.

Результаты проверки третьей гипотезы

Балл по шкале альтруистического инвестирования колеблется в диапазоне от 7 до 35, средний балл — 25.46, стандартное отклонение — 4.62, медиана — 26. Коэффициент надежности шкалы альфа Кронбаха для выборки 2016 года составил 0.74.

Была обнаружена слабая корреляция шкалы альтруистического инвестирования с возрастом ($r=0.1$, $p \leq 0,01$ ($t=2.7922$, $p\text{-value}=0.00538$), $n=670$). Пол не влияет на выраженность стратегии ($t=-0.30487$, не значим ($p\text{-value}=0.7606$), $n=670$) (см. рис. 4). Таким образом, можно считать, что третья гипотеза подтверждена для пола, слабая связь с возрастом требует дополнительного исследования, подтверж-

дения и объяснения, ранее в наших исследованиях на выборках меньшего объема подобная связь не обнаруживалась.

Обсуждение результатов исследования

Результаты исследования подтверждают заявленные гипотезы, содержат подтверждение конструктивной валидности разработанной шкалы АИ и указывают на отсутствие различий по полу. Очень слабая связь шкалы с возрастом может быть проинтерпретирована как эффект от накопления социального опыта, пересмотр установок в сторону большей просоциальности у старшей части выборки, но такое объяснение требует отдельной проверки, а полученная связь — воспроизводства в независимом исследовании (эта связь не обнаруживалась нами ранее). С нашей точки зрения, самым сильным аргументом в пользу качества шкалы является подтверждение априорной теоретической модели стратегии на данных эмпирического исследования с оценкой

Таблица 8

Коэффициенты корреляции шкалы альтруистического инвестирования с близкими конструктами

Конструкт, включенный в анализ корреляции со шкалой АИ	Размер под-выборки	Коэф-фициент	P-уровень
Шкала альтруизма из методики «Измерение показателей заботы» (M. Donius «Instrumental Caring Inventory (ICI)»), адаптированной И.А. Фурмановым, Н.В. Кухтовой (2012)	494	0.327	$p \leq 0,001$
Шкала диспозиционного эгоизма К. Муздыбаева (2000)	494	-0.201	$p \leq 0,001$
Шкала социально-психологической установки на альтруизм О.Ф. Потемкиной (2001)	259	0.435	$p \leq 0,001$
Шкала социально-психологической установки на эгоизм О.Ф. Потемкиной (2001)	259	-0.242	$p \leq 0,001$

компонентов как латентных факторов, выделенных на основе существующих методик и подходов к оценке ценностей личности, социального поведения и его мотивировок.

Вторым подтверждением конструктивной валидности является ожидаемый паттерн связей методики с другими шкалами альтруизма и эгоизма. Если сравнивать психометрические качества разработанной нами шкалы, то ее надежность выше, чем надежность шкалы альтруизма из методики «Измерение показателей заботы» (M. Donius «Instrumental Caring Inventory (ICI)»), адаптированной И.А. Фурмановым, Н.В. Кухтовой (2012) [4]. Альфа Кронбаха нашей шкалы составляет 0,75, в то

время как у русскоязычной версии сравнимой методики — 0,62, для шкалы социально-психологической установки на альтруизм О.Ф. Потемкиной (2001) [9] показатель надежности в публикациях не обнаружен. Кроме того, предложенная нами шкала не связана с социальной желательностью.

Следует отметить, что измеряемый шкалой АИ конструкт обладает принципиальной новизной. Так, социально-психологическая установка на альтруизм, с которой были получены наиболее сильные связи, — это, прежде всего, мотивационный конструкт. Альтруистическое инвестирование, будучи социальной стратегией обращения с социальным капиталом, помимо мотива-

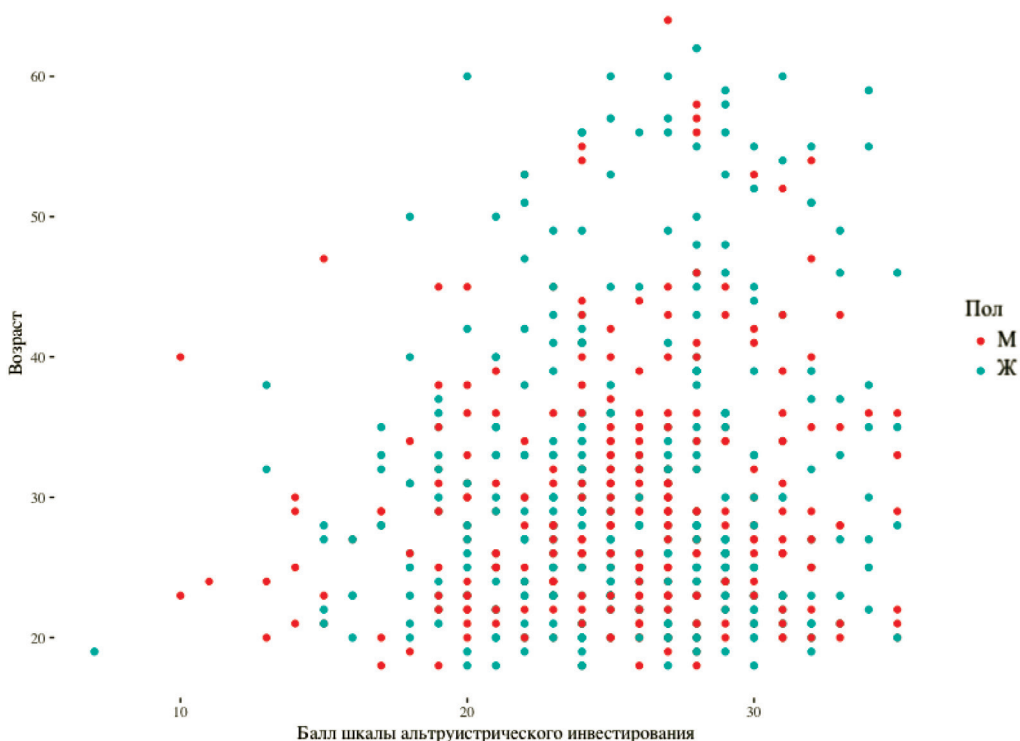

Рис. 4. Распределение баллов по шкале АИ по полу и возрасту

ционного компонента включает в себя ценностный и поведенческий компоненты. Кроме того, выше были описаны результаты проверки дискриминантной валидности шкалы, которые указывают на то, что мотивационные составляющие этих двух конструкторов имеют тонкое различие в своем содержании. Альтруистическое инвестирование, являясь проявлением заботы о благе группы как целого, не связано со страхом отвержения группой, в то время как установка на альтруизм (отражающая скорее установку на помощь конкретному другому) — связана. Таким образом, можно утверждать, что шкала АИ не измеряет альтруизм первого уровня.

Важно отметить, что в исследовании принимали участие городские жители с достаточно высоким уровнем образования, имеющие аккаунты в социальной сети, проживающие в России. Это может служить ограничениями нашего исследования. Также стоит отметить, что в рамках данной работы мы не ставили перед собой задачу проверки ретестовой надежности шкалы, ее стандартизацию, выработку норм.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00777-ОГН «Нетворкинг-стратегии личности в формировании социального капитала социальной сети»).

Выводы

1. Шкала АИ получила подтверждение своей конструктивной валидности путем проверки априорной теоретической модели на данных эмпирического исследования с использованием методов структурного моделирования.

2. Показана конвергентная валидность шкалы АИ с методиками, измеряющими близкие понятия: социально-психологическими установками на альтруизм и эгоизм, диспозиционным эгоизмом, а также альтруизмом в контексте заботы о других людях.

3. Шкала АИ показала удовлетворительную надежность: 0,74–0,75 (альфа Кронбаха), независимость от пола и слабую положительную связь с возрастом респондентов, которая требует дополнительного исследования для своего подтверждения и интерпретации.

4. Проведенный анализ настоящего и представленных в статье исследований показывает, что шкала альтруистического инвестирования валидна, не связана с социальной желательностью и обладает хорошими психометрическими качествами.

Шкала альтруистического инвестирования

Пункты шкалы альтруистического инвестирования
1. Другие видят во мне человека, к которому легко обратиться за помощью.
2. В каждом человеке я стараюсь разглядеть друга.
3. Я стараюсь изменить ситуацию к лучшему для всех.
4. Я стараюсь так строить отношения, чтобы быть полезным людям.
5. Я забочусь о благополучии других людей.
6. Я испытываю необходимость что-то сделать для того человека, с кем обошлись несправедливо.
7. Я спокойно отношусь к тому, что другие считают меня слишком добрым.

Ключ: все утверждения прямые, ответы оцениваются по 5-балльной шкале в зависимости от степени согласия с утверждением, от 1 — «совершенно не согласен» до 5 — «совершенно согласен». Суммарный балл отражает степень приверженности человека социальной стратегии альтруистического инвестирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреев И.А.* Социальная поддержка как фактор субъективного благополучия: дипл. работа (диссертация магистра психологии). Санкт-Петербургский государственный университет, СПб., 2016. 115 с.
2. *Казанцева Т.В., Марарица Л.В.* Ситуационные факторы решения социальных дилемм в экономических играх: эмпирическое исследование на выборке российской молодежи [Электронный ресурс] // *Universum: Психология и образование: электрон. научн. журн.* 2016. № 5 (23). URL: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/3177> (дата обращения: 10.05.2016).
3. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности. СПб.: Речь, 2004. 72 с.
4. *Кухтова Н.В.* Помогающее поведение, связанное с проявлением заботы: адаптация методики «Измерение показателей заботы» // *Психологический журнал: ежеквартальное научно-практическое издание / Учр.: Республиканский центр проблем человека.* 2012. № 3–4 (33–34). С. 109–115.
5. *Марарица Л.В., Казанцева Т.В., Почебут Л.Г., Свенцицкий А.Л.* Вклад личности в социальный капитал группы: структура альтруистического инвестирования // *Социальная психология и общество.* 2018. Т. 9. № 1. С. 43–66. doi:10.17759/sps.2018090104
6. *Муздыбаев К.* Эгоизм личности // *Психологический журнал.* 2000. Т. 21. № 2.
7. *Недошивина М.А.* Личностные и ситуационные детерминанты альтруистического поведения: дипл. работа (диссертация магистра психологии). Санкт-Петербургский государственный университет, СПб., 2016. 112 с.
8. *Почебут Л.Г., Свенцицкий А.Л., Марарица Л.В., Казанцева Т.В., Кузнецова И.В.* Социальный капитал личности: Монография. М.: ИНФРА-М, 2014. 250 с.

9. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: Учебное пособие / Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара: Бахрах-М, 2001. 672 с.
10. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии. 2002. 490 с.
11. Fehr E., Fischbacher U. The Nature of Human Altruism // *Nature*. 2003. № 425. P. 785–791.
12. Forret M.L., Dougherty T.W. Networking Behaviors and Career Outcomes: Differences for Men and Women? // *Journal of Organizational Behavior*. 2004. V. 25 (3). P. 419–437.
13. Kline R.B. Convergence of Structural Equation Modeling and Multilevel Modeling // *The Sage handbook of Innovation in Social Research Methods* / In Williams M., Vogt W.P. (eds.). London: SAGE Publications Ltd, 2011. P. 562–589. doi:10.4135/9781446268261
14. Leliveld M.C., van Dijk E., van Beest I. Altruistic Compensation Vs. Altruistic Punishment: How People Restore Justice (November 9, 2008). // IACM 21st Annual Conference Paper. Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=1298584> (дата обращения: 12.10.2017).
15. Lin N. A Network Theory of Social Capital // *The Handbook of Social Capital* / In Castiglione, Dario, van Deth, Jan, Wolleb, Guglielmo (eds.). New York: Oxford University Press, 2008. P. 50–69.
16. Michael J., Yukl G. Managerial Level and Subunit Function as Determinants of Networking Behavior in Organizations // *Group & Organization Management*. 1993. V. 18 (3). P. 328–351.
17. Molm L.D. The Structure of Reciprocity // *Social Psychology Quarterly*. 2010. Vol. 73 (2). P. 119–131. doi:10.1177/0190272510369079
18. Pochebut L.G., Mararitsa L.V. Individual Strategies of Managing Social Capital: A New Look at the Psychology of Interpersonal Relationships // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2013. Vol. 86. P. 557–562. doi:10.1016/j.sbspro.2013.08.613
19. Sarason B.R., Sarason I.G., Pierce G.R. Traditional Views of Social Support and Their Impact on Assessment // *Social Support: An Interactional View* / In Sarason B.R., Sarason I.G., Pierce G.R. (eds.). New York: Wiley, 1990. P. 9–25.
20. Totterdell P., Holman D., Hukin A. Social Networkers: Measuring and Examining Individual Differences in Propensity to Connect with Others // *Social Networks*. Vol. 30 (4). P. 283–296. doi:10.1016/j.socnet.2008.04.003
21. Tulin M., Lancee B., Volker B. Personality and Social Capital // *Social Psychology Quarterly*. December 7, 2018. P. 295–318. doi:10.1177/0190272518804533
22. Wolff H.G., Moser K. Effects of Networking on Career Success: A Longitudinal Study // *Journal of Applied Psychology*. 2009. V. 94 (1). P. 196–206. doi:10.1037/a0013350

Altruistic investment as a personal networking strategy: The development of scale and testing its constructive validity

L.V. MARARITSA*,

*Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia,
larisamararitsa@mail.ru*

T.V. KAZANTSEVA**,

*Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia,
tatakaz@mail.ru*

L.G. POCHEBUT***,

*Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia,
ludmila.pochebut@gmail.com*

A.L. SVENTSITSKI****,

*Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia,
social.psychology@spbu.ru*

The article describes the process of verifying the constructive validity of the “Altruistic Investment Scale”. Altruistic investment is one of the networking strategies that allow scientists to consider the social behavior of an individual in terms of its involvement in the mechanisms of social capital formation and conversion. The results of the empirical research confirm the theoretical model and show that the developed scale corresponds to the components of the strategy, measured in an alternative ways. Testing of this hypothesis was carried out using structural modeling (n = 362). The reliability of the scale was 0.74 (Cronbach’s alpha, n = 670), the grades obtained by the scale do not depend on gender, are not related to social desirability, and correlate in the expected way with other scales of altruism and selfishness. The principal novelty of the construct of altruistic investment was demonstrated. In contrast to the construct of altruism, which is motivational by its essence, altruistic investment is a more complex

For citation:

Mararitsa L.V., Kazantseva T.V., Pochebut L.G., Sventsitski A.L. Altruistic investment as a personal networking strategy: The development of scale and testing its constructive validity. *Sotsial’naia psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019. Vol. 10. no. 3, pp. 157–176. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100310

* *Mararitsa Larisa V.* — PhD in Psychology, Senior Lecturer, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, larisamararitsa@mail.ru

** *Kazantseva Tatiana V.* — PhD in Psychology, Senior Lecturer, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, tatakaz@mail.ru

*** *Pochebut Ludmila G.* — Doctor of Science in Psychology, Professor, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, ludmila.pochebut@gmail.com

**** *Sventsitskiy Anatoliy L.* — Doctor of Science in Psychology, Professor, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, social.psychology@spbu.ru

concept and includes values and behavioral components as well. Moreover, the Altruistic Investment Scale doesn't measure the 'first-order' altruism.

Keywords: *social capital, strategies of social behavior, networking strategy, altruistic investment, prosocial behavior, altruism.*

Funding

This work was supported by grant RFH № 17-06-00777 "Personal networking strategies in the formation of the social capital in social networks".

REFERENCES

1. Andreev I.A. Social'naya podderzhka kak faktor sub"ektivnogo blagopoluchiya [Social Support as a Factor of Subjective Wellbeing]. Mag. (Psychology) diss. Saint-Petersburg, 2016.115 p. (In Russ., Abstr. in Engl.).
2. Kazantseva T.V., Mararitsa L.V. Situacionnye faktory resheniya social'nyh dilemm v ehkonomicheskikh igrakh: ehmpiricheskoe issledovanie na vyborke rossijskoj molodezhi [Elektronnyi resurs] [Situational Factors Of Social Dilemmas Solving In Economic Games: An Empirical Study On A Sample Of Russian Youth]. *Universum: Psihologiya i obrazovanie: ehlektron. nauchn. zhurn* [Universum: Psychology and Education], 2016, no. 5 (23). URL: <http://7univsum.com/ru/psy/archive/item/3177> (Accessed: 10.05.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.).
3. Karandashev V.N. Metodika Shvarca dlya izucheniya cennostej lichnosti [Schwartz's measure for assessment of personality values]. Saint-Petersburg, Russia. Pub.: Rech', 2004. 72 p. (In Russ.).
4. Kukhtova N.V. Pomogayushchee povedenie, svyazannoe s proyavleniem zaboty: adaptaciya metodiki «Izmerenie pokazatelej zaboty» [Helping behavior connected with manifestation of care: adaptation of "Care Inventory"]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2012, no. 3–4 (33–34), pp. 109–115. (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Mararitsa L.V., Kazantseva T.V., Pochebut L.G., Sventsitskiy A.L. The contribution of the individual to the group's social capital: the structure of altruistic investment. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2018. Vol. 9, no. 1, pp. 43–66. doi:10.17759/sps.2018090104 (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Muzdybaev K. Egoizm lichnosti [The Egoism of the Personality]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2000. Vol. 21, no. 2, pp. 27–39. (In Russ., abstr. in Engl.)
7. Nedoshivina M.A. Lichnostnye i situacionnye determinanty al'truisticheskogo povedeniya [Personality and Situational Determinants of Altruistic Behavior]. Mag. (Psychology) diss. Saint-Petersburg, 2016. 112 p. (In Russ., abstr. in Engl.)
8. Pochebut L.G., Sventsitskiy A.L., Mararitsa L.V., Kazantseva T.V., Kuznetsova I.V. Social'nyj kapital lichnosti [The Sosial Capital of the Personality]. Moscow.: Pub.: INFRA-M, 2014. 250 p. (In Russ.).
9. Rajgorodskij D.Ya. Prakticheskaya psihodiagnostika. Metodiki i testy. [Psychodiagnosics in Practice. Methods and Tests.]. Samara: Bahrah-M, 2001. 672 p. (In Russ.).

10. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manujlov G.M. Social'no-psihologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malyh grupp [Social-Psychological Diagnostics of Personality Development in the Small Groups]. Moscow: Publ. Institut psihoterapii, 2002. 490 p. (In Russ.).
11. Fehr E., Fischbacher U. The Nature of Human Altruism. *Nature*, 2003, no. 425, pp. 785–791.
12. Forret M.L., Dougherty T.W. Networking Behaviors and Career Outcomes: Differences for Men and Women? *Journal of Organizational Behavior*, 2004. Vol. 25 (3), pp. 419–437.
13. Kline R.B. Convergence of Structural Equation Modeling and Multilevel Modeling. In M. Williams, W.P. Vogt (eds.). *The Sage handbook of Innovation in Social Research Methods*. London: SAGE Publications Ltd, 2011, pp. 562–589. doi: 10.4135/9781446268261
14. Leliveld M.C., van Dijk E., van Beest I. Altruistic Compensation Vs. Altruistic Punishment: How People Restore Justice. *IACM 21st Annual Conference Paper*. (November 9, 2008). Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=1298584> (Accessed 12.10.2017).
15. Lin N. A Network Theory of Social Capital. In Castiglione D., van Deth J., Wolleb G. (eds.): *The Handbook of Social Capital*. New York: Oxford University Press, 2008, pp. 50–69.
16. Michael J., Yukl G. Managerial Level and Subunit Function as Determinants of Networking Behavior in Organizations. *Group and Organization Management*, 1993. Vol. 18 (3), pp. 328–351.
17. Molm L.D. The Structure of Reciprocity. *Social Psychology Quarterly*, 2010. Vol. 73 (2), pp. 119–131. <https://doi.org/10.1177/0190272510369079>
18. Pochebut L.G., Mararitsa L.V. Individual Strategies of Managing Social Capital: A New Look at the Psychology of Interpersonal Relationships. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 2013, no. 86, pp. 557–562. doi:10.1016/j.sbspro.2013.08.613
19. Sarason B.R., Sarason I.G., Pierce G.R.: Traditional Views of Social Support and Their Impact on Assessment. In Sarason B.R., Sarason I.G., and Pierce G.R. (eds.). *Social Support: An Interactional View*. New York: Wiley, 1990, pp. 9–25.
20. Totterdell P., Holman D., Hukin A. Social Networkers: Measuring and Examining Individual Differences in Propensity to Connect with Others. *Social Networks*, 2008. Vol. 30 (4), pp. 283–296. doi:10.1016/j.socnet.2008.04.003
21. Tulin M., Lancee B., Volker B. Personality and Social Capital. *Social Psychology Quarterly*, 2018, no. 4, pp. 295–318. doi.org/10.1177/0190272518804533
22. Wolff H.G., Moser K. Effects of Networking on Career Success: A Longitudinal Study. *Journal of Applied Psychology*, 2009. Vol. 94, no. 1, pp.196–206. doi:10.1037/a0013350

Тест эмоционального интеллекта — русскоязычная методика

Е.А. СЕРГИЕНКО*,
ИП РАН, Москва, Россия,
elenas13@mail.ru

Е.А. ХЛЕВНАЯ**,
РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия,
elankha@yandex.ru

И.И. ВЕТРОВА***,
ИП РАН, Москва, Россия,
stranavetra@gmail.com

А.А. НИКИТИНА****,
Международный центр «Креативные технологии консалтинга»,
Москва, Россия,
nikitina@mc-ktk.ru

В статье в рамках модели эмоционального интеллекта как способности рассматриваются работы по адаптации методики MSCEIT v. 2.0 и разработке других методик, нивелирующие социально-культурные различия и специфичность стимулов при их применении на выборках, отличных от американской. Описана процедура разработки, стандартизации нового надежного психодиагностического русскоязычного инструментария, позволяющего измерить уровень разви-

Для цитаты:

Сергиенко Е.А., Хлевная Е.А., Ветрова И.И., Никитина А.А. Тест эмоционального интеллекта — русскоязычная методика // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 3. С. 177–192. doi:10.17759/sps.2019100311

* *Сергиенко Елена Алексеевна* — доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия, elenas13@mail.ru

** *Хлевная Елена Анатольевна* — доктор экономических наук, кандидат психологических наук, профессор, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия, elankha@yandex.ru

*** *Ветрова Ирина Игоревна* — кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия, stranavetra@gmail.com

**** *Никитина Александра Александровна* — магистр, методист-психолог, Международный центр «Креативные технологии консалтинга», Москва, Россия, nikitina@mc-ktk.ru

тия эмоционального интеллекта. В процессе создания новой методики измерения эмоционального интеллекта ТЭИ были учтены недочеты, выявленные в процессе стандартизации русскоязычной версии MSCEIT v. 2.0, в большинстве своем связанные с культурной спецификой. В психометрической проверке ТЭИ приняли участие 1007 человек в возрасте от 20 до 72 лет (487 мужчин и 520 женщин, средний возраст — 35,9 лет). Отмечены особенности ТЭИ по сравнению с методикой-прототипом MSCEIT v. 2.0. Методика ТЭИ демонстрирует удовлетворительный уровень основных психометрических показателей надежности и валидности.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, способность, психодиагностика, тест, апробация методики, валидность, надежность, стандартизация методики.

В последние годы понятие «эмоциональный интеллект» приобрело широкую известность как в научной среде, так и в сфере практического применения. Проблема применения эмоционального интеллекта как одного из ресурсов повышения эффективности и психологического благополучия человека тесно связана с возрастающей неопределенностью в условиях глобальных экономических изменений и находится в поле интереса различных отраслей психологии, экономики, социологии, политологии. Однако при всем разнообразии подходов к пониманию эмоционального интеллекта, существующих теорий и моделей крайне мало надежных и валидных методик, позволяющих измерить обозначенный конструкт. Одной из таких методик является методика ТЭИ, построенная в рамках модели способностей, позволяющая измерить эмоциональный интеллект методами, аналогичными методам для измерения интеллекта, а также учитывающая культурную специфику.

Содержательное наполнение понятия «эмоциональный интеллект» (ЭИ) было предложено в 1990 году Дж. Мэйером и П. Сэловеем в статье «Emotional intelligence». Они определили данный конструкт как способность регулировать свои

и чужие эмоции, различать их и использовать информацию, полученную от эмоций, для усиления эффективности своего мышления и действий. Навыки, образующие эмоциональный интеллект, были разделены на три группы способностей:

1) оценка и выражение эмоций (способности оценивать и выражать эмоции, подразделяющиеся на умения выражать собственные эмоции и давать им оценку с помощью вербального и невербального компонентов и на умения оценивать эмоции окружающих людей, которые разделены на компоненты — эмпатия и невербальное восприятие);

2) регуляция эмоций (способности, включающие умение человека регулировать эмоции, подразделяющиеся по направленности на себя и на других: регулирование своих эмоций и управление ими, а также влияние на эмоциональные состояния окружающих людей);

3) использование эмоций (способности, связанные с креативным мышлением, переадресацией внимания, мотивацией и гибким планированием).

Позднее, в 1997 году Дж. Мэйер и П. Сэловей внесли коррективы в модель, сместив акцент на когнитивную составляющую эмоционального интеллекта, постулируя тесную связь эмоций и ког-

ний, что соотносится с представлениями отечественных психологов Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна о единстве аффективных и когнитивных процессов. В результате было предложено новое определение ЭИ как способности перерабатывать информацию, содержащуюся в эмоциях, воспринимать и выражать эмоции, использовать эмоции для усиления мышления, понимать, анализировать и объяснять эмоции, регулировать собственные эмоции и эмоции других и управлять ими [10].

Дальнейшие исследования феномена эмоционального интеллекта позволили авторам выделить четыре компонента, иерархически выстроенных и последовательно развивающихся в онтогенезе: идентификация; использование; понимание и анализ; сознательное управление эмоциями.

Доработанная иерархическая модель ЭИ как способности легла в основу первого экспериментального варианта методики для измерения актуального уровня развития эмоционального интеллекта — теста MEIS (Multi-factor Emotion Intelligence Test). Тест содержал более 200 вопросов и состоял из 12 субтестов, но имел неудовлетворительные психометрические показатели, а содержащиеся в субтестах музыкальные фрагменты спровоцировали появление административных трудностей [11]. В результате авторами работа была продолжена.

В 1999 г. к исследователям присоединился Д. Карузо, а в 2002 г. Дж. Мэйер, П. Сэловей и Д. Карузо на основе теоретической модели ЭИ как способности создали новый психодиагностический инструмент — MSCEIT v. 2.0 (The Mayer-Salovey-Caruso Emotional Intelligence Test) — методику определения уровня эмоционального интеллекта [10]. Мето-

дика MSCEIT v. 2.0, будучи более сбалансированной и менее противоречивой, нежели предыдущая версия, имеет высокие психометрические показатели, которые были подтверждены множеством исследований, и признана международным научным сообществом как надежный психодиагностический инструмент. В настоящее время исследование эмоционального интеллекта в рамках модели способностей Дж. Мэйера, П. Сэловей и Д. Карузо наиболее интенсивно проводится в Центре эмоционального интеллекта Йельского университета.

Методика MSCEIT v. 2.0 насчитывает 141 задание, по две секции на каждую из четырех ветвей (рис. 1).

1. Ветвь, направленная на диагностирование способности воспринимать, оценивать и выражать эмоции или идентифицировать эмоции, содержит секции А и Е.

2. Ветвь, измеряющая способность использовать свое актуальное эмоциональное состояние с целью повышения эффективности мышления и продуктивности деятельности, содержит секции В и F.

3. Ветвь, направленная на диагностирование способности понимать и анализировать эмоции, включает секции С и G.

4. Ветвь, измеряющая способность сознательного управления эмоциями, содержит секции D и H.

Задачная методика MSCEIT v. 2.0 получила широкое распространение во многих странах. Однако в связи с социально-культурными особенностями перед исследователями вставали вопросы адаптации англоязычной методики и разработки собственного инструмента, нивелирующего специфичность стимулов в MSCEIT v. 2.0, проверки оригинальной структуры и валидности четырехфакторной модели эмоционального интеллекта.

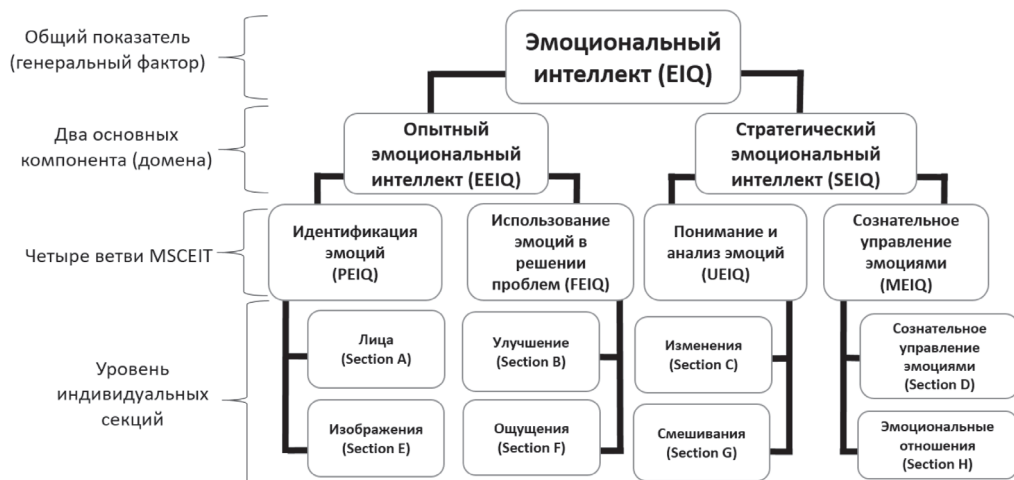

Рис. 1. Структура методики MSCEIT v. 2.0

Так, например, итальянские исследователи А. Кечи с соавторами указывают, что в процессе адаптации методики MSCEIT v. 2.0 на итальянской выборке было обнаружено, что, хотя методика обладает удовлетворительной дискриминантной и критериальной валидностью, однозначной интерпретации в пользу оригинальной четырехфакторной структуры эмоционального интеллекта сделать нельзя [8]. Исследователи предлагают проводить дальнейшие работы, направленные на установление факторной валидности теоретической модели MSCEIT, на выборках из представителей различных культур и большей размерности.

Китайские исследователи Ч.-С. Вонг и К.С. Лу отмечают возникновение потребности, связанной с культурной спецификой в оценке эмоционального интеллекта инструментом с меньшим количеством вопросов, чем оригинальный MSCEIT [13]. В связи с этим ими была разработана шкала эмоционального интеллекта (Wong & Law Emotional Intelligence Scale (WLEIS)), основанная на модели способ-

ности П. Сэловаея и Д. Мэйера [10]. Методика состоит из 16 вопросов и имеет четырехфакторную структуру, а также по аналогии с MSCEIT имеет общий фактор эмоционального интеллекта. Пройдя валидизацию на выборке китайских менеджеров и руководителей, методика продемонстрировала высокие значения надежности по шкале «общий эмоциональный интеллект».

Другая методика, основанная на модели способности, — «Профиль эмоционального интеллекта рабочей группы» (Workgroup Emotional Intelligence Profile (WEIP)) — создавалась австралийскими исследователями П. Джорданом и С. Лоуренс в ответ на потребность оценить эмоциональный интеллект команды или рабочей группы [9]. Методика имеет четыре измерения: осознание собственных эмоций и эмоций других, регуляция собственных эмоций и эмоций других. Представленные измерения дублируют две из четырех шкал MSCEIT v. 2.0. Данная методика прошла эмпирическую проверку на выборке из сотрудников органи-

заций Австралии, показав, в частности, хорошие показатели по конфирматорному факторному анализу и ретестовой надежности. Вместе с тем сами исследователи указывают на необходимость последующей работы, особенно над предикативной валидностью инструмента.

Перевод методики MSCEIT v. 2.0 на русский язык и ее стандартизация были осуществлены научным коллективом под руководством Е.А. Сергиенко в соответствии с соглашением с правообладателями методики MSCEIT v. 2.0 — Корпорацией психического здоровья (МНС) [2]. В целях повышения культурной валидности методики были изменены имена героев на русскоязычные аналоги, переписаны нарративные задания с учетом русскоязычной культурной среды.

В то же время был оставлен оригинальный стимульный материал — фотографии и картинки, однако был отмечен тот факт, что картинки и фото имеют свою культурную специфику, характерную для американской выборки, что может сказаться на показателях психометрики. Подобное допущение было расценено возможным, поскольку распознавание эмоций по мимическим проявлениям является базовой способностью человека, а широкое распространение американских фильмов делает предложенный набор лиц узнаваемым для респондентов [2].

В связи с тем, что ключи оригинальной методики созданы на основе экспертной оценки и консенсуса [1], они отражают специфические культурные особенности, характерные для американской выборки, из-за чего не могут быть использованы в другой культурной среде. Поэтому для адаптации теста используется не сам ключ, а принцип его построения: принцип консенсуса предполагает расчет баллов каждого участника в зависимости

от распределения баллов по всей культурно-специфической выборке; принцип экспертной оценки предполагает привлечение ученых высокой квалификации в области эмоционального интеллекта. В русской адаптации теста осуществляется сравнение экспертных оценок с данными распределения [2].

В психометрической проверке теста в период с 2006 по 2017 годы приняли участие 3827 респондентов, среди которых было 1578 мужчин и 2249 женщин (возраст испытуемых — от 16 до 72 лет). Также были собраны клинические данные по группам больных шизофренией, людей с различными зависимостями и группе подростков [2].

На этапе психометрической проверки надежности шкал русскоязычной версии MSCEIT v. 2.0 были получены удовлетворительные показатели. Тем не менее, наблюдается «провисание» ветви «Понимание и анализ эмоций»: показатели надежности секций, образующих ветвь, не превышают значения 0,65, принятого за нижнюю границу надежности.

Была показана адекватная факторная валидность: пригодными оказались четырехкомпонентная и двухкомпонентная модели эмоционального интеллекта в теории Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо. Четырехкомпонентная модель подтверждает теоретическую модель эмоционального интеллекта. Двухкомпонентная модель предполагает наличие в структуре эмоционального интеллекта двух групп способностей, названных «опытным» и «стратегическим» доменами.

Процесс стандартизации русскоязычной версии MSCEIT v. 2.0 осложнился рядом существенных факторов, например: отсутствие нормальности распределения данных, незначимые показатели критерия Колмогорова-Смирнова, де-

монстрирующего отступление распределения от нормального закона [2].

Таким образом, несмотря на соответствие русскоязычной версии MSCEIT v. 2.0 минимальным требованиям, предъявляемым исследовательским методикам, накопились вопросы, диктовавшие необходимость создания оригинального культурно-специфического и адекватного задачам диагностики и исследований инструмента — теста эмоционального интеллекта — ТЭИ.

В основе методики ТЭИ — модель эмоционального интеллекта как способности Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо [10] и психоэволюционная теория эмоций Р. Плутчика [12], позволившие создать логичную концепцию новой методики, а методика MSCEIT v. 2.0 послужила для ТЭИ прототипом [3].

Методика ТЭИ позволяет измерить общий показатель эмоционального интеллекта, показатели уровня развития эмоционального интеллекта по двум доменам: Опытному и Стратегическому; показатели по четырем ветвям: «Распознавание (идентификация) эмоций», «Использование эмоций для решения задач», «Понимание эмоций» и «Управление эмоциями»; а также показатели по разделам: «Лица», «Изображения», «Ситуации», «Фасилитация», «Эмпатия», «Изменения», «Смешивание», «Динамика», «Управление своими эмоциями», «Влияние на эмоции других».

В процессе создания методики ТЭИ были учтены замечания, связанные с культурной спецификой. Наиболее чувствительными к социокультурным аспектам оказались ветви, отвечающие за способности к распознаванию и пониманию эмоций. Как отмечают авторы концепции ЭИ, дополняя предложенную теорию принципами и обновлениями,

следует учитывать то, что выражение и проявление эмоций, а также понимание и оценивание их подвержены влиянию контекстных факторов и социокультурных аспектов [11]. Несмотря на наличие универсальных базовых эмоций, проявление которых узнается представителями различных культур, существуют специфические эмоциональные переживания, способы и нормы их выражения, обусловленные социокультурными параметрами [5]. Поэтому был полностью изменен стимульный материал раздела «Лица», входящего в ветвь распознавания эмоций. В качестве нового стимульного материала были использованы фотографии, для которых отбирались обычные люди, не актеры, представители русскоязычной культурной среды. С целью получения наиболее естественных эмоций для приглашенных людей были созданы специальные ситуации, провоцирующие ту или иную необходимую для фотографий эмоцию из восьми базовых, предложенных Р. Плутчиком [12].

Для раздела «Изображения», направленного на измерение способности распознавать эмоции в произведениях искусства, были использованы картины живописцев конца XIX—начала XX веков вместо абстрактных изображений (рис. 2).

Способность понимать и анализировать эмоции тесно связана с языком и языковой личностью, вследствие чего представители различных культур не могут одинаковым образом отражать и интерпретировать мир [6]. Поэтому при создании методики потребовалась серьезная работа над заданиями, входящими в соответствующую ветвь. Новые тестовые задания отражают репрезентативный спектр проблем, актуальных для представителей русскоязычной культуры.

В предложенных ситуациях поднимаются проблемы, связанные с четырьмя основными областями эмоционального взаимодействия:

- взаимодействие в рамках профессиональной сферы, включающей взаимоотношения с коллегами, партнерами, с руководителями/подчиненными, а также успешность и карьеру;

- взаимодействие с ближайшим окружением: семья, родственники, родители, дети, друзья;

- взаимодействие в рамках социальной сферы, включающей умение человека выстраивать доверительные отношения с другими людьми и взаимодействовать с ними, способность адаптироваться к изменяющимся условиям социума и др.;

- сфера, связанная с разрешением наиболее оптимальным путем конфликтов, возникающих при взаимодействии с различными участниками: с членами семьи, с коллегами и партнерами, людьми в социуме.

Структурные компоненты ТЭИ

Еще одним нововведением методики ТЭИ стало добавление к восьми основным разделам методики ТЭИ, позволяющим измерить уровень развития четырех способностей, образующих эмоциональный интеллект, девятого раздела, включающего два подраздела «Ситуации» и «Динамика» и направленного на определение уровня связанности одновремен-

1.

Оцените степень выраженности каждой из указанных ниже эмоций у человека на фото. Пожалуйста, выберите ответ по каждой шкале.

	Не выражена	1	2	3	4	Выражена сильно
Радость	☐	☐	☐	☐	☐	☐
Грусть	☐	☐	☐	☐	☐	☐
Интерес	☐	☐	☐	☐	☐	☐
Доверие	☐	☐	☐	☐	☐	☐

Насколько сильно выражены нижеприведенные эмоции в этой картине? Пожалуйста, дайте ответ по каждой шкале.

1. Отвращение

2. Удивление

3. Страх

Рис. 2. Примеры заданий из разделов, измеряющих способность идентифицировать эмоции по лицу (слева) и в художественных произведениях (справа)

но двух ветвей ЭИ — «Распознавание (идентификация) эмоций» и «Понимание эмоций» (рис. 3).

Ветвь 1. Способность к восприятию, идентификации, оценке и выражению эмоций или же распознавание эмоций. Состоит из раздела 1 «Лица», направленного на эмоциональное оценивание лиц; раздела 5 «Изображения», направленного на эмоциональное оценивание картинок, и раздела 9а «Ситуации», направленного на распознавание эмоций на лицах в динамике и с учетом дополнительных факторов.

Раздел 1 «Лица» содержит пять фотографий лиц, в которых участник тестирования оценивает степень выраженности и интенсивности пяти эмоций.

Раздел 5 «Изображения» содержит шесть картин художников конца XIX—начала XX веков, в которых респондент должен распознать общее настроение, которое содержится в окружении, и оценить степень выраженности и интенсивности пяти эмоций.

Раздел 9а «Ситуации» состоит из двух историй, описывающих некую ситуацию. Каждой истории соответствуют пять фотографий, которые отражают последовательное развитие событий.

Ветвь 2. Способность использовать актуальное эмоциональное состояние для повышения эффективности мышления и продуктивности деятельности или эмоциональная фасилитация мышления. Состоит из раздела 2 «Фасилитация», направленного на измерение способности к определению эмоций, эффективных для содействия мышлению в конкретной деятельности, и раздела 6 «Эмпатия», позволяющего измерить способности человека описывать свои эмоциональные состояния и почувствовать эмоции другого человека.

Раздел 2 «Фасилитация» состоит из шести заданий, направленных на понимание респондентом того, как эмоции повышают эффективность выполняемой деятельности, как соотносятся различные эмоции и различные виды деятельности.

Рис. 3. Структура методики ТЭИ

Респондент определяет степень полезности той или иной предложенной эмоции для каждой конкретной ситуации.

Раздел 6 «Эмпатия» включает пять заданий, позволяющих оценить способность респондента находить подходящие обозначения эмоционального состояния и соединять вербализованные эмоции и недифференцированные ощущения.

Ветвь 3. Способность к пониманию и анализу эмоциональной информации. Состоит из раздела 3 «Изменения», который позволяет измерить способность респондента понимать особенности перехода эмоций друг в друга, механизмы, провоцирующие их изменения, а также специфику протекания эмоций с течением времени; раздела 7 «Смешивание», направленного на диагностику способности тестируемого различать эмоции, входящие в смешанные и сложные чувства, а также понимать взаимодействие эмоций между собой; и раздела 9б «Динамика», направленного на измерение способности оценивать динамику эмоциональных состояний с учетом внешних факторов и объективного хода событий.

В разделе 3 «Изменения» респонденту предлагается ознакомиться с десятью ситуациями, герои которых переживают различные эмоции и находятся в различных эмоциональных состояниях. Раздел 3 направлен на оценку способности респондента понимать ситуативную обусловленность эмоций, которая предполагает когнитивное схватывание смысла самой ситуации и включение личного опыта переживания схожих состояний. Каждый вопрос предполагает выбор одного наиболее подходящего варианта ответа из пяти предложенных.

Раздел 7 «Смешивание» содержит набор из семи утверждений, направленных на определение степени понимания ре-

спондентом значения различных эмоций и эмоциональных состояний, а также понимания сложности сочетания эмоций в одном чувстве, амбивалентных чувств и комплексных эмоциональных состояний.

Раздел 9б «Динамика» включает вопросы по двум историям раздела 9а «Ситуации», в которых разворачивается некая ситуация. Участник тестирования должен ответить на вопросы, касающиеся последствий определенных действий героев ситуаций и динамики эмоциональных проявлений героев, выбрав наиболее соответствующий ситуациям вариант.

Ветвь 4. Способность к сознательной регуляции эмоций для улучшения межличностных отношений и личностного роста. Состоит из раздела 4 «Управление своими эмоциями», направленного на изучение способности респондента регулировать собственные эмоциональные состояния, и раздела 8 «Влияние на эмоции других», позволяющего измерить способность респондента регулировать эмоциональные состояния других людей.

Раздел 4 «Управление своими эмоциями» посвящен способности эффективно регулировать свои эмоции и управлять ими. В секции представлены четыре истории с некими событиями. Каждая история обладает тремя вариантами возможного продолжения. Респондент оценивает каждое продолжение истории, предполагая, как те или иные предложенные варианты действий поспособствуют продуцированию хорошего настроения или его сохранению у героя истории.

Раздел 8 «Влияние на эмоции других» направлен на измерение способности респондента оказывать влияние на эмоции других людей. Раздел состоит из трех ситуаций, в каждой из которых содержится описание взаимоотношений и трех вариантов возможных продолжений

этих взаимоотношений. Респондентом оценивается эффективность различных действий для сохранения хороших отношений между участниками ситуаций.

В основе подсчета баллов ТЭИ лежит принцип консенсусной оценки, а итоговые результаты представлены в баллах IQ.

Психометрическая проверка ТЭИ

Проверка психометрических показателей методики ТЭИ осуществлялась на выборке в размере 1007 человек (520 женщин и 487 мужчин, средний возраст — 35,9 лет).

Проверка нормальности распределения новых данных демонстрирует отклонение от нормального распределения, вызванное левосторонней асимметрией. Подобное смещение может быть объяснено особенностями подсчета баллов — на основе консенсуса, предполагающего наличие некоего «группового эксперта». Однако в процессе разработки многих тестов, в том числе и измеряющих интеллект, в основе подсчета баллов применяется принцип оценки экспертов и консенсуса, побочным эффектом которого может стать конформность к социальным нормам [2]. Вместе с этим можно отметить также трудоемкость нормирования теста в многонациональных странах, к которым относится и Россия.

Проверка надежности методики ТЭИ на новой выборке демонстрирует ту же расстановку сил, как и ранее [4]: наблюдаются высокие показатели надежности для разделов и ветвей, образующих Опытный домен: коэффициент split-half для ветви «Распознавание (идентификация) эмоций» равен 0,601, коэффициент альфа Кронбаха разделов этой ветви равен 0,625 для раздела «Лица»,

0,67 — для раздела «Изображения» и 0,654 — для раздела «Ситуации»; для ветви «Использование эмоций для решения задач» коэффициент split-half равен 0,66, коэффициент альфа Кронбаха разделов этой ветви равен 0,768 для раздела «Фасилитация» и 0,665 — для раздела «Эмпатия»; для Опытного домена коэффициент split-half составляет 0,616, а для общего уровня эмоционального интеллекта коэффициент split-half равен 0,728. Но наблюдается снижение надежности по Стратегическому домену (значение коэффициента split-half — 0,471), входящим в него ветвям (для ветви «Понимание эмоций» коэффициент split-half равен 0,153, а для ветви «Управление эмоциями» — 0,545) и разделам (для раздела «Изменения» альфа Кронбаха равен 0,395, для раздела «Смешивание» — 0,169, для раздела «Динамика» — 0,359; а разделы «Управление своими эмоциями» и «Влияние на эмоции других» ветви «Управление эмоциями» демонстрируют уровень коэффициента альфа Кронбаха 0,318 и 0,427 соответственно). Впрочем, снижение показателей надежности по разделам и ветвям, образующим Стратегический домен, а также его собственных показателей надежности не приводит к снижению уровня надежности общего показателя эмоционального интеллекта.

Проверка теоретической валидности методики ТЭИ строилась на основе корреляционного анализа данных, полученных с помощью ТЭИ и MSCEIT v2. На уровне первичных шкал проведенный корреляционный анализ с помощью критерия Спирмена показал, что секция А методики MSCEIT коррелирует с разделом 1 методики ТЭИ ($r=0,504$, $p<0,05$), секция В MSCEIT — с разделом 2 ТЭИ ($r=0,234$, $p<0,05$), секция Е — с разделом

5 ($r=0,644$, $p<0,05$) и секция F — с разделом 6 ($r=0,352$, $p<0,05$), остальные соответствующие друг другу шкалы двух методик не коррелируют. То есть по шкалам «Лица», «Фасилитация», «Изображения» и «Эмпатия» две методики согласованы. Также получены следующие значимые корреляции между секциями и разделами:

- раздел 1 ТЭИ («Лица») также коррелирует с секциями В, Е и F («Улучшение», «Изображения» и «Ощущения») MSCEIT ($r=0,441$; $r=0,464$; $r=0,289$ при $p<0,05$ соответственно);

- раздел 3 («Изменения») — с секцией Е («Изображения») ($r=0,222$, $p<0,05$);

- раздел 5 («Изображения») — с секциями А и В («Лица», «Улучшения») ($r=0,372$; $r=0,259$ при $p<0,05$ соответственно);

- раздел 6 («Эмпатия») — с секциями А, В, Е и G («Лица», «Улучшения», «Изображение» и «Смешивание») ($r=0,306$; $r=0,328$; $r=0,444$; $r=0,255$ при $p<0,05$ соответственно);

- раздел 7 («Смешивание») — с секцией D («Управление эмоциями») ($r=0,23$, $p<0,05$);

- раздел 8 («Влияние на эмоции») — с секциями А, В, Е и F («Лица», «Улучшение», «Изображения» и «Ощущения») ($r=0,225$; $r=0,319$; $r=0,236$; $r=0,239$ при $p<0,05$ соответственно);

- раздел 9а («Ситуации») — с секциями А, В, D, Е, F («Лица», «Улучшение», «Управление эмоциями», «Изображения») ($r=0,58$; $r=0,24$; $r=0,222$; $r=0,46$; $r=0,287$ при $p<0,05$ соответственно);

- раздел 9б («Динамика») — с секциями А, D и Е («Лица», «Управление эмоциями», «Изображения») ($r=0,281$; $r=0,226$; $r=0,22$ при $p<0,05$ соответственно).

Если обратить внимание на соответствующие друг другу ветви и домены

двух методик, можно отметить высокую корреляцию двух ветвей, относящихся к первому домену (идентификация эмоций и использование эмоций) в ТЭИ и MSCEIT ($r=0,735$; $r=0,365$ при $p<0,05$ соответственно). Наблюдается также значимая корреляция оценок домена опытного эмоционального интеллекта и общего эмоционального интеллекта ($r=0,603$, $p<0,05$). Ветви 3 и 4 и соответствующий им домен двух методик коррелируют незначимо.

Также показатели всех ветвей и доменов, полученные с помощью ТЭИ, положительно коррелируют с показателями опытного эмоционального интеллекта ($r=0,584$; $r=0,436$; $r=0,266$; $r=0,333$; $r=0,595$; $r=0,363$ при $p<0,05$ соответственно) и с показателями общего уровня эмоционального интеллекта ($r=0,487$; $r=0,353$; $r=0,224$; $r=0,303$; $r=0,493$; $r=0,326$ при $p<0,05$ соответственно). Ветвь 1 (идентификация эмоций) также коррелирует с показателями ветви 2 в MSCEIT ($r=0,337$, $p<0,05$), а ветвь 2 в ТЭИ — с показателями ветви 1 в MSCEIT ($r=0,424$, $p<0,05$).

Ветвь 4 (управление эмоциями) дополнительно коррелирует с показателями ветвей 1 и 2 в MSCEIT ($r=0,287$; $r=0,3$ при $p<0,05$ соответственно). С этими же ветвями MSCEIT значимо коррелируют оба домена и общий уровень эмоционального интеллекта по методике ТЭИ (с ветвью 1 — $r=0,712$; $r=0,385$; $r=0,703$ при $p<0,05$ соответственно; с ветвью 2 — $r=0,385$; $r=0,278$; $r=0,411$ при $p<0,05$ соответственно).

Также можно отметить, что показатели стратегического эмоционального интеллекта, полученные с помощью ТЭИ, значимо коррелируют с ветвью 4 (сознательное управление эмоциями) и доменом опытного эмоционального интеллекта, оцененных с помощью

MSCEIT ($r=0,267$; $r=0,363$ при $p<0,05$ соответственно). Общий уровень эмоционального интеллекта ТЭИ значимо коррелирует с доменами и общей оценкой эмоционального интеллекта в методике MSCEIT ($r=0,603$; $r=0,221$; $r=0,514$ при $p<0,05$ соответственно).

Также показано, что значительное количество связей выявлено в области Опытного домена как у ТЭИ, так и у методики-прототипа MSCEIT. Значимы связи на более высоких уровнях — доменов и общего уровня ЭИ. Таким образом, можно говорить о сопоставимой теоретической валидности методики ТЭИ: она измеряет тот же самый эмоциональный интеллект, что и апробированная методика MSCEIT, имеющая богатую психометрическую историю.

Исследование структурной валидности методики ТЭИ включало проверку трех моделей эмоционального интеллекта (см. табл. 1): четырехкомпонентной (по ветвям ЭИ), двухфакторной (по доменам ЭИ) и однофакторной (с «генеральным фактором» общего ЭИ). В результате было выявлено, что наибольшими показателями пригодности

обладают двухфакторная и четырехкомпонентная модели ЭИ, при добавлении дополнительных связей между ошибками разделов, образующих ветви использования эмоций для решения задач и управления эмоциями, были получены лучшие оценки однофакторной модели ЭИ.

Таким образом, психометрическая проверка методики ТЭИ позволяет утверждать, что тест является адекватным, надежным и валидным психодиагностическим инструментом, позволяющим измерить уровень развития эмоционального интеллекта респондента в рамках модели способностей, а также отражает культурную специфику, характерную для русскоязычного населения.

Заключение

Дальнейшие пути работы над методикой ТЭИ могут быть выстроены в нескольких направлениях. Одним из важных направлений является продолжение психометрической проверки на расширенной выборке, а также стандартизация

Таблица 1

Сравнение основных показателей трех моделей эмоционального интеллекта

Показатели	Рассматриваемые модели (выборка 1043 чел.)		
	Четырехфакторная	Двухфакторная	Однофакторная
df	29	34	35
χ^2	98,115	166,757	276,417
Уровень значимости χ^2 (p – value)	<0,001	<0,001	<0,001
RMSEA	0,049	0,062	0,083
90% доверительный интервал для RMSEA	(0,038; 0,059)	(0,053; 0,072)	(0,074; 0,092)
CFI	0,949	0,902	0,802
TLI	0,921	0,870	0,771
SRMR	0,034	0,050	0,059

методики для различных социальных и профессиональных групп.

Также в перспективе стоит задача исследования нормализации теста, а именно — левосторонней асимметрии, появление которой может быть обусловлено законом Спирмена — SLODR (Spearman's law of diminishing returns). Согласно SLODR, в группах наиболее интеллектуальных людей наблюдаются слабые положительные корреляционные связи между показателями когнитивных способностей [7]. Разрабатываемая методика ТЭИ имеет большой диагностический

потенциал, позволяет измерить эмоциональный интеллект в рамках научно обоснованной модели способностей в русскоязычной культуре и отвечает широкому спектру различных исследовательских, диагностических, консультационных и психотерапевтических задач. Методику ТЭИ можно использовать для решения как профессиональных, так и личностных задач, для работы с одним человеком и группой, для осуществления мониторинга, оптимизации работы сотрудников и руководителей, а также повышения эффективности организации в целом.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-013-00085 «Роль эмоционального интеллекта в эффективности деятельности и психологическом благополучии человека»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Мэтьюс Дж., Люсин Д.В., Зайднер М., Робертс Р.Д. Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения на практике // Психология. Журнал ВШЭ. 2004. Т. 1. № 4. С. 3–26.
2. Сергиенко Е.А., Ветрова И.И. Русскоязычная адаптация теста Дж. Мэйера, П. Сэловея, Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT V2.0). М.: Смысл, 2017. 140 с.
3. Сергиенко Е.А., Хлевная Е.А., Ветрова И.И., Киселева Т.С. Создание и психометрическая проверка методики измерения эмоционального интеллекта (ТЭИ) // Казанский педагогический журнал. 2017. № 3. С. 114–117.
4. Сергиенко Е.А., Хлевная Е.А., Ветрова И.И., Киселева Т.С. Факторная и структурная валидность методики ТЭИ (тест эмоционального интеллекта) // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. № 3. С. 33–36.
5. Шаховский В.И. Что такое лингвистика эмоций // Мир лингвистики и коммуникации. 2008. № 3 (12). С. 22–30.
6. Шаховский В.И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // Языковая личность: культурные аспекты: Сб. науч. тр. / Под науч. ред. В.И. Карасик. Волгоград: Волг. гос. пед. ун-т, 1996. С. 80–96.
7. Blum D., Holling H. Spearman's law of diminishing returns. A meta-analysis // Intelligence. 2017. Vol. 65. P. 60–66. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2017.07.004>
8. Curci A., Lanciano T., Soletti E., Salovey P., Zammuner V.L. Construct validity of the Italian version of the Mayer–Salovey–Caruso Emotional Intelligence Test (MSCEIT) v2.0. // Journal of Personality Assessment. 2013. Vol. 95. P. 486–494.

9. *Jordan P.J., Lawrence S.A.*, Emotional intelligence in teams: development and initial validation of the workgroup emotional intelligence profile – short version (WEIP-S) // *Journal of Management & Organization*. 2009. Vol. 15. P. 452–469. doi:10.1017/S1833367200002546
10. *Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R.* Mayer–Salovey–Caruso Emotional Intelligence Test (MSCEIT) user’s manual. Canada, Toronto: MHS Publishers, 2002. P. 131.
11. *Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R.* The Ability Model of Emotional Intelligence: Principles and Updates // *Emotion Review*. 2016. Vol. 8 (4). P. 290–300. doi:10.1177/1754073916639667
12. *Plutchik R.* A general psychoevolutionary theory of emotion // *Emotion: Theory, research, and experience* Vol. 1. / In Plutchik R., Kellerman H. (eds.). New York: Academic, 1980. P. 3–33.
13. *Wong C.-S., Law K.S.* The effects of leader and follower emotional intelligence on performance and attitude: an exploratory study // *The Leadership Quarterly*. 2002. Vol. 13 (3). P. 243–274. doi:10.1016/S1048-9843(02)00099-1

The test of emotional intelligence – a russian-speaking method

E.A. SERGIENKO*,
IP RAS, Moscow, Russia,
elenas13@mail.ru

E.A. KHLEVNAYA**,
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia,
elankha@yandex.ru

I.I. VETROVA***,
IP RAS, Moscow, Russia,
stranavetra@gmail.com

For citation:

Sergienko E.A., Khlevnaya E.A., Vetrova I.I., Nikitina A.A. The test of emotional intelligence – a russian-speaking method. *Sotsial'naiia psikhologiia i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10, no. 3, pp. 177–192. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100311

* *Sergienko Elena A.* – Doctor of Science in Psychology, Professor, Head of researches, Laboratory of the developmental psychology of the subject in normal and post-traumatic conditions, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, elenas13@mail.ru

** *Khlevnaya Elena A.* – Doctor of Science in Economics, PhD in Psychology, Professor of the Department of Financial Management, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, elankha@yandex.ru

*** *Vetrova Irina I.* – PhD in Psychology, Researcher, Laboratory of the developmental psychology of the subject in normal and post-traumatic conditions, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, stranavetra@gmail.com

A.A. NIKITINA****,
Methodologist-Psychologist of the IC CTC, Moscow, Russia,
nikitina@mc-ktk.ru

The paper describes the work on the adaptation of the MSCEIT v.2.0 methodology and the development of other methods within the framework of the model of emotional intelligence as ability that diminish sociocultural differences and specificity of stimuli when used in samples other than American ones. The article refers to the procedure for development and standardization of a new reliable psychodiagnostic Russian-speaking method for measurement of the level of development of emotional intelligence of a person. The TEI-method is based on the model of emotional intelligence as an ability by J. Mayer, P. Salovey and D. Caruso and the psychoevolutionary theory of emotions by R. Plutchik. According to the ability model, EI is defined as the ability to process information contained in emotions. In the process of creating a new methodology for measuring emotional intelligence – the TEI-method – the shortcomings of the standardization process of the Russian version of MSCEIT v.2.0 were identified, most of which were culturally specific. These shortcomings were taken into account. 1007 people aged 20 to 72 years (487 men and 520 women, average age 35.9 years) took part in the psychometric testing of the TEI-method. The differences of the TEI and the MSCEIT v.2.0 are described. The TEI-method demonstrates a satisfactory level of basic psychometric indicators of validity and reliability.

Keywords: emotional intelligence, ability, psychodiagnostics, test, approbation of a method, validity, reliability, standardization of a method.

Funding

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research № 19-013-00085.

REFERENCES

1. Matthews G., Lyusin D.V., Zeidner M., Roberts R.D. Emotsional'nyi intellekt: problemy teorii, izmereniya i primeneniya na praktike [Emotional Intelligence: Theory, Measures, and Applications]. *Psikhologiya. Zhurnal VShE [Psychology, HSE]*, 2004. Vol. 1, no. 4, pp. 3–26.
2. Sergienko E.A., Vetrova I.I. Russkoyazychnaya adaptatsiya testa Dzh. Mayera, P. Saloveya, D. Karuzo «Emotsional'nyi intellekt» (MSCEIT V2.0) [Russian adaptation of the test J. Mayer, P. Salovey and D. Caruso «Emotional Intelligence» (MSCEIT V2.0)]. Moscow: Smysl, 2017, 140 p.
3. Sergienko E.A., Khlevnaya E.A., Vetrova I.I., Kiseleva T.S. Sozdanie i psikhometricheskaya proverka metodiki izmereniya emotsional'nogo intellekta (TEI) [Creation and psychometric validation of methods for measuring emotional intelligence – TEI]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal [Kazan Pedagogical Journal]*, 2017, no. 3, pp. 114–117.

**** Nikitina Aleksandra A. – Master, Methodologist-Psychologist of the IC CTC, Moscow, Russia, nikitina@mc-ktk.ru

4. Sergienko E.A., Hlevnaya E.A., Vetrova I.I., Kiseleva T.S. Faktornaya i strukturnaya validnost' metodiki TEI (test emocional'nogo intellekta) [Factor and structural validity of the TEI (emotional intelligence test)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika* [Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 2017, no. 3, pp. 33–36.
5. Shahovskij V.I. Chto takoe lingvistika emocij [What is the linguistics of emotions]. *Mir lingvistiki i kommunikacii* [World of Linguistics and Communication], 2008, no. 3 (12), pp. 22–30.
6. Shahovskij V.I. Emocional'nye kul'turnye koncepty: paralleli i kontrasty [Emotional cultural concepts: Parallels and contrasts]. In Karasik V.I. (ed.). *Yazykovaya lichnost': kul'turnye aspekty: sb. nauch. tr.* [Language personality: cultural aspects]. Volgograd: Volg. gos. ped. un-t, 1996, pp. 80–96.
7. Blum D., Holling H. Spearman's law of diminishing returns. A meta-analysis. *Intelligence*, 2017. Vol. 65, pp. 60–66. doi: 10.1016/j.intell.2017.07.004
8. Curci A., Lanciano T., Soleti E., Salovey P., Zammuner V.L. Construct validity of the Italian version of the Mayer–Salovey–Caruso Emotional Intelligence Test (MSCEIT) v2.0. *Journal of Personality Assessment*, 2013. Vol. 95, pp. 486–494.
9. Jordan P.J., Lawrence S.A. Emotional intelligence in teams: development and initial validation of the workgroup emotional intelligence profile – short version (WEIP-S). *Journal of Management & Organization*, 2009. Vol. 15, pp. 452–469. doi:10.1017/S1833367200002546
10. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R. Mayer–Salovey–Caruso Emotional Intelligence Test (MSCEIT) user's manual. Canada, Toronto, MHS Publishers, 2002, 131 p.
11. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R. The Ability Model of Emotional Intelligence: Principles and Updates. *Emotion Review*, 2016. Vol. 8, No. 4, pp. 290–300. doi:10.1177/1754073916639667
12. Plutchik R. A general psychoevolutionary theory of emotion. In Plutchik R., Kellerman H. (eds.) *Emotion: Theory, research, and experience*. Vol. 1. New York: Academic, 1980, pp. 3–33.
13. Wong C.-S., Law K.S. The effects of leader and follower emotional intelligence on performance and attitude: an exploratory study. *The Leadership Quarterly*, 2002. Vol. 13 (3), pp. 243–274. doi:10.1016/S1048-9843(02)00099-1

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
SCIENTIFIC LIFE

**Второй международный симпозиум по проблемам психологии
дорожного движения и транспортной психологии
(Ноттингем, Великобритания, 11–12 апреля 2019 года)**

Т.В. КОЧЕТОВА*,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
kochetovatv@gmail.com

Публикация представляет собой краткий отчет о прошедшем 11–12 апреля 2019 года в Ноттингеме (Великобритания) Втором международном симпозиуме по проблемам психологии дорожного движения и транспортной психологии. В рамках данного симпозиума состоялась XVII Международная встреча психологов дорожного движения. В тексте отчета представлены основные идеи докладов, презентаций и сообщений участников симпозиума.

Второй международный симпозиум по проблемам психологии дорожного движения и транспортной психологии (далее — Симпозиум) проходил 11–12 апреля 2019 года в Университете Трента (Ноттингем). Программа Симпозиума включала в себя достаточно широкий спектр направлений в области психологии дорожной безопасности. В работе Симпозиума приняли участие представители разных стран: Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии,

Литвы, Нидерландов, России, Словакии, Украины, Чехии, Финляндии и Эстонии.

Организаторами Симпозиума были представлены интереснейшие выступления о развитии транспортной психологии и психологии дорожного движения в современной Великобритании. Открыл Симпозиум *Девид Крандалл* — профессор Университета Трента, известный специалист в области когнитивной психологии и исследований восприятия опасностей в дорожно-транспортной среде. Далее в

Для цитаты:

Кочетова Т.В. Второй международный симпозиум по проблемам психологии дорожного движения и транспортной психологии (Ноттингем, Великобритания, 11–12 апреля 2019 года) // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 3. С. 193–195. doi:10.17759/sps.2019100312

* *Кочетова Татьяна Викторовна* — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, факультет социальной психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, kochetovatv@gmail.com

приветственном докладе *Элизабет Бокс* было уделено внимание роли психологии и психологических исследований в обеспечении дорожной безопасности Англии.

Джон Гроегер рассказал об изучении динамики водительского поведения, связанного с возрастными изменениями. Он привел примеры результатов исследований, в которых наглядно представлена зависимость поведенческих особенностей в условиях дорожного трафика от возраста водителя и его стажа управления транспортным средством.

Возрастным аспектам дорожного поведения водителей также уделил внимание его коллега *Нейл Киннеар*. Он рассказал, как созревание коры головного мозга и развитие когнитивных функций влияют на поведение водителей, почему возрастной фактор играет важную роль в формировании безопасного поведения на дороге. Выступающий привел примеры исследований «психологических биомаркеров» (особых участков коры головного мозга), которые отвечают за восприятие и распознавание опасности. Фокус доклада был сделан на двух основных моментах: во-первых, особенностях восприятия дорожной обстановки начинающими водителями; во-вторых, влиянии тренингов с использованием специальных видеоматериалов (видеотестов) на умение распознавать опасности на дороге.

Энди Булл представил интереснейшую презентацию, в которой уделил внимание следующему вопросу: «Почему восприятие опасности на дороге не всегда оказывает влияние на поведение человека?». Он привел примеры технологии оценки восприятия различных опасностей в условиях дорожно-транспортной среды и обучения водителей, построенного на основе системы «Вос-

приятие опасности» (Hazard Perception). Автор доклада показал, как важно развивать у водителей способность к адекватному восприятию дорожной обстановки и обнаружению различных опасностей, а также умение дифференцировать эти опасности. Он также подчеркнул, что программа «Восприятие опасности» используется в Великобритании в тренингах по формированию безопасного водительского поведения.

В выступлении *Оливера Карстена* был затронут вопрос о месте и роли психологических исследований в области дорожной безопасности в государственной политике. Он представил подробный анализ отчетов полиции, подчеркнув, что изучение роли человеческого фактора в условиях дорожно-транспортной среды помогает в деталях понять причины многих аварий и дорожно-транспортных происшествий, что, в свою очередь, необходимо для их предотвращения в дальнейшем.

Особый интерес вызвал доклад *Гая Чемберлена* с подробнейшей презентацией системы тестирования водителей и определения их пригодности к управлению транспортным средством. Докладчик рассказал об этапах развития системы тестирования, которая была внедрена в Великобритании в 1996 году и постепенно изменялась с течением времени и развитием новых технологий. На сегодняшний день система содержит несколько тематических блоков, включающих теорию, а также ряд практических заданий, в которых требуется оценить различные дорожные ситуации, представленные в видеоклипах, и выбрать адекватный способ поведения. Автор также наметил возможные перспективы развития тестовой системы в связи с развитием современных технологий с

использованием элементов виртуальной реальности для диагностики водителей.

Важной содержательной частью Симпозиума стала традиционная международная встреча интернационального сообщества дорожных психологов (Traffic Psychology International). Представители разных стран поделились опытом работы в области дорожной безопасности, рассказали о своих исследованиях и практической деятельности. Были затронуты важные, ставшие традиционными темы: медико-психологического ассесмента водителей; программ психологических тре-

нингов для лиц, нарушающих Правила дорожного движения; использования новых психологических инструментов для диагностики дорожного поведения.

Как отметили все участники, Симпозиум стал важным событием в развитии идей транспортной психологии и психологии дорожного движения. Оценивая его итоги, можно с уверенностью сказать, что Симпозиум прошел на высоком профессиональном уровне и послужил основой определения дальнейших перспектив и ориентиров деятельности в области психологии дорожной безопасности.

The 2-nd Traffic and Transport Psychology Symposium (Nottingham, Great Britain, 11–12 April, 2019)

T. V. KOCHETOVA*,
MSUPE, Moscow, Russia,
kochetovatv@gmail.com

This publication is a summary of the 2-nd Traffic and Transport Psychology Symposium in Nottingham, Great Britain, April 11–12, 2019. During the Symposium, the XVII Traffic Psychology International meeting took place. This report contains the main ideas of the presentations and messages of the participants of the Symposium.

For citation:

Kochetova T.V. The 2-nd Traffic and Transport Psychology Symposium (Nottingham, Great Britain, 11–12 April, 2019). *Sotsial'naiia psikhologiiia i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019. Vol. 10. no. 3, pp. 193–195. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100312

* *Kochetova Tatiana V.* — PhD in Psychology, Assistant professor, Chair of Psychology of Management, Department of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, kochetovatv@gmail.com

Распалась ли связь времен в социальной психологии? К 95-летию юбилею Г.М. Андреевой

В 1908 году А. Блок написал к юбилею Л.Н. Толстого: пока великий писатель *«живет среди нас»*, ничего страшного и непредсказуемого не может случиться с нами и Россией. *«А если закатится солнце, умрет Толстой, уйдет последний гений, — что тогда?»*. Надеюсь, читатель простит претенциозность сравнения (разумеется, эмоционально

окрашенную). В 2014 году перед своим 90-летием ушла из жизни Г.М. Андреева, которая казалась *«константой в неопределенности»* [10], поднимающейся над шумом времени, и в России, да и повсюду в мире начались известные стремительные изменения. Случайность, напоминающая слова Блока о Толстом...

Для цитаты:

Хорошилов Д.А. Распалась ли связь времен в социальной психологии? К 95-летию юбилею Г.М. Андреевой // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 3. С. 196–201. doi:10.17759/sps.2019100313

Ученики Галины Михайловны после ее смерти написали воспоминания о личном опыте общения с Учителем [7; 8; 9], оставив в стороне «неудобный» вопрос: какова судьба научной школы социальной психологии, которая на протяжении полувека создавалась на факультете психологии МГУ? Ведь то была и *школа мысли*, и *школа действия* (в соответствии с подходом К. Левина, «отца-основателя» современной экспериментальной социальной психологии), действия по категоризации и преобразованию жизненного пространства того, кто соприкасается с психологией, ибо познание и действие всегда неразрывно связаны, одно порождает другое.

Одна из главных задач ученого, согласно Г.М. Андреевой (бывшей не просто свидетелем, но и непосредственным участником исторических событий XX века, о чем она рассказывает в открытом и провокационном интервью [12]), — включение науки в контекст социальных изменений и проблем. Этот момент был принципиальным, начиная с ранних книг о «буржуазной социологии» [3]. И знание, которым делилась Г.М. Андреева, действительно помогало осмыслить радикальные сломы истории, общества и культуры, затронувшие все стороны повседневной жизни в «эпоху перемен».

Эпистемологический источник размышлений Андреевой — культурно-деятельностная парадигма Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, чьи имена не сходят со страниц ее книг, статей, докладов. Сопоставляя их взгляды с достижениями социологии, психологии и других смежных дисциплин, она установила в центре социальной психологии *проблему социального познания*: как обычный чело-

век познает окружающий его повседневный мир [2].

Что скрывается за формулой: социальное познание — конструирование образа социального мира, опосредующего деятельность человека в реальном мире? Кратко говоря, образ социального мира — это знаковое средство, которое интерсубъективно создается и затем используется людьми для ориентации в ситуации неопределенности, помогая найти им собственное место в «текущей» современности и транзитивности. Субъект социального познания — и индивид, и группа одновременно. Г.М. Андреева не уставала подчеркивать: на наших глазах происходит «расхождение» социальной реальности и ее образа, образ мира в российском обществе становится неадекватным происходящим социальным трансформациям [1]. Эта гипотеза получала доказательства в исследованиях психологов, социологов, политологов наших дней.

В отличие от англоязычной традиции «Social cognition», Г.М. Андреева считает необходимым включить в предметное поле социальной психологии не только межличностное общение лицом к лицу (в диадах или малых группах), но также и содержание общественного, массового сознания (характеризующее социальные институты и большие группы). Трактовка социального познания как процесса конструирования образа мира объединяла микро- и макроуровни социальной структуры. Подобная логика рассуждений прослеживается в трех дисциплинарных разделах социальной психологии: «общение» — «группы» — «личность». Сказанное означает, что в групповом и межгрупповом общении формируется личность человека, его персональная/социальная идентичность, определяемая

типом общества и культуры, в которых он осуществляет свою практическую деятельность [4].

Многие из теоретических идей, разрабатываемых Г.М. Андреевой, нашедших отражение в последних прижизненных публикациях, в том числе на страницах созданного при ее участии журнала «Социальная психология и общество» [5], предвосхитили научные тренды. Вот только некоторые из них: исследования социокультурной детерминации познавательных процессов; знаковых систем, дискурсов конструирования образа мира (науки, искусства, религии, медиа); коллективных переживаний и эмоций; восприятия социального пространства и времени; коллективной памяти; образа городской среды и др. [6].

Несколько лет назад Т.Д. Марцинковская и автор этих строк почти синхронно написали статьи памяти Г.М. Андреевой [11; 13]. Несмотря на принадлежность к разным научным поколениям, мы, не сговариваясь, пришли к одинаковым выводам: в школе социальной психологии Галины Михайловны обретается утерянная «связь времен» между интеллектуальными традициями — дореволюционной «Серебряного века», советской психологии, ког-

нитивной науки и конструкционизма. У Г.М. Андреевой «встречаются» или, как она любила говорить, «закljučают консенсус» противоречащие друг другу эпистемологии и теории.

Вряд ли уже возможно вернуть величие научных построений прошлого, масштаб мысли и личности их авторов, которые стали символами ушедшей эпохи, ее надежд, концептуальных побед и поражений. Что точно не следует забывать — это интерес Галины Михайловны к актуальному моменту в развитии общества и культуры. Она была внимательна к новым направлениям и методологиям в психологии, устанавливая их связь с классическим наследием. В творчестве Г.М. Андреевой мы должны найти не только памятник науке прошлого, но и ответы на волнующие нас вопросы о человеке в обществе, переосмысляя их с точки зрения современного гуманитарного знания в соответствии с требованиями времени. Стоит напомнить продолжение знаменитой метафоры У. Шекспира из «Гамлета»: если связь времен разорвалась, то мы рождаемся, чтобы соединять их обрывки. Такова судьба.

*Д.А. Хорошилов**

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Образ мира и/или реальный мир? // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 33–43.
2. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005. 303 с.
3. Андреева Г.М. Современная буржуазная эмпирическая социология. М.: Мысль, 1965. 303 с.
4. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2010. 363 с.

* Хорошилов Дмитрий Александрович — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, факультет психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия, d.khoroshilov@gmail.com

5. *Андреева Г.М.* Социальная психология: новый журнал и новые перспективы // Социальная психология и общество. 2010. № 1. С. 4–12.
6. *Андреева Г.М.* Социальная психология сегодня: поиски и размышления. М.: НОУ ВПО МПСИ, 2009. 160 с.
7. *Агадуллина Е.Р.* Главная мама // Поколения ВШЭ: ученики об учителях / М.М. Юдкевич, Ю.В. Иванова и др. М.: ВШЭ, 2013. С. 38–41.
8. *Базаров Т.Ю.* Личная вовлеченность – особый стиль факультета // Национальный психологический журнал. 2016. № 3 (23). С. 45–48.
9. *Бовина И.Б.* Памяти научного руководителя // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2015. № 1. С. 98–100.
10. Константа в неопределенном и меняющемся мире: маленькая психологическая серенада к юбилею Г.М. Андреевой / Под ред. Зинченко Ю.П., Марцинковской Т.Д. М.: МГУ, 2009. 399 с.
11. *Марцинковская Т.Д.* Галина Михайловна Андреева. Константа в транзитивном мире (1924–2014) // Выдающиеся психологи Москвы. М.: МГППУ, 2016. С. 519–529.
12. *Пугачева М.* «Война спровоцировала всякие запросы о жизни». Интервью с Г.М. Андреевой // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 78–87.
13. *Хорошилов Д.А.* От социального познания – к эпистемологии общества (памяти Г.М. Андреевой) // Национальный психологический журнал. 2016. № 3 (23). С. 76–85.

The continuity of the knowledge in Social Psychology, could it be possible? Commemoration to the 95th anniversary of G.M. Andreeva

This paper is dedicated to the memory of Galina Mihailovna Andreeva, who was a creator of the Russian school of Social Psychology at the faculty of Moscow State University. Andreeva suggested that the psychologist's main objective was to integrate scientific knowledge into the context of social changes and issues. She determined the main problem of Social Psychology as the problem of social cognition. Social cognition represents constructing the image of the social world, which is vicariously lived by people in their everyday life. This definition unites such theories as sociocultural approach (L. Vygotsky, A. Leontiev, A. Luria), K. Gergen's social constructionism and cognitive psychology (S. Fiske). According to the ideas of Andreeva, the image of social world integrates micro- and macro-levels of social structure, what manifests in general directions of the discipline of Social Psychology: communication-groups-personality. Indeed, human personality is formed through group interactions, as well as his personal and social identity which are determined by the culture and by the society where we interact. The concepts elaborated by Andreeva greatly anticipated contemporary research on the perception of social space and time, collective emotions and experiences, as well as collective memory. Therefore, we see the need for an immediate revisit of her heritage in the context of the modern human sciences.

D.A. Khoroshilov*

REFERENCES

1. Andreeva G.M. Obraz mira i/ili real'nyi mir? [An image of the world or the real world?]. *Voprosy Psichologii*, 2013, no. 3, pp. 33–43.
2. Andreeva G.M. Psikhologiya sotsial'nogo pozvaniya [Psychology of social cognition]. Moscow: Aspekt Press, 2005. 303 p.
3. Andreeva G.M. Sovremennaya burzhuaznaya empiricheskaya sotsiologiya [Modern empirical sociology]. Moscow: Mysl', 1965. 303 p.
4. Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya [Social psychology]. Moscow: Aspekt Press, 2010. 363 p.
5. Andreeva G.M. Social psychology: New Journal, New Perspectives. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2010, no. 1, pp. 4–12. (In Russ., abstr. in Engl.).

For citation:

Khoroshilov D.A. The continuity of the knowledge in Social Psychology, could it be possible? Commemoration to the 95th anniversary of G.M. Andreeva. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019. Vol. 10. no. 3, pp. 196–201. doi:10.17759/sps.2019100313

* *Khoroshilov Dmitry A.* — PhD in Psychology, Senior Research Associate, Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, d.khoroshilov@gmail.com

6. Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya segodnya: poiski i razmyshleniya [Social psychology today: search for reflections]. Moscow: NOU VPO MPSI, 2009. 160 p.
7. Agadullina E.R. Glavnaya mama. In M.M. Yudkevich, Yu.V. Ivanova i dr. (ed.). *Pokoleniya VShE: ucheniki ob uchitelyakh* [Generations of HSE University: students about their teachers]. Moscow: VShE, 2013, pp. 38–41.
8. Bazarov T.Yu. Lichnaya vovlechenost' – osobyi stil' fakul'teta [Personal involvement as a special style of Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2016, no. 3 (23), pp. 45–48.
9. Bovina I.B. Pamyati nauchnogo rukovoditelya [In Memoriam of Scientific Supervisor]. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika* [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics], 2015, no. 1, pp. 98–100.
10. Konstanta v neopredelennom i menyayushchemsya mire: malen'kaya psikhologicheskaya serenada k yubileyu G.M. Andreevoi [Constant in an uncertain and changing world: a small psychological serenade for the anniversary of G.M. Andreeva.]. Zinchenko Yu.P., Martsinkovskaya T.D. (ed.). Moscow: MGU, 2009. 399 p.
11. Martsinkovskaya T.D. Galina Mikhailovna Andreeva. Konstanta v tranzitivnom mire (1924–2014) [Galina Mikhailovna Andreeva. Constant in transitive world]. *Vydayushchiesya psikhologi Moskvy* [Notable psychologists of Moscow]. Moscow: MGPPU, 2016, pp. 519–529.
12. Pugacheva M. “Voyna sprovotsirovala vsyakiye zaprosy o zhizni”. Interv'yu s G.M. Andreevoy [The war provoked different questions about life. Interview with G.M. Andreeva]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 2002. Vol. 2, no. 3, pp. 78–87.
13. Khoroshilov D.A. Ot sotsial'nogo poznaniya – k epistemologii obshchestva (pamyati G.M. Andreevoi) [From social cognition to social epistemology (in memory of G.M. Andreeva)]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2016, no. 3 (23), pp. 76–85.

Светлой памяти О.В. Хухлаевой
In memory of O.V. Khukhlaeva

14 декабря 1952 г. — 11 сентября 2019 г.

11 сентября 2019 года ушла из жизни **Хухлаева Ольга Владимировна**, доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования факультета «Социальная психология» Московского государственного психолого-педагогического университета.

Ольга Владимировна начала работу в области психологии и педагогики в 1984 году в качестве учителя, а затем завуча начальной школы. В 1990 году она защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.07 — «Педагогическая психология» (психологические науки) в Московском педагогическом университете.

ческом университете им. В.И. Ленина. В 1998 году получила звание доцента, а в 2002 году защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора педагогических наук по специальности 13.00.01 — «Общая педагогика, история педагогики и образования».

Ольга Владимировна являлась бессменным сотрудником кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования практически со времени основания кафедры, принимала деятельное участие в массе научно-исследовательских и практических проектов, вела активную преподавательскую деятельность. Она являлась членом двух диссертационных советов МГППУ, осуществляла научное руководство аспирантами и соискателями ученой степени кандидата психологических и педагогических наук.

Наряду с научной деятельностью Ольга Владимировна была замечательным практическим психологом и специалистом в сфере психологического консультирования семьи, детей и подростков. Она являлась разработчиком уникальных методик в сфере дошкольного и школьного образования с детьми и подростками, а также автором множества программ, книг, учебных и методических пособий. Среди них: «Лабиринт души. Терапевтические сказки»; «Маленькие игры в большое счастье: как сохранить психологическое здоровье дошкольника»; «Тропинка к своему “я”»: программа формирования психологиче-

ского здоровья у младших школьников»; «Счастливый подросток: программа профилактики нарушений психологического здоровья»; учебные пособия по дисциплинам «Поликультурное образование» и «Этнопедagogика».

Ольга Владимировна много лет руководила психологической службой НОУ «Ломоносовская школа» в Москве, НОУ «Школа Президент», а затем Многопрофильной Школы Права и Экономики. В 2012 году была награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации «За значительные успехи в организации и совершенствовании учебного и воспитательного процессов, формировании интеллектуального, культурного и нравственного развития личности и многолетний плодотворный труд». В 2018 году ей было присуждено звание «Почетный профессор Московского государственного психолого-педагогического университета».

До последних дней Ольга Владимировна принимала непосредственное участие в научно-практической работе МГППУ. Коллеги и многочисленные ученики всегда будут помнить Ольгу Владимировну как творческого и жизнерадостного человека, интеллигентного и неизменно доброжелательного, увлеченного своим делом профессионала и преподавателя, личным примером вдохновившего не одно поколение студентов и выпускников.

Светлая память!

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России

127051 Москва, ул. Сретенка, 29, к. 207

Тел.: +7 (495) 608-16-27

+7 (495) 632-95-44

Факс +7 (495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390 Москва, Шелепихинская наб., 2А, к. 409

Тел. +7 (499) 244-07-06 (доб. 233)

e-mail: *k-409rio@list.ru*

Корректор *А.А. Кошкина*

Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:

Sretenka st., 29, office 207

Moscow, Russia, 127051

Phone: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

fax: +7(495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409

Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)

e-mail: *k-409rio@list.ru*

Technical editor *A.A. Koshkina*

Maker-up *M.A. Baskakova*